

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

12 1990

Из архивов КГБ
•
Г. А. Потемкин:
" ...Измаил
храбростью войск...
покорен"

•
Бабий Яр
под Катинью?
•
Бомба и для...
Сахарова

ПАЦИФИСТ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Подписка на наш журнал принимается всеми отделениями связи и органами "Союзпечати" без каких-либо ограничений и на любой срок.

В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно.

Подписная цена: на год – 12 р.;

на 6 месяцев – 6 р.

В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

ISSN 0321-0626

12 1990

1-96

• "Поздравляю, Иван! Ты выиграл!"

Художник В. В. ДОРОШЕНКО

ВЫСОКУЮ оценку юнармейским играм "Зарница" и "Орленок" дали делегаты I Всесоюзного юнармейского слета, состоявшегося в Кишиневе. Делегаты, из которых большинство составляли учащиеся школ, СПТУ, техникумов, приняли решение объединить различные формы военно-патриотического воспитания (игры "Гайдаровец", "Зарница", "Орленок", посты у Вечного огня Славы, клубы юных летчиков, десантников, саперов, дзержинцев, пожарных и др.) в единое Всесоюзное юнармейское движение и утвердили Положение о нем, избрали командующего, а вместо нескольких ранее существовавших штабов — Главный штаб Всесоюзного юнармейского движения.

Юнармейское движение воспитывает патриотов. Участвуя, например, в операции "Дорогой героев", посвященной 45-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, юнармейцы встречались с ветеранами минувшей войны, воинами-интернационалистами, семьями погибших, многим из них оказали конкретную помощь, приняли участие в поисках незахороненных павших защитников Родины, увековечении их памяти, при-

ведении в порядок мемориальных знаков, воинских захоронений и могил участников войны, пополнили музеи новыми документами, экспонатами, провели военно-спортивные соревнования, игры на местности.

Недавно в Севастополе состоялся Всесоюзный юнармейский финал. Именно там они, юнармейцы, встали на защиту юнармейского движения, когда во время финала в "Комсомольской правде" появилась статья Б. Минаева, который, не выходя из редакционного кабинета в Москве, дал оценку происходившему в Севастополе. "Почему так нечестно по отношению к нам поступил журналист? Почему не приехал, не посмотрел, чем мы здесь занимаемся? Почему взрослые решают за нас до сих пор, определяют, что нам нравится, а что не нравится?" — с удивлением и возмущением спрашивали юнармейцы.

Мы же, отвечая оппонентам, критикам юнармейского движения, заявляем, что будем делать все для воспитания истинных патриотов, защитников социалистического Отечества.

Л. ПЕСТЕРЕВ,
начальник Главного штаба
Всесоюзного юнармейского
движения

На Всесоюзном юнармейском финале
в городе-герое Севастополе.

Фото А. Е. ШАДРИНА

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

Издается
ежемесячно

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ 12 1990 ЖУРНАЛ

Главный редактор
В. И. ФИЛАТОВ.
Редакционная коллегия:
Н. Т. АКСЕНОВ
(ответственный
секретарь),
А. В. БЕТХТИН,
И. Н. ВЕНКОВ,
А. Ф. ГОЛОБОРОДОВ,
С. Г. ИЩЕНКО
(заместитель
главного редактора),
А. Г. ЕВДОШЕНКО,
В. Т. ИМИНОВ,
П. Н. ЛАЩЕНКО,
В. Н. ЛОВОВ,
А. М. МАЙОРОВ,
С. В. ОГОРОДНИК,
В. Г. ОППОКОВ,
Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ,
К. Б. РАШ,
О. Д. ФЕДЮНИН.
Редактор по отделу
оформления
А. Е. ШАДРИН.
Художественный
редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.
Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95,
296-45-01, 296-45-35.
Сдано в набор 9.10.90.
Подписано к печати
14.12.90.
Бумага 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,4 + 0,35 вкл.
Уч.-изд. л. 11,3.
Усл. кр.-отт. 14.
Высокая печать.
Тираж 277 000 экз.
Зак. 2416. Цена 60 коп.
Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда»,
123826, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© «Военно-исторический журнал», 1990.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
Москва, 1990

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

- А. А. НИКИФОРОВ — Русско-румынские отношения и формирование границы 3
Огонь и меч готовы к истреблению
(Публикация А. С. СЕРГЕЕВА) 8
И. В. ИВАНОВ — Направленность румынских публикаций по истории 15

ИЗ ТАЙНЫХ АРХИВОВ СПЕЦСЛУЖБ РЕЙХА

- Г. Г. АЛОВ — Палачи 18

БОМБА И ДЛЯ... САХАРОВА

- А. С. ФЕКЛИСОВ — Подвиг Клауса Фунса 22

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

- Бабий Яр под Катынью?
(Публикация А. С. ПРОКОПЕНКО, А. С. СУХИНИНА) 30

ГРИМАСЫ ПЛЮРАЛИЗМА

- И. М. КОМАРОВ — Окрик из посольства 41

ФАРС И ТРАГЕДИЯ

- Поезд Троцкого
(Публикация О. В. ГОЛОВНИКОВОЙ, И. И. ВОЛКОДАЕВА) 47

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ

- МАРК ФОН ХАГЕН — Армия и общество в 20-е годы 53
А. П. НЕНАРОКОВ, О. В. НАУМОВ — Глазкам американо-американского историка 60
А. И. ЗАЛКИНД — За полую правду 66

ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО

- Ветров, он же — Солженцын 72

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

- В. А. ШЕСТАКОВ, А. К. МАКАРЕНКОВ — Конверсия военного производства 79

ЭПОХА В АВТОБИОГРАФИЯХ

- Константин Константинович Рокоссовский 86

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

- Неизвестное о Тухачевском 88

- Указатель статей, опубликованных в «Военно-историческом журнале» в 1990 году 92

НАМ ПИШУТ

14, 21, 46, 71, 78, 91, 95

«ЕЩЕ ОДНА ПРОСЬБА...»

В нашем журнале № 6 за 1990 год была опубликована «Анкета читателя». Радует то, что написали нам люди, которым не безразлична судьба журнала, его настоящее и будущее. Ответили на анкету в основном подписчики журнала, его истинные почитатели, люди, интересующиеся историей и принимающие ее такой, какой она была.

Хотелось бы отметить, что в большинстве анкет читатели прежде всего выражают свое отношение к журналу, а затем уже отвечают на вопросы. И особенно приятно, что отношение это — уважительное: «...журнал действительно уважаемый за относительную строгость, взвешенность, чистоплотность. Это немало в наше время, когда после прочтения газет и журналов хочется вымыть руки, очистить их от налета слизи, в которой концентрируются ложь, тупость, продажность, чванство, безответственность», — пишет Т. И. Калиникова из Кировограда. — Думаешь, за что на нашу страну такое навалилось, и отвечаешь — за то, что забыли о том, чего нам дали наши отцы и деды. Но это не забыли те, у кого во имя справедливости отняли богатство и власть».

Наверное, именно поэтому наши читатели все, как один, просят освещать историю «без выхолощивания, только правду, подтвержденную историческими данными» (А. В. Шеварев, Донецкая обл.), «не извращать историю в угоду кому бы то ни было, не делать ее в интересах наших правителей» (Г. П. Самохотин, Саратовская обл.). И по мере своих сил редакция старается удовлетворить запросы читателей. Все пожелания и предложения мы обобщим и в первую очередь будем публиковать на страницах журнала материалы, посвященные событиям, о которых просит рассказать максимальное количество подписчиков.

В новом, 1991 году редакция будет продолжать вести рубрики, наиболее пользовавшиеся читателями нашего журнала: «В поисках правды», «Гриф секретности снят», «Исследуя судебные материалы» и другие. Будут публиковаться материалы и под рубрикой «В помощь изучающим военную историю». В ее пользу высказались очень многие наши читатели, в том числе и члены военно-исторического клуба «Арсенал» из города Брянска: «Мы категорически не согласны с тем, что, как пишут некоторые читатели, не нужна рубрика «В помощь изучающим военную историю». И дело не только в том, что это сфера наших увлечений. Среди нас немало офи-

церов и солдат запаса, и мы прекрасно понимаем, как важно взять все лучшее, что было в истории нашей армии, а также возродить лучшие ее традиции. Большей армии, ее проблемы близки нам...»

Отрадно, что среди наших читателей много молодежи: рабочие, студенты, учащиеся 8—11-х классов. Нам пишут военнослужащие, историки, юристы, научные работники, экономисты. Всех этих людей объединяет одно общее чувство — любовь к истории, и движет ими одна общая цель — употребить опыт истории на благо Отечества.

Вот выдержки только из одной анкеты Герхарда Штейнке из Германии:

«Я немецкий гражданин, и поэтому мое мнение, наверное, не типично, но у меня есть желание написать вам, потому что уже несколько лет являюсь подписчиком журнала. И может быть, вам интересно, как иностранец оценивает журнал.

1. Я отдаю предпочтение рубрикам: «Из тайных архивов спецслужб рейха», «Гриф секретности снят», «Исследуя судебные материалы», «Документы и материалы»...

7. Мне 57 лет, по профессии — историк, учитель (немецкого и русского языков). Работаю на гонораре, имею хорошие контакты с советскими друзьями, начинаю писать репортажи о советских гарнизонах в Мейссене и Дрездене, об истории казарм до 1945 г. и в настоящее время...

В конце письма мое мнение о статье «Чьи топокарты были лучше?» (№ 4—1990 г.). Мне в конце войны было 11 лет. После освобождения моей деревни Курорт Харта между Дрезденом и Фрейбергом мы нашли много географических карт Советского Союза, планы балтийских городов и 8 карт, на которых стояли надписи: «Генеральный штаб сухопутных войск. Только для служебного пользования». Март, апрель, май 1941 г. Это интересные исторические документы подготовки нападения на Советский Союз.

У меня есть еще одна просьба. Мне хотелось бы познакомиться и переписываться с советским ветераном Великой Отечественной войны, который бы участвовал в боях под Мейссеном и в освобождении Мейссена.

Мой адрес:
Gerhard Steinecke
Max-Kamprath-Straße 14/242-29 Meissen.

Более подробно мы расскажем об анкетах в ближайших номерах.

Л. И. БУЛЫЧЕВА

РУССКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАНИЦЫ

КНЯЖЕСТВА Молдавия и Валахия, слияние которых в XIX веке привело к образованию государства Румынии, возникли в XIII веке на территории, входившей некогда в состав Римской империи. Вплоть до подчинения Османской империи в XIV—XV вв. оба княжества находились в ленной зависимости от Венгрии, а Молдавия некоторое время — от Польши. В XV веке княжества подпали под власть Турции, причем Валахия в силу своего географического положения подчинилась раньше. Молдавия же некоторое время при Стефане Великом сопротивлялась и даже нанесла туркам в 1475 году крупное поражение. Близость к Турции и большая степень подчинения Валахии препятствовали развитию русско-валахских отношений.

Тот же XV век считается временем зарождения русско-молдавских отношений. Именно тогда молдавский правитель Стефан Великий заключает династический брак с сестрой русского царя Ивана III Евдокией, что по тем временам было равнозначно союзу двух государств. К этому же времени относятся первые попытки создания русско-молдавского военного союза против Турции.

Однако до воссоединения Украины с Россией в 1654 году у Русского государства не было общей границы с Молдавским княжеством, которое к началу XVI века располагалось между Дунаем и Днестром. Переяславская рада наглядно показала растущую мощь Руси, и молдавский господарь Георге Стефан отправляет в 1656 году в Москву

свое посольство во главе с митрополитом Гедеоном с ходатайством о принятии Молдавии в подданство России. Царь Алексей Михайлович дает согласие, а боярская Дума утверждает его решение. Молдавское посольство принесло присягу царю, были оговорены все условия перехода княжества в подданство России, но войны России с Польшей, а затем со Швецией не позволили завершить это дело. Кроме того, вскоре турецкий султан сместил и самого Георге Стефана.

В 1674 и 1684 гг.¹ последовали новые обращения господарей Молдавии и Валахии с просьбами о принятии княжеств в подданство, о помощи и покровительстве. Такие обращения становятся константой внешнеполитических устремлений княжеств на протяжении полутора веков. И в этом нет ничего удивительного: духовенство, бояре и господа княжеств понимали, что без покровительства и поддержки мощного государства (такого, как Россия или позднее Австрия) им не добиться государственной независимости, самостоятельности, а главное — освобождения от турецкого ига. Важно отметить, что в обращениях отчетливо видна забота о сохранении законов, традиций и порядков, исторически сложившихся в княжествах. Еще более важно то, что Россия согласна была сохранить фактическую автономию во внутренних делах княжеств. Согласно жалованной грамоте царя Алексея Михайловича² и «Диплому и пунктам» Петра I³ Молдавия вхо-

¹ ЦГАДА, ф. 68 (Сношения с Молдавней), оп. 3, д. 11, лл. 1—2 об.

² Там же, оп. 1, 1656, д. 2, лл. 41—45.

³ Там же, оп. 3, д. 19, лл. 1—4.

дила в состав России как самоуправляющаяся область, что означало возможность самостоятельного развития ее государственности при покровительстве и защите от внешней опасности со стороны России.

За это приходилось бороться вместе. В 1710 году Турция объявила войну России. Молдавский господарь Д. Кантемир заключил с Петром I союз против Османов (1711 г.). Участвовать в борьбе с турками записалось около 17 тыс. добровольцев-молдаван.

Однако Прутский поход Петра I окончился неудачей. По условиям русско-турецкого договора от 12 июля 1711 года русская армия покинула не только Молдавию, но и другие ранее завоеванные земли⁴. Чтобы избежать преследований со стороны турок, князь Д. Кантемир вместе с тысячами молдаван укрылся в России, где продолжал свою деятельность как выдающийся ученый и просветитель.

Для Валахии и Молдавии настали тяжелые времена. Турецкий султан стал управлять в княжествах с помощью знатных греков (фанариотов из Стамбула), что значительно ухудшило положение валахов и молдаван. И вновь в период русско-турецкой войны 1735—1739 гг. появляются обращения молдавских и валашских господарей, бояр и духовенства к императрице Анне Иоанновне с просьбами о помощи, покровительстве и принятии в русское подданство⁵. В сентябре 1739 года между российским главнокомандующим Минихом и «статами духовными и светскими Молдавии» была заключена конвенция об условиях вхождения Молдавского княжества в состав России⁶. Тем не менее эта конвенция не была подтверждена русско-турецким (Белградским) мирным договором 1739 года и поэтому не вступила в силу.

В 60—70-е гг. XVIII века просьбы валахов и молдаван «о защите

и покровительстве» возобновились⁷, и опять это было связано с русско-турецкой войной (1768—1774 гг.), которая вновь породила надежду на избавление от турецкого гнета с помощью России. В ходе этой войны русские войска заняли княжества. И хотя Россия по условиям Кючук-Кайнарджийского договора 1774 года вернула Турции Валахию и Молдавию, она получила право вмешательства во внутренние дела княжеств, право заступничества за их христианское население. Необходимо отметить, что 16-я статья договора предусматривала возвращение Порте «Бессарабии с городами Аккерман, Килия, Измаил и прочими», а также крепости Бендеры. И только после этого (как о чем-то другом!) говорилось о возвращении обоих княжеств турецкому султану при выполнении определенных условий: «полной амнистии» населению княжеств, соблюдении религиозных и имущественных прав местного населения и т. д. Оговаривалось право Молдавии и Валахии «иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона». Здесь важно подчеркнуть, во-первых, заботу об интересах жителей княжеств, их безопасности, так как многие из них воевали на стороне России; во-вторых, сознательное выделение Бессарабии и в географическом отношении, и в отношении населения.

В 1783 году по настоянию российского посланника в Константинополе Я. Н. Булгакова турецкое правительство издало хатти-шериф, касавшийся податей в княжествах и порядка смещения господарей. Подати должны были быть упорядочены, а вопрос о смещении господаря ставился только в том случае, если бы он совершил преступление.

Нестабильная обстановка в княжествах, попытки России и Австрии договориться о разделе Османской империи привели к новой войне России с Турцией (1787—1791 гг.), в которую оказалась втянутой и Австрия, имевшая свои виды на Валахию и Молдавию. Россия вновь заняла Бессарабию и Молдавию, но

⁴ Юзефович Т. Договоры России с Востоком. — СПб., 1869. — С. 11—15.

⁵ Шульман Е. В. Прорусская партия в Валахии и ее связи с Россией в 1736—1737 гг. // Русско-румынские и советско-румынские отношения. — Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1969. — С. 7—41; Архив внешней политики России (далее АВПР), ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, оп. 68/1, 1736—1737, д. 2; 1737, д. 3.

⁶ ПСЗРИ, № 7891, лл. 890—894.

⁷ АВПР, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, оп. 68/2, 1769, д. 2, лл. 3—6; 1770, д. 1, лл. 25—26, 29—30, 32—33.

по условиям Ясского мирного договора 1791 года вернула и то и другое Турции. Ясский договор полностью подтверждал все статьи Кючук-Кайнарджийского договора и последующих конвенций и дополнений. Таким образом, в течение XVIII века русские войска четыре раза занимали, а затем отдавали Турции Бессарабию и Молдавию.

Россия зорко следила за соблюдением русско-турецких договоренностей. В июле — сентябре 1802 года посланник России в Константинополе В. С. Тамара вел с турецким правительством переговоры о необходимости улучшения положения в Молдавском и Валахском княжествах. В результате были согласованы и приняты Портой дополнительные статьи к хатти-шерифам, определявшим внутреннее устройство Молдавии и Валахии. Россия продолжала заботиться об интересах двух княжеств. Необходимо сказать и другое. На свидании русского и австрийского монархов в Могилеве в 1780 году уже обсуждался план раздела Турции. Россия в случае распада Османской империи претендовала не только на Бессарабию, но и на Молдавию и Валахию. Однако Австрия не согласилась с этим, и было решено дать княжествам автономию при покровительстве России. В результате — русско-турецкая война 1806—1812 гг., в ходе которой русская армия опять заняла Молдавию и Валахию. Самый сильный правитель в Европе — Наполеон признал присоединение княжеств к России по 8-й статье русско-французской конвенции 1808 года⁸. Со стороны России это было главным условием заключения мирного договора с Турцией. Но турки не шли на подписание такого соглашения. Время шло, нарастала угроза войны с самим Наполеоном. В связи с этим Россия пошла на уступки, и главнокомандующему М. И. Кутузову было предписано вначале «ограничиться требованием Молдавии и Бессарабии»⁹, а затем — только Бессарабии.

⁸ Внешняя политика России в XIX и начале XX века. — Серия I. — Т. IV. — М.: Политиздат, 1965. — С. 359—363 (конвенция 30 сентября (12 октября) была подписана в Эрфурте).

⁹ АВПР. ф. Канцелярия, д. 1918, лл. 297—299; д. 1958, лл. 118—122.

За 26 дней до вторжения Наполеона в Россию 16 (28) мая 1812 года в Бухаресте был подписан мирный договор, по которому новая граница между Российской и Османской империями была установлена по р. Прут, от входа ее в Молдавию до соединения с Дунаем, и левому берегу Дуная, от соединения этих двух рек до Килийского устья и до моря. К России отошла Бессарабия с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил. Следует признать, что тем самым произошло отделение части Молдавского княжества (до 50 проц. территории и не более 25 проц. населения). Однако несомненно и то, что население этого края было освобождено от гнета Османской империи, наиболее реакционной и отсталой державы Европы, от постоянных набегов татар и опустошительных походов турецких армий. Приобщенная к общероссийскому рынку, в условиях мира, Бессарабия стала быстро развиваться экономически. Огромное значение имела обретенная духовная свобода — беспрепятственное отправление религиозных потребностей населения, абсолютное большинство которого исповедовало православие.

Россия, получив Бессарабию, не оставила без внимания княжества Молдавию и Валахию. По Бухарестскому договору (статья V) подтверждались все права и преимущества Дунайских княжеств, предусмотренные предыдущими русско-турецкими договорами. Кроме того, Турция обязывалась на 2 года освободить население княжеств от всех налогов.

Молдавское княжество по-прежнему нуждалось в помощи России, о чем свидетельствуют новые прошения молдаван о покровительстве в декабре 1813 года¹⁰.

25 сентября (7 октября) 1826 года была заключена русско-турецкая Аккерманская конвенция, которая подтверждала статьи Бухарестского договора 1812 года и обязывала Турцию разрешить избирать господарей княжеств из местных бояр сроком на 7 лет. Нельзя не отметить всей важности такого соглашения.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 797, оп. 2, д. 6284-а, лл. 3—5.

Оно свидетельствует о стремлении России углубить и расширить внутреннюю автономию княжеств, ослабить влияние турецкого султана в княжествах.

Постоянные нарушения Турцией своих обязательств привели к новой русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Победив и на этот раз, Россия по условиям заключенного 2 (14) сентября 1829 года Адрианопольского мира «приняла на себя ручательство в их (княжеств. — Авт.) благоденствии». Статья 5, подтверждая все предыдущие русско-турецкие договоры, предоставляла Дунайским княжествам свободу богослужения, совершенную безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли. Отдельный акт договора устанавливал вместо семилетнего пожизненного срока правления господарей, которые могли быть смещены только по обоюдному согласию России и Турции. Турецкие подданные должны были покинуть территорию княжеств, отдав все земли и продав все имущество в течение 18 месяцев. Княжества освобождались от принудительных поставок товаров. Турция обязывалась освободить княжества от уплаты дани на 2 года и «утвердить» избранные их жителями органы управления при условии сохранения верховной власти Порты. Таким образом, Россия добилась еще большего улучшения положения Молдавии и Валахии, а также значительного расширения их внутренней автономии. Среди материалов Архива внешней политики России МИД СССР удалось обнаружить интереснейшие документы, свидетельствующие о желании Николая I, оказав помощь в создании «административной структуры» и проведении законодательной, исполнительной и судебной реформ в Дунайских княжествах, без промедления вывести оттуда русские войска, опровергнув тем самым слухи о захватнических планах России¹¹. Неоднократно Николай I передавал главнокомандующему 2-й армией И. И. Дибичу требование «очистить» княжества после возмещения Турцией торгового ущерба и

создания в них системы управления¹². Небезынтересно и то, что в России уже в начале 1830 года предполагали, что в будущем оба Дунайских княжества составят единое государство. Это отчетливо видно из письма вице-канцлера К. В. Нессельроде полномочному председателю Диванов Молдавии и Валахии П. Д. Киселеву¹³.

Меры находившейся в Дунайских княжествах в 1829—1834 гг. русской администрации по централизации управления, ликвидации таможенных границ и принятию фактически одинаковых для обоих княжеств конституций — Органических регламентов отвечали целям сближения и последующего объединения Молдавии и Валахии.

Парижский трактат от 18 (30) марта 1856 года, который подвел итоги Крымской войны 1853—1856 гг., в статьях XX—XXI предусматривал передачу Молдавскому княжеству, находившемуся под верховной властью Порты, небольшой части территории Бессарабии с устьем р. Дуная (Кикийская область), с 1812 года принадлежавшей России. Никто не решился говорить о всей Бессарабии, так как право на нее России было признано Европой.

Несмотря на позор Крымской войны и унижительные положения Парижского трактата, Россия принимала самое живое участие в объединении княжеств в 1858—1861 гг. Процесс объединения, проходивший при активном вмешательстве европейских держав, шел непросто. Однако одно можно сказать определенно: Россия на всех этапах придерживалась требования о предоставлении княжествам возможно более широкой автономии¹⁴. Россия в отличие от других государств приветствовала избрание А. Кузы господарем Молдавии и Валахии в начале 1859 года. Происшедшее в дальнейшем охлаждение отношений России с княжествами явилось исключительно следствием недовольст-

¹² Там же, лл. 221—230 (К. В. Нессельроде — И. И. Дибичу; 23 сентября (5 октября) 1829 г.).

¹³ Там же, оп. 469, л. 114, лл. 8—13 (К. В. Нессельроде — П. Д. Киселеву; 24 марта (5 апреля) 1830 г.).

¹⁴ Там же, 1857, д. 146, лл. 460—467; 1858, д. 116, лл. 401—410; 1859, д. 20, л. 363.

¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 2968, лл. 285—307 (К. В. Нессельроде — И. И. Дибичу; 13(25) октября 1829 г.).

ва царя сосредоточением здесь революционных эмигрантов и их деятельностью. Но уже в 1866 году Александр II решился восстановить отношения, а в 1868 году назначил в Румынию дипломатического агента. Само название «Румыния» было признано Россией в начале 1870 года¹⁵. Остается добавить, что еще до признания независимости Румынии от Турции Россия заключила с ней ряд соглашений как с суверенным государством¹⁶.

В связи с началом Восточного кризиса 1875—1878 гг. и подготовкой к войне с Турцией Россия в апреле 1877 года после длительных и трудных переговоров в Бухаресте подписала с Румынией политическую и военную конвенции, предусматривавшие: первая — будущую независимость румынского государства, вторая — проход русских войск к Дунаю. Непосредственное участие румынской армии в войне на стороне России и Болгарии было незначительным.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. окончилась победой России. Вначале был заключен предварительный Сан-Стефанский мирный договор (19 февраля (3 марта) 1878 г.), по которому Турция признала независимость Румынии и должна была компенсировать ей ущерб. Россия получила право вернуть себе отчужденную в 1856 году часть Бессарабии, «границающую с юга с руслом Килийского рукава (Дуная. — Авт.) и устьем Старого Стамбула...».

1 (13) июля 1878 года закончил работу Берлинский конгресс. По статьям Берлинского трактата, изменившего положения Сан-Стефанского мирного договора против воли России, Румыния была признана независимым государством (статья 43) при условиях, изложенных в 44-й и 45-й статьях. В 44-й статье говорилось о равенстве всех граждан перед законом вне зависимости от религиозных верований и исповеданий; а в 45-й статье предусматривалось, что «княжество Румыния уступает обратно е. в-ву императору всероссийскому часть Бессарабской

территории, отошедшей от России по Парижскому договору 1856 г., ограниченную с запада руслом Прута, с юга — руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула».

Выступая на заседании конгресса 29 июня, на котором обсуждались статьи о Румынии, канцлер А. М. Горчаков обратил внимание на то, что территориальные приобретения Румынии на 3,5 тыс. кв. км больше (а населения на этих землях на 80 тыс. человек больше), чем уступленная России часть Бессарабии. Российский канцлер был убежден, что Россия поступает согласно праву и справедливо регулируя с румынским правительством на взаимовыгодной основе вопрос, без решения которого будет невозможно установить между Россией и Румынией хорошие отношения, необходимые для укрепления мира на Востоке. С особым ударением А. М. Горчаков подчеркнул: «...все права и привилегии Румынии были обеспечены ценой русской крови. Нет ни одного договора, подписанного в течение века между Россией и Турцией, который не содержал бы положений, благоприятных для румын»¹⁷.

С начала XIX века во внешней политике Румынии начинают появляться империалистические тенденции, что прежде всего относится к территориальным претензиям. Так, во время 2-й Балканской войны румыны аннексируют часть Болгарии¹⁸.

Во время первой мировой войны Румыния долго торговалась с каждой из воюющих сторон, выговаривая себе разные территориальные приобретения взамен на согласие вступить в войну. При переговорах с Россией румынский посол Диаманди даже позволил себе угрожать²⁰. И как только в 1918 году обстановка на фронтах и слабость революционной России позволили, Румыния сразу же аннексировала Бессарабию. В 1940 году Бессарабия вновь вошла в состав СССР.

А. А. НИКИФОРОВ, сотрудник Архива внешней политики России МИД СССР.

¹⁵ Там же, 1866, д. 164, л. 1; д. 31, л. 12.
¹⁶ Там же, ф. Турецкий стол (старый), д. 4342.

¹⁷ Там же, 1878, д. 29, лл. 13—14.
¹⁸ Там же, ф. Политархив, дд. 3740, 3741.

²⁰ Там же, д. 3898, л. 29.

ОГОНЬ И МЕЧ ГОТОВЫ К ИСТРЕБЛЕНИЮ

*Руины представляя лишь собою,
Пал Измаил; он пал, как дуб могучий,
Взлелеянный веками великан,
Что вырвал с корнем грозный ураган.
БАЙРОН, «Дон-Жуан»*

В 1774 году в Кючук-Кайнарджи между Россией и Турцией был подписан мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне. Поражение Турции в этой войне резко ослабило авторитет султана не только внутри страны, но и за рубежом. По мнению турецкого правительства, подогреваемого английскими и прусскими посланниками, Турция могла вернуть себе былое величие только после новой победоносной войны.

Обеспокоенные возрастающей мощью России, дипломаты западных стран, не скупясь на обещания, подталкивали Турцию к развязыванию новой войны. Они сулили и возобновление Польшей войны против России, и выступление Швеции, и кейтралитет Австрии, и, естественно, денежную помощь Европы. Турция верила этому, потому что хотела верить.

Русскому посланнику Булгакову был предъявлен ультиматум — вернуть Турции Крым и признать недействительными последние соглашения. Турция разговаривала с Россией как с побежденной страной.

Итак, война практически началась, и притом в очень неблагоприятный момент для русской армии. После подписания Кючук-Кайнарджийского мира русское правительство резко сократило ассигнования на армию. Кроме того, 1787 год выдавался кеурожайным. В Москве и Петербурге разразились голодные бунты. Полки были укомплектованы наполовину. Пушек и снарядов не хватало, обмундирование и вооружение поступало в армию, как правило, не полностью и неудовлетворительного качества.

В 1787 году Потемкин двинул против турок флот. Но сильный шторм разметал корабли. Один из них занесло в Константинополь, а остальные были вынуждены вернуться для ремонта в Севастопольскую гавань.

Временно Турция получила безраздельное господство в Черном море. Воодушевленные этим, турецкие войска высадили десант и 1 сентября приступили к штурму крепости Кинбурн.

Разгром десанта численностью более 5000 человек вынудил Турцию отказаться от наступательных действий. Однако многочисленные турецкие крепости, запиравшие выход из Черного моря, оставались препятствием для деятельности русского правительства по экономическому развитию причерноморских областей и Крыма.

В декабре 1788 года русские войска штурмовали Очаков. Штурм длился час с четвертью. Затем были победы под Фокшанами и Рымником.

По вполне объективной оценке как советских, так и зарубежных историков, русская дипломатия упустила военные и политические возможности, появившиеся после Фокшан и Рымника, для заключения выгодного России мира. Интриги и хитроумные заверения дипломатов западных стран заставили Турцию продолжать войну. Отстаивая свои политические интересы, Турция делала ставку на оставшуюся систему крепостей Килийей, Тульчей, Исакчей, Измаил. Для успешного окончания войны России необходимо было покорить и эти крепости.

Первые три из них были взяты русскими войсками в кратчайший срок. Остался Измаил. Пока стоял этот оплот турецкого могущества, Турция не склонна была к переговорам.

Дальнейшее повествование об одной из славных побед русского оружия, героизме и мужестве русских людей, отдавших свои жизни за освобождение единоверцев от турецкого ига, поведут документы, хранящиеся в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР.

Итак, слово документам.

«**З**ИМОЮ 1789—1790 гг. и летом Суворов был на прежнем посту. Турки неподвижно сидели за Дунаем в своих крепостях. Вскоре австрийцы заключили с турками мир и России приходилось вести борьбу с Турцией один на один. Тяжело было наше положение: на севере шла другая война — со шведами, дела с Польшей были близки к разрыву; возможно

было, что к числу врагов присоединится также и Пруссия. Мир с Турцией был желанным.

Все турецкие крепости на нижнем течении этой реки пали; остался невзятым один лишь грозный Измаил; до падения же его нельзя было рассчитывать, что турки будут просить о мире.

Два раза пытались мы овладеть этой

твердыней, но оба раза неудачно. Потемкин наконец назначил на это дело Суворову¹.

25 ноября 1790 г. из Бендер²

«Измаил остается гнездом неприятелю и, хотя сообщение прервано через флотилию, но все он **вяжет руки** для предприятий дальнейших, моя надежда на бога и на Вашу храбрость, поспеши, мой милостивый друг. По моему ордеру к тебе присутствие там личное твое соединит все части. Много там различных и генералов, и из того выходит всегда некоторый род сейма нерешительного. Рибас будет Вам во всем на пользу и по предприимчивости, и усердию. Будешь доволен и Кутузовым; огляди все и распоряди, помоляся богу, принимайте; есть слабые места, лишь бы дружно шли. Князю Голицину дай наставление, когда бы поможет, пойдет выше.

Вернейший друг и покорнейший слуга князь Потемкин-Таврический»³.

По титуле его светлости, превосходительному г. Сераскиру-паше Измаильскому, прочим пашам-начальникам, войскам и всем жителям [Письмо, направленное Потемкиным-Таврическим в Измаил].

28 ноября 1790 г. № 1748

Приближа войска к Измаилу и окружа со всех сторон сей город, принял уже я решительные меры к покорению его. Огонь и меч уже готовы к истреблению всякой в нем дышущей твари. Но прежде нежели употребятся сии пагубные средства, я, следуя милосердию всемилостивейшей моей Монархини, гнушающейся пролитием крови человеческой, требую от вас добровольной отдачи города, в таком случае все жители и войска измаильские, турки, татары и прочие, какие есть закона магометанского, отпустятся за Дунай с их имением. Но если будете вы продолжать бесполезное упорство, то с городом последует судьба Очакова, и тогда кровь невинная жен и младенцев останется на вашем ответе.

К исполнению сего назначен храбрый генерал граф Александр Суворов-Рымникский⁴.

Всеподданнейшее донесение князя Потемкина

8 января 1791 г. № 1

Я имел счастье донести Вашему Императорскому Величеству, что Измаил храбрости войск Вашего Императорского Величества покорен. Приступ был мужествен,

неприятель многочислен, крепость пространный и приведенная в наилучшее оборонительное состояние, отпор был сильный; и отчаянная оборона обратилась на гибель и совершенное сокрушение неприятеля.

Здесь всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству все обстоятельства сей знаменитой победы, начиная с того времени, как я препоручил г. генералу-аншефу и кавалеру графу Суворову-Рымникскому команду над войсками у Измаила и произведение штурма на сию крепость.

Войсками там находящимися командовали: сухопутными на правом фланге — генерал-поручик Потемкин, на левом — генерал-поручик Самойлов, гребным флотом — генерал-майор Рибас, коим и противулежащий городу остров был занят и батареи были там готовы к действию.

Генерал граф Суворов-Рымникский по принятии команды 2-го дня декабря начал приготовление к построению с обоих флангов батарей, приказал на берегу Дуная делать фашины и заготавливать лестницы, вдобавок к привезенным из Галац. Работа сия кончилась 5-го дня того месяца.

В сей день войска расположены лагерем вокруг города; число их 6-го дня умножилось прибытием Фанагорийского гренадерского полка и ста пятидесяти мушкетер Апшеронского, с несколькими донскими казаками и арнауками.

7-го дня декабря послано в Измаил с офицером и двумя трубачами письмо мое к сераскиру с требованием сдачи. Оное принято вежливо высланными из города чиновниками. В тот же день наряд был к сооружению на обоих крылах по две батареи на десять орудий каждую: с правой стороны во сто-шестьдесят сажень от города, с левой в двухстах, и первые две построены под пушечными выстрелами. Все оные были деланы в присутствии господ генерал-поручиков и кавалеров Потемкина и Самойлова.

8-го числа на вечер получен от сераскира ответ, заключающий единое упрямство и гордость неприятеля, полагавшего твердую надежду на силы свои.

9-го числа дан словесный ответ на письмо сераскиру, что не будет уже более никому пощады; и того ж дня создан генералитет на совет, на котором все единогласно положили сделать генеральный приступ.

К сему назначено 11-е число минувшего месяца. Шесть колонн определены были к

¹ Русскому солдату о Суворове. — СПб., 1890. — С. 75.

² Письмо адресовано А. В. Суворову.

³ ЦГВИА, ВУА, 2378, лл. 226 об. — 227.

⁴ Дубровин Н. Р. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. — СПб., 1895. — С. 284.

атаке с сухого пути и три колонны с резервом со стороны Дуная, для высадки.

Правое крыло в трех колоннах поручено г. генерал-поручику и кавалеру Потемкину. В первой из них под начальством генерал-майора и кавалера Львова были назначены: первый батальон Белорусского егерского корпуса, два батальона Фанагорийского гренадерского полка и сто пятьдесят мушкетер полка Апшеронского, в команде полковника князя Лобанова-Ростовского; остальные два батальона Фанагорийского полка назначены были в резерв сей колонне. Вторая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Лассия составлена из трех батальонов Екатеринославского егерского корпуса, имев с собою сто двадцать восемь стрелков, а четвертый батальон оного и четвертый батальон Белорусского егерских корпусов в резерве сей колонне. Третья колонна под начальством генерал-майора и кавалера Мекноба составлялась из трех батальонов Лифляндского егерского корпуса со ста двадцатью восемью стрелками впереди и в резерв оной пехотный Троицкий полк. Конные полки правого крыла — Северский карабинерный, Воронежский гусарский и полк Донских казаков подполковника Сычова — должны были прикрывать колонны.

Левое крыло поручено было г. генерал-поручику и кавалеру Самойлову; три колонны оное составляли, а четвертая колонна под командою бригадира и кавалера Орлова из тысячи пятисот Донских же казаков в ее резерве. Пятая колонна под командою бригадира и кавалера Платова из пяти тысяч казаков, а для резерва обеих сих колонн назначен Полоцкий пехотный полк. Начальство обеих сих колонн поручено г. генерал-майору и кавалеру графу Безбородко. Шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова составлялась из трех батальонов со ста двадцатью стрелками Бугского егерского корпуса и в резерве два батальона Херсонского гренадерского полка и тысячи казаков.

На гребном флоте для десанта умножены были войска под начальством генерал-майора и кавалера де-Рибаса, и за день до приступа отправлены с правого крыла второй и третий батальоны Белорусского егерского корпуса, а с левого крыла два батальона Херсонского гренадерского полка. С сим отделением составляло число регулярного войска на флоте сем 11 батальонов и сверх того казачье

войско Черноморское. Все они разделены были на три колонны: первая под начальством генерал-майора Арсеньева составлялась из Приморского Николаевского гренадерского полка, одного батальона егерского Лифляндского корпуса, двух тысяч Черноморских казаков; авангард оной полковник и кавалер Головатый с тремястами казаков. Вторая колонна под командою бригадира и кавалера Чепеги составлялась из Алексопольского пехотного полка, двух сотен человек Днепровского Приморского и тысячи казаков. Третья колонна под командою гвардии г. секунд-майора и кавалера Маркова из восьмисот человек Днепровских Приморских гренадер, одного батальона Бугского егерского и двух батальонов Белорусского егерского ж корпусов и тысячи казаков.

По сему предположению сделанная диспозиция отдана была частным и колонным начальникам и объявлена всем чинам; и благовременно как фашины, так и лестницы по колоннам розданы.

10-го числа по восхождению солнца, с гребного флота, с острова и с четырех батарей на обоих крылах, на берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась непрерывно до самых тех пор, как войска пошли на приступ. В тот день из крепости сначала ответствовало непрерывною пушечною пальбою, но к полудню пальба умалилась, а к ночи вовсе пресеклась; чрез всю ночь было молчание и токмо слышен был глухой шум, изыявляющий внутреннюю заботу и осторожность.

С 10-го на 11-е число в три часа пополуночи все войска выступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а гребной флот к Дунаю плыл к указанным местам. В пять часов с половиною все колонны как с сухого пути, так и водою двинулись на приступ.

Густой туман скрывал от неприятеля начальное наше движение; но вдруг с приближением первой и второй колонн неприятель открыл пушечную картечную пальбу, и ружейный огонь вокруг всего вала загорелся; жестокий сей отпор не удержал стремление войск Вашего Императорского Величества, ободряемых присутствием г. генерал-поручика Потемкина, и мгновенно вторая колонна приближалась ко рву, спустилась в оный. Генерал-майор и кавалер Лассий, поруча секунд-майору Неклюдову отражать стрелками неприятеля, приказал лейб-гвардии Измайловского полка прапорщику князю Гагарину приставить лестницы,

по которым егеря быстро взошли на вал, опрокинули неприятеля и бастионом овладели. Твердость и мужество генерал-майора Лассия оживотворяли храбрость первых на бастион вскочивших воинов. Секунд-майор Неклюдов, быв впереди со стрелками, поражал неприятеля храбро и из первых взошел на вал, где тяжело ранен, а лейб-гвардии прапорщик князь Гагарин с первыми вскочил на бастион, и когда вся колонна, прибыв туда, простирала поражения в левую сторону по валу, то он рассеявшихся в первом стремлении егерей собрал и храбро с ними атаковал неприятельские толпы и, отразив оные, присоединился к колонне.

Первая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Львова скоро приблизилась ко рву и палисаду, преграждающему путь от каменной казематной батареи к Дунаю; сей генерал, усмотря, что сильным только наступлением может быть опровергнут защищавший то место неприятель, приказал бросить фашины и, стремительно кинувшись, первый перескочил палисад; таковой пример ободрил подчиненных и смешал неприятеля, который однако ж великою толпою пустился против колонны на саблях. Генерал-майор Львов предупредил их, приняв в штыки. Апшеронского полка стрелки и Фанагорийского полка передовые гренадеры дрались, как львы. По отражении и прогнании неприятеля колонна обошла каменную казематную батарею под картечами. До трехсот человек, в сей батарее засевшие, бросали гранаты, но храбрость войск Вашего Императорского Величества нимало не поколебали. Они, обойдя батарею и оставя ее позади, поражали всюду встречавшегося неприятеля, овладели первыми батареями и стремительно шли к Бросским воротам; тут посреди успехов генерал-майор Львов ранен, а с ним купно полковник князь Лобанов-Ростовский, и команда над колонною поручена от него полковнику и кавалеру Золотухину.

С левого крыла в присутствии генерал-поручика и кавалера Самойлова шестая колонна, предводимая г. генерал-майором и кавалером Голенищевым-Кутузовым, одновременно с первою и второю колонною, преодолев весь жестокий огонь картечный и ружейный, дошла до рва. Командовавший егерями бригадир Рибоьер положил тут жизнь свою. Скоро колонна спустилась в ров, взошла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела бастионом. Храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-

Кутузов мужеством своим подавал пример подчиненным и сражался с неприятелем, но многочислие его воспрепятствовало на первый миг распространиться войскам Вашего Императорского Величества по валу, и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контр-эскарпе. С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частию побит, твердая в той стороне нога поставлена, и войска простирали победу по куртине к другим бастионам.

Все сии три колонны, исполняя мужественно, храбро и с удивительною быстротою предписанные в данной им диспозиции, первое положили основание победы.

Гребной флот, тогда же приближась к крепости, прикрывал трех колонн десант; и хотя туманное время препятствовало большим судам, но предусмотрением начальствующего генерал-майора и кавалера Рибаса все затруднения отвращены. Присутствие начальствующего возбуждало храбрость подчиненных и, несмотря на упорный и невероятный от неприятеля отпор, войска Вашего Императорского Величества в минуту выступили на берег.

В сие время третья колонна под начальством генерал-майора и кавалера Мекноба встречена картечными выстрелами и ружейным огнем, но, поощряема будучи мужеством своего начальника, спустилась в ров, коего глубина, так как и высота бастиона, превышала другие места, так что лестницы, в пять сажен с половиною бывшие, принуждены были ставить одну на другую под жестоким от неприятеля огнем, и, несмотря на все столь сильные препоны и урон своих, сия колонна взошла на вал, отразила неприятеля, твердо оборонявшегося, овладела тем главным бастионом и, продолжая жестокий бой, взяла резерв и опрокинула неприятеля по куртине. Генерал-майор и кавалер Мекноб, получа тут тяжкую рану в ногу, принужден был отдать команду полковнику Хвостову; тогда же к Лифляндскому егерскому корпусу, коего все батальонные командиры ранены, прикомандирован подполковник Воронежского гусарского полка Фриз.

Четвертая и пятая колонны следовали под начальством генерал-майора и кавалера графа Безбородко, коим оказанные опыты мужества и храбрости были побудительным примером подчиненным его во встретившихся затруднениях. Первая из сих двух колонн с бригадиром и кавалером Орловым под жарким от не-

приятеля огнем достигла до рва, приставила лестницы и часть оной взшла на вал и овладела бастионом. Тут неприятель с правой стороны от Бендерских ворот сделал вылазку, спустился в ров и, бросаясь вдоль по оному, хотел разрезать колонну. Стремление неприятельское остановило штурмующих, но мужеством начальника, неустрашимостию помощных ему чиновников, подполковника и кавалера Грекова и премьер-майора Ивана Иловайского и храбрости казаков вылазка отражена. Неприятель, составлявший оную, частью погиб, а остальные прогнаны в крепость, и колонна, взошед вся на вал, от завлажденного бастиона далее простирала свои успехи.

На подкрепление сей колонне при сделанной ей от неприятеля встрече по повелению главнокомандующего отряжены были тотчас от генерал-поручика и кавалера Потемкина полк Воронежский гусарский, за третью колонну в резерве бывший, два эскадрона Северского карабинерного полка и казачий полк подполковника Сычова; с левого же крыла от генерал-поручика и кавалера Самойлова конные его резервы.

Пятая его колонна под командою бригадира и кавалера Платова, при коей сам генерал-майор и кавалер граф Безбородко находился, встречена была, как и прочие, сильным огнем и, будучи между двух с боков перекрестных выстрелов, при всей трудности в порядке дошла до рва и, хотя оной нашла с водою, но, не останавливаясь, нимало перешла и предводимая храбрыми начальниками взлезла на предстоящий вал и овладела на куртине пушками, где присутствовавший при ней генерал-майор граф Безбородко ранен в руку тяжело и по изнеможению отдал команду бригадиру и кавалеру Платову, который, распространяя приобретенную поверхность оружия, овладел справа бастионом, а влево прогнав неприятеля, поражал повсюду оного храбро и мужественно и способствовал колонне генерал-майора Арсеньева.

Между тем, когда первые две колонны были в полном и жестоком бою, г. генерал-поручик и кавалер Потемкин привел в крепость гренадерские Фанагорийские батальоны и два батальона егерей, подкрепил и ободрил утомленных сильным сражением, и подкрепленное войско простерло далее свои успехи.

Колонны с Дуная пристали к берегу в назначенное время и с невероятною расторопностью и храбростью сделали высадку, несмотря на жестокий огонь от не-

приятеля, первая из них под начальством генерал-майора Арсеньева, на двадцати судах приплывшая к указанному ей предмету, мгновенно вышедши, разделась на четыре части: одна и затруднительнейшая в команде Вашего Императорского Величества флигель-адъютанта Зубова отряжена атаковать кавальер. Храбрый сей полковник, невзирая на безмерную крутизну оного, на жарчайший огонь неприятеля и его упорство, мужественно атаковал и, дав пример твердости другим, влез на вал, опрокинул неприятеля на штыках и овладел кавальером. Вторая часть под командою подполковника Скоробелли и третья под командою полковника Матусова овладели подлежащими им в предмете укреплениями. Четвертою полковник граф Дамас, высадысь в назначенном месте, тотчас атаковал батарею, которая афилировала берег, и, мужественно овладев оною, построил войска на берегу и ударил в неприятеля на штыках.

Полковник и кавалер Головатый со своей стороны беспредельною храбростию и неусыпностию не только побуждал, но и, лично действуя, вышел на берег, вступил с неприятелем в бой и поражал оного.

Вторая из сих колонн под командою бригадира и кавалера Чепеги заняла предстоящий ей на берегу предмет.

Третья колонна в команде лейб-гвардии г. секунд-майора и кавалера Маркова, проходя мимо каменной казематной батареи под жестокими картечными выстрелами, мгновенно на берег вышла. В сем случае начальник сей колонны изъявил новые опыты мужества, искусства и храбрости, примером его подчиненным служившей. Вышедшие войска быстро батареи и укрепления атаковали, опрокинули неприятеля и овладели оными. Подполковник Приморского гренадерского полка Эммануил де-Рибас весьма отличился.

День начал уже освещать предметы. Все колонны наши, преодолев и неприятельский огонь, и все трудности, были внутри крепости, но отраженный неприятель от крепостного вала упорно и твердо защищался. Каждый шаг надлежало приобрести новым поражением, многие тысячи неприятеля пали от победоносного Вашего Императорского Величества оружия, а гибель их как будто возрождала в них новые силы, жестокая отчаянность их укрепляла.

Такое сильное сражение продолжалось до одиннадцати часов пред полуднем. Г. генерал-поручик и кавалер Потемкин к новому подкреплению войск отправил сто восемьдесят пеших казаков открыть

Броские ворота и послать в оные три эскадрона Северского карабинерного полка в команде полковника и кавалера графа Меллина, а в Хотинские ворота, кои были отворены полковником Золотухиным, введены тогда сто тридцать гренадер с тремя полевой артиллерии орудиями под руководством храброго и расторопного премьер-майора Острожского. В то же время в Бендерские ворота введены три эскадрона Воронежского гусарского полка и два эскадрона карабинер Северского полка. Сии последние, спешась и отобрав ружья и патронницы от убитых, вступили тотчас в сражение.

Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною с помощью Божиею наконец решился в новую славу войск Вашего Императорского Величества. Мужество начальников, ревность и расторопность штаб- и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие Вашего Императорского Величества новыми лаврами.

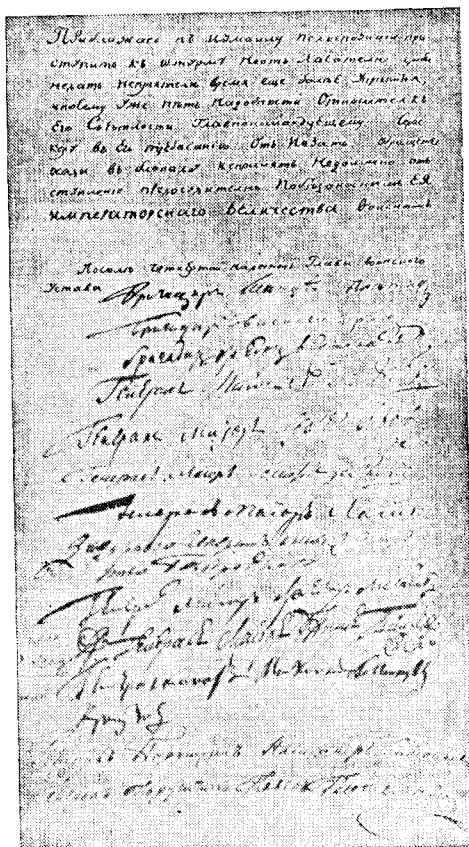
Оставались еще засевшие неприятели для единого своего спасения в одной мечети, в двух каменных ханах и в казематной каменной батарее. Они прислали к г. генерал-поручику и кавалеру Потемкину своих чиновников просить пощады; первые из сих приведены премьер-майором Тихоном Денисовым и дежур-майором премьер-майором Чехенковым, засевшие в двух ханах взяты военнопленными генерал-майором и кавалером де-Рибасом, число оных было более четырех тысяч; равно им же взяты и в казематной батарее бывшие с мухазифом трехбунчужным пашою двести пятьдесят человек.

Таким образом совершена победа. Крепость Измаильская, столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков. Упорство неприятеля, полагавшего надменно надежду свою на число войск, низринуто. Получающих таин считалось в Измаиле сорок две тысячи. Из них убитых тридцать тысяч восемьсот шестнадцать человек. Начальствовавший Измаилом сераскир Айдос Мегмет трехбунчужный паша, засевший с толпою более тысячи человек в каменном строении и не хотевший сдаться, атакован Фанагорийскими гренадерами под командою полковника Золотухина и со всеми бывшими с ним побиты и переколоты; в числе же убитых четыре паши

двухбунчужные, и именно: Хаджи Магмут-паша, Селим-паша, Лутфулла-паша и Мегмет-паша Килийский, шесть татарских султанов: Каплан-Гирей, Казы-Гирей, Селим-Гирей, Батал-Гирей, Ахмет-Гирей и Мегмет-Гирей. В плен взяты мухазиф Измаильский Мегмет трехбунчужный паша, султан татарский Мехсуд-Гирей, многие чиновники; в числе коих сераскирский сын, прочих более девяти тысяч человек, из них на завтра до двух тысяч от ран умерло, более тысячи обнаженных роздано на пропитание, а остальные отправлены в Николаев, что на Буге.

В крепости Измаильской с набережными батареями взято артиллерии двести шестьдесят пять орудий, пороху до трех тысяч пудов, ядер до двадцати тысяч и множество прочих снарядов и припасов. В трофеи взято до четырехсот знамен и еще отыскиваются кроме тех, кои в сражении изорваны...⁵.

⁵ Там же. — С. 209—218.

Протокол заседания военного совета 9 декабря 1790 г.

РОСПИСЬ

награждениям, всемилостивейше пожалованным от Ее Императорского Величества
за отличные подвиги при взятии приступом города и крепости Измаила

Чины и имена

Генерал граф Суворов-Рым-
никский

Командиры частные:

Генерал-поручик Потемкин
Генерал-поручик Самойлов
Генерал-майор де-Рибас

Начальники колонн:

Генерал-майор Голенищев-Ку-
тузов
Генерал-майор Ласси
Генерал-майор Мекноб
Генерал-майор Львов
Генерал-майор граф Безбород-
ко
Артиллерии генерал-майор Тищев
Бригадир Орлов
Бригадир Платов
Бригадир Чепега
Бригадир барон Вестфален
Лейб-гвардии Преображенского пол-
ка секунд-майор Марков⁶

Какое пожаловано награждение

Чин подполковника л.-гв. Преображенского
полка, грамоту похвальную с означением
его подвигов и на память оных потомству
медаль с его изображением.
Большой крест Военного ордена второго
класса.
Большой крест ордена Св. Владимира 1-й
степени.
Шпагу с алмазами и 800 душ в Полоцкой гу-
бернии потомственно.
Военный орден 3-го класса.
Военный орден 3-го класса и имеющаяся за
ним аренда оставляется по смерти без пла-
тежа.
Большой крест Св. Владимира 2-й степени и
аренда по смерти.
Орден Св. Анны.
Военный орден 3-го класса.
Орден Св. Владимира 2-й степени.
Саблю богатую с надписью.
Военный орден 3-го класса.
Военный орден 3-го класса.
Орден Св. Владимира 3-й степени.
Чин бригадира и Военный орден 3-го класса.

ВЕДОМОСТЬ⁷

Сколько найдено в крепости Измаильской пушек и мортир с лафетами и без
лафетов медных и чугунных и каких калибров

Октября 30 дня 1790 года

Пороху найдено было до 3000 пудов, из оного в расход: на флотилию взято и к
господину генерал-аншефу и кавалеру графу Александру Васильевичу Суворову-
Рымникскому отправлено до 2000 пуд[ов], затем надобно удовольствоваться полки и
батальоны, в Измаиле расположенные.

Ядер за раздачею на флотилию и в два транспорта отправленные в корпус гра-
фа Александра Васильевича Суворова-Рымникского остается разных калибров до во-
семнадцати тысяч.

Якори взяты на флотилию, а еще есть несколько.

Судов разных в воде затопленных до 20.

Публикацию подготовил А. С. СЕРГЕЕВ

⁶ Там же. — С. 225, 226.

⁷ Ведомость приведена не полностью. ЦГВИА СССР, ф. 52, оп. 1/194, лл. 2—3.

В № 35 журнала «Огонек» опубликована
статья народного депутата СССР М. Заха-
рова «Мечта о прозрении». Статья не бес-
спорная. Остановлюсь лишь на одном —
рассуждении о могилах тех, кто в годы
Великой Отечественной войны огнем и
мечом уничтожал не только наши дома,
но и советских людей. М. Захаров призы-
вает нас проявить милосердие к фашист-
ским захватчикам. А спросил ли народный
депутат тех, у кого от рук фашистских за-
хватчиков погибли родные, близкие, знако-
мые? Погибли не на фронте, а на оккупи-
рованной территории, в концлагерях.

М. Захаров пишет, что «глупо предпо-
лагать, что все немецкие солдаты, веро-
яточно ступившие по приказу Гитлера на
нашу землю, — сплошь садисты, головорезы

и людоеды». И далее он проводит анало-
гию с нашими солдатами, которые по при-
казу Сталина перешли советско-финскую
границу в 1939 году, а в 1968-м обруши-
лись на Чехословакию. На мой взгляд, про-
водить такую аналогию — кощунственно.

В каждой войне есть победители и по-
бежденные, есть традиция чествовать по-
бедителей, чтить их память. Не мы напали
на Германию, не мы были оккупантами, хо-
тя так считают сейчас некоторые горячие
головы. Не фашисты кормили хлебом на-
ших пленных, а мы кормили их пленных,
отрывая от наших людей, детей кусок хле-
ба. Так можно ли уравнивать в памяти со-
ветских людей и захватчиков?

Б. А. МАРКОВ
(Нижний Тагил)

ОТ РЕДАКЦИИ. Что ж, есть и такое мне-
ние. Свою точку зрения мы высказали в
№ 12 за 1989 год. Возможно, действитель-
но нужно поставить памятники оккупантам,
погибшим на территории нашей Родины, но
так, чтобы они служили предупреждением
тем, кто когда-нибудь вновь захочет испы-
тать на себе крепость русского оружия.

НАПРАВЛЕННОСТЬ РУМУНСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ИСТОРИИ

МАТЕРИАЛЫ, опубликованные в последних номерах румынских специализированных исторических журналов, а также в ряде других периодических изданий, позволяют сделать вывод о том, что период переосмысления некоторых страниц национальной истории, начавшийся после декабрьских событий 1989 года, судя по всему, завершается. Если в предшествующее время публикации сводились, как правило, к статьям теоретического характера, рассказывавшим о трудностях, с которыми сталкивалась румынская историческая наука в период правления диктатуры, о перспективах ее развития, и хроникальному изложению событий декабря 1989 года, то теперь румынские историки начинают наконец высказывать свою обновленную точку зрения по важнейшим проблемам мировой и отечественной истории, разбирая в том числе румыно-русские и румыно-советские отношения, анализируя события второй мировой войны и ее кануна.

Пока издается только один специальный журнал по истории — «Магазин историк». И еще не определена судьба редакций двух других ранее существовавших научных изданий исторического характера — бывшего органа ЦК РКП «Анале де историе» («Исторические анналы») и органа Академии наук Румынии журнала «Ревиста де историе» («Исторический журнал»). Правда, недавно под новым названием «Ревиста де историе милитарэ» («Военно-исторический журнал») вновь начал выходить журнал, называвшийся прежде «Лупта ынтрегулуй попор» и являвшийся органом Министерства обороны Румынии. Судя по первым его двум номерам, этот журнал может стать проводником самых спорных концепций и точек зрения румынской исторической науки. Он помещает на своих страницах материалы, имеющие острую националистическую окраску, в том числе документы организации «Ватра ромыняскэ» («Румынский очаг»). При этом вообще не снижается количество публикаций по исторической тематике на страницах периодической печати, особенно в так называемых независимых еженедельниках («Баррикада», «Экспресс», «Зиг-заг магазин» и др.).

В последнее время румынская историография все чаще пытается анализировать

различные аспекты исторического контекста советско-румынских отношений. При этом центральное место, без сомнения, принадлежит бессарабской тематике. Количество публикаций по данному вопросу в послереволюционный период весьма возросло и может «успешно конкурировать» с трансильванской проблематикой. Не снижается их число даже в условиях приближающегося 50-летия Венского арбитража. Материалы о Бессарабии появляются как в специализированных исторических журналах, так и в других изданиях румынской периодики, в первую очередь «независимой». Заметную активность, например, проявляет военная печать, особенно журналы «Вяца арматей» («Армейская жизнь») и «Ревиста де историе милитарэ». Суть румынской позиции по исторической части бессарабской проблематики сводится к следующему: историческая принадлежность данной территории, а также Северной Буковины Румынии по-прежнему не вызывает у историков страны никакого сомнения, подчеркивается значение периода 27 марта — 1 декабря 1918 года, ознаменовавшегося созданием «Великой Румынии». Доказывая правомочность решения молдавского Сфатул Цэрия о присоединении к Румынии, румынская историография часто напоминает о ленинском принципе права наций на самоопределение.

Наиболее же активно современная румынская печать комментирует период июля—августа 1940 года, когда Бессарабия и Северная Буковина были возвращены Советскому Союзу. Данный акт, считают румынские исследователи, лишен исторически каких-либо оснований и совершен ввиду вынужденного принятия Румынией ультимативных требований СССР. А нота советского руководства от 26 июля 1940 года трактуется как результат сговора и раздела Восточной Европы на сферы влияния Советским Союзом и гитлеровской Германией. Судьбы Бессарабии и Северной Буковины тесно увязываются с системой договоров Риббентропа — Молотова. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что румынские историки настойчиво стремятся доказать идентичность событий лета 1940 года в Бессарабии и Прибалтике. Так, в № 3 журнала «Ревиста де историе милитарэ» рядом со статьей «Трагедия между Прутом и Днестром» помещен обширный материал по истории Литвы. Представляется необходимым отметить и то, что в ряде публикаций все более остро поднимается тема сталинских жестокостей и репрессий, имевших место на территории Бессарабии и Северной Буковины в 1940—1941 гг. Часть статей иллюстрируется документальными фотоматериалами. Причем наибольшей активностью отличается все та же армейская печать. К примеру, есть авторы, которые пишут о несоблюдении советскими войсками сроков, установленных в соответствии с ультиматумом для вывода из Бессарабии и Северной Буковины румынских подразделений, о якобы имевших место грабежах местного населения и пр.

Если в период правления прежнего руководства страны на тему об участии румынских войск в боевых действиях против Со-

ветского Союза на стороне гитлеровской Германии было наложено, по существу, «табу», то в последнее время многие румынские историки все смелее упоминают и эти вопросы. В ряде работ румынские части представляются как «освободители незаконно оккупированных СССР территорий Бессарабии и Северной Буковины», а сам период 1941—1944 гг. называется «святой войной». Армия И. Антонеску изображается лишенным недостатков войском, а ее неудачи объясняются численным превосходством русских, зимними холодами, а также нежеланием немцев поставлять Румынии современное оружие. Тот факт, что, «освобождая» Бессарабию и Северную Буковину, румынские войска взяли Одессу, дошли до Сталинграда и предгорий Кавказа, объясняется местными авторами выполнением Румынией своих союзнических обязательств перед фашистской Германией и неумением Антонеску возражать Гитлеру.

В связи с 46-летием подписания акта от 23 августа 1944 года румынскими историками был поднят вопрос об обновленной оценке этого события. За период, прошедший с декабря 1989 года, в прессе появился целый ряд материалов, посвященных этому событию. Основными из них являются статья главного редактора журнала «Магазин историк» К. Попиштяну «23 августа 1944 года — точки зрения исполнителей» и публикация генерал-лейтенанта запаса И. Шуца «Выход Румынии из советско-германской войны», которая печатается по частям вплоть до настоящего времени еженедельником «Лумя-азь». В целом новые моменты в позиции румынских исследователей сводятся к следующим утверждениям: 1) несмотря на то что, по существу, 23 августа 1944 года явилось днем осуществления государственного переворота, в последние десятилетия румынские историки по известным политико-идеологическим причинам уделяли ему «неоправданно гипертрофированное внимание»; 2) государственный переворот 23 августа 1944 года послужил заключительным этапом целого комплекса организационных и политико-дипломатических мер, направленных на выход Румынии из блока стран «оси» и присоединение ее к Объединенным Нациям; 3) важнейшую роль в подготовке и реализации акта сыграла не Румынская компартия и даже не оппозиция, а правительство и лично маршал И. Антонеску; причем практически все авторы стремятся доказать, что в течение всего периода своего участия в войне на стороне гитлеровской Германии Румыния вела интенсивные переговоры как с СССР, так и с западными союзниками с целью выхода из этого альянса.

Румынские авторы все более остро ставят вопросы, связанные с положением, в котором оказалась Румыния в предвоенный период, влиянием на нее советско-германского договора о ненападении. Отправной точкой при этом служит такой тезис: «Румыния не имеет никакого отношения к сползанию Европы к войне летом 1939 года». С другой стороны, по мнению румынских историков, Мюнхенский договор и пакт Риббентропа — Молотова одинаково послужили причиной зарождения на

континенте «духа войны», решающим образом ослабили позиции Румынии, как и всех других малых европейских государств, сузили для них возможности проведения собственной национальной политики и в конечном итоге подтолкнули Румынию к альянсу с гитлеровской Германией.

Подход румынской стороны к оценке собственного вклада в разгром гитлеровской Германии на заключительном этапе войны, после присоединения Румынии к Объединенным Нациям, изменился мало. Приводятся все те же цифры и выкладки, все те же рассуждения о сокращении продолжительности войны на 200 дней. Растет недоверие румынских историков итогами Парижской мирной конференции 1946 года, непредоставлением их стране статуса совоюющей державы. В отношении переговоров о перемирии в 1944 году ими настоячиво отстаивается тезис о том, что единственным условием, которое ставили все румынские делегации, было требование о скорейшей высадке англо-американских войск на Балканах в целях предотвращения оккупации страны советскими войсками. Отказ западных союзников сделать это, по их мнению, в значительной мере отдалил выход Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии.

Сейчас в этой стране на страницах печати ведется обсуждение вопроса о роли и месте в национальной истории маршала И. Антонеску. Большое количество публикаций, прямо ему посвященных либо как-то затрагивающих эту тему, помещается как в специальных исторических изданиях, так и в другой периодике. Например, известный румынский историк Г. Бузату статьей «Их имена останутся в истории», посвященной маршалу, открыл новую рубрику в журнале «Ревиста де историе милитарэ». Практически все без исключения авторы подобных публикаций сходятся во мнении, что главным стержнем деятельности И. Антонеску являлась защита национальных интересов Румынии при любых обстоятельствах. Считают, что маршал твердо отстаивал национальные права Румынии на территории Трансильвании, Бессарабии и Северной Буковины. А некоторые указывают, что именно И. Антонеску первым осознал бесперспективность дальнейшего участия Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии и приложил максимум усилий для подготовки переворота 23 августа 1944 года. В отдельных статьях об этой личности уже начинает ощущаться тоска по «сильной руке».

В публикациях румынских изданий последнего времени находят отражение и обстоятельства, связанные с созданием и участием в боевых действиях на советской стороне, в том числе по освобождению Румынии, румынской добровольческой дивизии имени Тудора Владимиреску. Так, независимый еженедельник «Зиг-заг магазин» поместил на своих страницах две статьи под общим заглавием «Дивизия Тудора Владимиреску — от героизма до предательства всего один шаг». Расхождения во мнениях по этому вопросу весьма значительны. Если автор первого материала И. Т. Лазэр утверждает, что соединение состояло из предателей своего народа, перешедших на

службу «советскому режиму», то автор второй статьи, бывший офицер этой дивизии Н. Илию, считает, что эти люди, раньше других осознавшие неизбежность поражения гитлеровской Германии, были объединены исключительно идеями спасения национальной гордости и освобождения национальной территории. С тогдашним руководством РКП они, по словам Н. Илию, не имели ничего общего. Здесь же приводится высказывание, принадлежащее якобы Сталину: «Если венгры создадут боевые части на нашей стороне раньше румын, Трансильвания достанется им».

Румынские источники, в частности выходящий на нескольких языках журнал «Жизнь в Румынии» и еженедельник «Баррикада», ставят вопрос о судьбе румынского золотого запаса. Известно, что в декабре 1916 года в результате частичной оккупации Румынии Германией правительство премьер-министра Брэттиану передало в Москву часть запаса Национального банка в золотых слитках, а также другие ценности, являющиеся материальным и культурным достоянием страны. Указанные издания оценивают общую стоимость переданных сокровищ в 8 трлн. золотых лей и подчеркивают, что «согласно разъяснениям, данным советской стороной, запас потерян в Уральских горах». Авторы этих статей задаются и другим вопросом: не пора ли экспертам обеих стран вновь открыть и рассмотреть «дело» о румынском золотом запасе? По их мнению, стоимость сданного в 1917 году золота и других ценностей, подсчитанная по курсу 1916 года, ныне должна быть пересчитана в соответствии с новым курсом. Однако они считают, что «переговоры, проведенные по линии МИД, МВТ и экспертов Национального банка, могут конкретизироваться в контракте о поставке нефтепродуктов, природного газа или руды, которые Румыния могла бы импортировать по ценам мирового рынка, погасив, таким образом, этот долг со стороны Советского государства». Необходимо, однако, отметить, что вышеупомянутый вопрос обсуждается пока на уровне органов печати, не представляющих официальную точку зрения.

Судя по ряду опубликованных материалов, современные румынские историки весьма критически настроены к Коминтерну, а также иначе определяют роль Советской России в международном коммунистическом и рабочем движении в период 20—30-х годов. Так, в номерах 7 и 8 журнала «Магазин историк» помещена статья «Год 1920: за кулисами создания Коминтерна», рассказывающая об обстоятельствах деятельности делегации Румынской социалистической партии, прибывшей в Москву для оформления вступления партии в III Интернационал. Лейтмотивом материала является такая мысль: международное коммунистическое движение играло для Советской России вспомогательную и подчиненную роль.

В работах некоторых авторов просматривается стремление вообще возложить все беды послевоенного развития на Советский Союз.

Однако внимание румынских историков

привлекают не только вопросы советско-румынских отношений, но и некоторые аспекты из истории прошлых русско-румынских связей. Так, еженедельник «Баррикада» пишет: «Общая история румынского и русского народов имеет много «белых пятен», которые для нас, к сожалению, являются «черными». В № 3 журнала «Ревиста де историе милитарэ» опубликована статья М. Соряну «Железный батальон», автор которой обвиняет русскую дипломатию в том, что она якобы вообще не была заинтересована в освобождении Румынии и представляла всяческие препятствия на пути участия румынских войск в войне за обретение независимости 1877—1878 гг., и объясняет ее позицию тем, что России нужен был любой повод для обоснования своих территориальных претензий к Придунайским государствам после победы; эти притязания касались-де в первую очередь Бессарабии.

Много критических замечаний в адрес России раздается в последнее время со страниц румынской печати ввиду развала после Февральской революции 1917 года Румынского фронта будто бы по вине русских войск. Были и попытки возложить на Россию всю ответственность за оккупацию Румынии немецкими войсками в ходе первой мировой войны. При этом забывается тот факт, что именно создание нового Румынского фронта потребовало от России использования всех имевшихся резервов, что в свою очередь лишило ее возможности проводить наступательные операции на других фронтах до конца войны.

На фоне увеличения количества публикаций в румынских изданиях, касающихся различных аспектов истории русско-румынских и советско-румынских отношений, с особой остротой предстает проблема недостаточной проработки многих из упоминавшихся выше вопросов советскими историками. Это относится, в частности, к вопросу о судьбе румынского золотого запаса, о действиях румынских войск на оккупированных советских территориях и др.

В последнее время обращает на себя внимание еженедельник «Надиуна» («Нация»), независимое издание, руководимое румынским миллионером, проживающим в Италии, И. Дрэганом. Эта газета, в редакции которой работают многие румынские эмигранты, живущие на Западе, постоянно удерживает в поле своего зрения бессарабскую проблематику и вопросы, связанные с деятельностью И. Антонеску.

Вместе с тем, видимо, преждевременно говорить о каких-либо существенных изменениях концептуальных подходов румынских историков к трактовке основных проблем мировой и национальной истории. Изменения коснулись в первую очередь тех вопросов истории Румынии, в которых ту или иную роль играли РКП и лидеры прежнего режима: 23 августа 1944 года, демонстрация 1 мая 1939 года и др. Подход же румынской исторической науки к трактовке бессарабской проблематики, других аспектов советско-румынских и русско-румынских отношений изменился в незначительной степени,

И. В. ИВАНОВ

ПАЛАЧИ

Секретно!

Шеф полиции безопасности и СД
Берлин, 16 июля 1941 года
Тираж 33 экз.
Экземпляр № 23

Сводка событий в СССР № 24

Латыши, в том числе и находящиеся на руководящих постах, держали себя по отношению к евреям совершенно пассивно и не отваживались против них выступать. В Даугавпилсе до сих пор было 45 тыс. жителей, 50% из них — евреи. Власть в городе полностью находилась в их руках. При отступлении русских они распространили слух, что русские скоро вернутся. Получается, что в противоположность литовцам латыши не занимают активной позиции и лишь нерешительно организуются, чтобы фронтом пойти на евреев.

Значительно ослабляет активность латышского населения то обстоятельство, что за две недели до возникновения войны русские вывезли около 500 латышских семей, которых можно считать относящимися к интеллигенции, в глубь страны.

Начиная с 3.7 латыши создали городское управление и службу вспомогательной полиции. Руководителем обеих организаций является бывший капитан латышской армии Петерсонс.

В службу вспомогательной полиции (СВП) вошли бывшие военнослужащие латышской армии и члены бывшей организации самозащиты. Последняя возникла в 1934 году при диктатуре Ульманиса. Однако отдельные члены этой организации не могли считаться надежными сторонниками диктатора.

Между тем в СВП по инициативе оперативной команды введена строгая дисциплина. Численность ее в настоящее время доходит примерно до 240 человек. Постоянно проводится вербовка новых членов. Они выполняют роль вспомогательной полиции при оперативной команде и несут службу в уже созданных шести полицейских участках. Некоторым из них поручены задачи борьбы с уголовными преступлениями, обеспечения безопасности.

К 7.7 латыши арестовали, большей частью, правда, в последние дни, 1125 евре-

ев, 32 политических преступника, 85 русских рабочих и двух женщин-уголовниц. В этом проявился тот факт, что оперативная команда своими делами вдохнула силу в латышей. Действия против евреев развертываются. По инициативе оперативной команды из всех существующих домов служба вспомогательной полиции сейчас выселяет евреев, передавая их квартиры немецкой части населения. Латыши изгоняют еврейские семьи из города, а мужчин задерживают.

Продовольственное снабжение затруднено по той причине, что большая часть складов сгорела.

Задержанных мужчин-евреев сразу расстреливают и погребают в заранее подготовленных рвах. Оперативной командой 16 в Даугавпилсе до настоящего времени расстреляно 1150 евреев.

Секретно!

Шеф полиции безопасности и СД
IV A 1 — B № 1/41

Берлин, 26 сентября
1941 года
48 экземпляров
36-й экземпляр

Сообщение о событиях в СССР № 95

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР...

Положение в Эстонии

Включение округов Верро, Валк и Петсери в тыловой район и связанные с этим административные мероприятия вызвали положительную реакцию населения. Есть надежда, что с помощью этого, а также путем ожидаемого в скором времени всеобщего ввода гебитскомиссаров политического управления удастся решить многие важные, до сих пор открытые вопросы.

К мысли о том, что в Эстонии теперь все решают немцы, население в целом уже привыкло. Все отданные распоряжения, даже если они повторяются в частностях и приводят к несообразностям, послушно выполняются.

Существующие недостатки, неясности и повторы признаются и принимаются потому, что и эстонцы понимают, что во время военной кампании гражданское управление не осуществляется так гладко, как к этому привыкли немцы.

Продолжаем публиковать документы из тайных архивов третьего рейха. См. Военно-исторический журнал, 1990. — № 4, 5, 6, 7.

В округе Петсери, где проживают преимущественно русские, понимание этого происходит медленнее.

В округах Дорпат, Феллин и Пернау беспокойство населения вызывают еще расклевываемые по лесам красноармейцы. Усилению беспокойства способствуют еще и сильно преувеличенные слухи. Прочесывание лесов в целях поиска красноармейцев отрядами самообороны продолжается. Потери еще уточняются. Самые ощутимые потери понесли до сих пор отряды самообороны Верро, которые прочесывают территорию, прилегающую к проливу между озерами Пейнус и Плескау. Можно рассчитывать на то, что прочесывание будет завершено в скором времени. Формировавшаяся в округе Дорпат организация саботажников была уничтожена подразделением команды особого назначения 1-а Дорпата еще в процессе своего образования.

Настроение у населения заметно поднялось. В тех округах, где обывательская мысль о создании свободного эстонского государства или о создании финско-эстонского союза, от этой мысли отказались и смирились с фактами. Население в целом ясно осознает, что будущее эстонского народа необходимо тесно связать с Великим Германским Рейхом. О частностях подобной формы развития большинство пока почти не задумывается. В кругах интеллигенции думают о форме, схожей с протекторатом.

Известие о назначении рейхскомиссара восточных земель, а также генерального комиссара и гебитскомиссара в Литве и на юго-западе Латвии было принято благожелательно. Представляется, что деятельность рейхскомиссара будет осуществляться до конца войны, когда будет принято окончательное решение. Эстонцы очень надеются на более хорошее обращение с ними, чем с литовцами и латышами, и поэтому предпринимают всевозможные усилия для проведения мероприятий, поддерживающих вермахт, с тем чтобы доказать свою добрую волю. Эстонцы почти повсеместно проявляют желаемую активность при поимке эстонских большевиков и участии в их осуждении.

Позитивному отношению к германскому руководству очень способствует также осознание того, что в настоящее время эстонцы не в состоянии собственными силами восстановить страну и ликвидировать последствия войны и большевистского режима, длившегося в течение года. В настоящее время не представляется возможным подсчитать, сколько представителей эстонской интеллигенции было угнано или убито. Но количество угнанных и убитых Советами наверняка больше, чем в Литве и Латвии, так как в Эстонии у Советов было больше времени. Население, проживающее в районе севернее Пернау, который вначале был занят передовыми отрядами немецких войск и куда позже снова вторглись Советы, вследствие этого особенно дружелюбно относится к немецкому вермахту.

Наибольшую обеспокоенность вызывают вопросы экономического характера:

а) вопросы трудоустройства: с одной стороны, имеется много безработных, с дру-

гой — во многих округах не хватает рабочих рук в сельском хозяйстве. Призыв военнобязанных в Красную Армию, угон, а также необходимое с военной точки зрения привлечение многих мужчин в отряды самообороны делают сбор урожая во многих районах страны почти невозможным.

Секретно!

Государственной важности.

Шеф полиции безопасности и СД

Берлин, 12 октября 1941 года

Тираж 50 экз.

Экземпляр № 36

Обзор событий в СССР № 111

Евреи в Эстонии

К началу 1940 года в Эстонии проживали примерно 4500 евреев. Из них 1900 — 2000 жили в Ревеле. Крупные еврейские общины были в Тарту, Нарве и Пярну, в сельской же части Эстонии было мало евреев.

Установить долю евреев в депортациях, предпринятых русскими, не представилось возможным. Но, насколько известно, на численности евреев это не отразилось сколько-нибудь заметно.

Во время продвижения германских войск по эстонской территории примерно половина евреев приготовилась к бегству, так как эти евреи сотрудничали с советскими властями и с ними же собирались бежать в восточном направлении. Лишь немногие были схвачены в Ревеле, поскольку путь к бегству им был отрезан. После занятия страны в ней, вероятно, находилось около 2000 евреев.

Созданная в момент вступления вермахта служба самообороны немедленно приступила к арестам евреев. Спонтанных демонстраций против евреев не было, так как население предварительно не получило разъяснений.

Поэтому с нашей стороны было предпринято следующее:

1. Подлежат аресту все евреи мужского пола старше 16 лет.

2. Подлежат аресту все работоспособные еврейки в возрасте от 16 до 60 лет, живущие в Ревеле и его окрестностях. Их следует использовать на торфоразработках.

3. Евреек, живущих в Тарту и его окрестностях, разместить в синагоге и одном из жилых домов.

4. Подлежат аресту все работоспособные евреи и еврейки, живущие в Пярну и его окрестностях.

5. Подлежат взятию на учет все евреи с указанием возраста, пола и степени пригодности для работ и на предмет помещения в сооружаемый лагерь.

Евреи-мужчины старше 16 лет, за исключением врачей и назначенных на должности старшин, под надзором зондеркоманд были казнены членами эстонских отрядов самообороны. В городе и окрестностях Ревеля казни продолжают, так как поимка прячущихся евреев не закончена. Количество до сих пор расстрелянных в Эстонии евреев составляет 440.

По завершении этого мероприятия в живых останутся 500—600 евреек с детьми.

Сельские общины уже сейчас полностью свободны от евреев.

В Харку, в окрестностях Ревеля, сейчас строится лагерь для евреев из Ревеля, который затем может быть расширен, чтобы вместить всех евреев Эстонии. Все работоспособные еврейки будут заняты на торфоразработках и выполнении сельскохозяйственных работ на землях, относящихся к расположенной поблизости тюрьме для уголовников. Все вопросы финансирования и снабжения питанием будут, таким образом, решены.

В качестве немедленных мер предусмотрены следующие:

1. Обязательное ношение всеми евреями старше 6 лет желтой размером не менее 10 сантиметров звезды, нашиваемой на одежду с левой стороны груди и сзади на спине.

2. Запрет на выполнение любых общественных работ и занятие промыслом.

3. Запрещение на пользование тротуарами, общественным транспортом, посещение театров, кино, закусочных.

4. Изъятие всех ценностей, принадлежащих евреям.

5. Запрет на посещение школ.

Секретно!

Шеф СС и городской полиции Лиепай
Шефу СС и полиции Лифляндии
Командиру полиции поддержания порядка,
Рига

Лиепая, 3 января 1942 года

СОДЕРЖАНИЕ: обзор положения

ССЫЛКА: приказ командования 1-а № 10 от 12.9.41 г.

Обзор по состоянию на 3.1.1942 г.

1. Общее положение.

Политическое положение на подведомственной гарнизону Лиепай территории со времени предыдущего отчета от 13.12.1941 г. не претерпело существенных изменений. Коммунистические элементы за это время не проявляли никакой особой активности. В одном случае было сделано три выстрела в военнослужащего вермахта, но попаданий не было. Стрелявшего пока обнаружить не удалось. Население Лиепай ведет себя спокойно. Казнь евреев, осуществленная в отчетный период, все еще служит темой разговоров у местного населения. По поводу судьбы евреев высказывается сожаление и пока слышится очень мало одобрения в связи с их устраниением. Между прочим, ходит слух, что казнь евреев снималась на киноплёнку с целью получить в руки материал против членов латышских отрядов самообороны. Этот материал якобы должен служить доказательством того, что расстрел совершался руками не немцев, а латышей. Согласно слуху, также курсирующему в Лиепае, немецкие войска были вынуждены оставить 10 захваченных ими городов, в том числе Ревель.

В Лиепае арестованы трое военнослужащих вермахта за близкие отношения с

еврейками. Тот из них, на ком лежит наибольшая вина (он баннфюрер организации гитлеровской молодежи), неоднократно бывал на квартире у еврейки. Его дело передано для разбирательства офицеру военнотюремной службы.

За время с 13.12.1941 г. по 28.12.1941 г. здесь были схвачены 26 в прошлом активных членов коммунистических организаций. После того как концентрационный лагерь был переведен из Лиепай в Фрауэнбург, в здешних местах заключения осталось 295 человек.

14—16.12.1941 г. в Лиепае были казнены 2772 человека — 23 коммуниста и 2749 евреев. Общее число все еще живущих здесь евреев можно будет установить лишь после назначенной на ближайшие дни регистрации.

Секретно!

Шеф полиции безопасности и СД
Берлин, 9 января 1942 года

Тираж 60 экз.

Экземпляр № 51

Сводка событий в СССР № 153

Руководитель перконкруста Густав Целарнис во время своего пребывания в Риге несколько недель назад заявил, что ему поручено сформировать латышскую добровольческую дивизию. Особенно широко он вел пропаганду в пользу этого добровольческого легиона в кругах бывших латышских офицеров, но не очень в этом преуспел.

Как в германских служебных инстанциях, так и в латышских административных учреждениях говорят о том, что вскоре согласно распоряжению имперского министра по делам захваченных восточных территорий немецкая гражданская администрация превратится всего лишь в орган политического контроля. Собственно управленческие функции будут переданы латышам. Этот слух породил оживленную политическую активность отдельных групп латышей (далее неразборчиво).

...Перконкруст по-прежнему только старается помочь в формировании латышской дивизии и может представлять в крайнем случае лишь культурные интересы, бывшие члены крестьянского союза стремятся выработать в своих рядах четкую линию поведения. Во времена Ульманиса в правительственной партии был раскол, и если она все же существовала как единое целое, то только благодаря политической ловкости премьер-министра Ульманиса. В последнее время состоялись переговоры между ведущими представителями крестьянского союза. К прогерманской группировке среди них относятся: Квиссис, бывший президент свободного государства Латвии; Вальдманис, бывший министр финансов; Паулюк. Назначением Вальдманиса генеральным директором ведомства юстиции эта группа получила преимущество. В то же время ее противники заметно отделились от немецких властей. Это такие люди, как бывший председатель правления национального банка Кливс, секретарь крестьянского союза Друва и его второй секретарь Гранткалнс.

В связи с упразднением сената как высшей инстанции латышской юстиции бывший министр финансов Вальдманис, который после ввода германских войск стал верховным прокурором сената, потерял свой пост. Но после того как прежний генеральный директор правового ведомства Цвейниекс подал заявление об уходе, Вальдманис получил назначение на эту должность.

Секретно!

Шеф полиции безопасности и СД
Берлин, 14 января 1942 года
Тираж 65 экз.
Экземпляр № 51

Сводка событий в СССР № 155

10.11.1941 г. неподалеку от Альбренс (Латвия) солдаты латышских отрядов самообороны наткнулись на трех партизан-парашютистов. Во время перестрелки один из них был убит. Одет он был в форму Красной Армии и для маскировки обернул себя куском ткани парашюта. В нем был опознан один еврей, ранее живший в Латвии. Двое других бежали в направлении Ругаи, где были настигнуты преследовавшими их солдатами отрядов самообороны и убиты в бою.

В ночь на 13.11 в районе южнее Валка был выброшен парашютный десант в составе 10 партизан. В ночь на 15.11 они были обнаружены в лесу солдатами латышских отрядов самообороны. В завязавшейся перестрелке четверо парашютистов были убиты, один погиб, подорвав ручную гранату, остальным удалось скрыться.

Партизаны имели при себе 33 кг взрывчатки и 3 дорожные мины.

Секретно!

Группа фронтовой разведки 212
23.10.1944 года

Оперативная сводка

за период с 1.9 по 25.10.1944 года

Вследствие планомерной и постоянно продолжающейся вербовки количество годной к использованию агентуры возросло в сентябре до 120 человек, а в октябре, после создания второго лагеря, до 220 человек. Благодаря подключению к процессу обучения агентуры дополнительных сил группы

под руководством лейтенанта Кока удалось добиться того, что каждый агент получает прочные знания и достаточные практические навыки. Отбор агентуры во время обучения происходил, как и прежде, по весьма строгим меркам, поэтому большое количество агентов было отослано назад в группу.

Благодаря захвату трофейных материалов в различных дивизиях и большой помощи А. О. К. 16 удалось осуществить старт следующих групп:

19.9.44 Группа «Наполеон» 4 латышских агента

19.9.44 Группа «Хеннеси» 3 латышских агента

20.9.44 Группа «Вега» 3 латышских агента

20.9.44 Группа «Мартель» 4 латышских агента.

Ввиду изменения общего положения — отхода наших войск из района Мадона и южнее Дюны — стала очевидной необходимость подготовки и организации движения сопротивления.

Сформированные, обученные и вооруженные группы... должны препятствовать продвижению вражеской армии, блокировать пути подвоза и производить беспокоящие действия во вражеском тылу.

С этой целью стартовали следующие группы:

20.9.44 «Курфюрст» 16 латышских агентов

22.9.44 «Незабудка» 120 латышских агентов.

Эта операция проводится в несколько этапов

24.9.44 «Петер» 75 латышских агентов

2.10.44 «Капоне» 7 латышских агентов.

В ночь со 2 на 3 октября 1944 года вернулись 3 агента из группы «Наполеон».

Аналогично операции «Незабудка» в Курляндии были сформированы группы, которые согласно заданию после наступления Красной Армии должны будут действовать на вражеской территории.

Обучение этих людей — их в общей сложности 200 человек — идет полным ходом, эти группы уже почти полностью оснащены.

Публикацию подготовил Г. Г. АЛОВ

По поводу журнала «Огонек». Лично я этот журнал не выписываю. Но случайно мне попался «Огонек» № 13 за март 1990 года. В нем есть два прекрасных критических материала: «Военные игры» и «Дачные привилегии при свете гласности». Действительно, «Огонек» ничего не боится. Почему?

А ларчик, как говорится, просто открывается: до недавнего времени «Огонек» являлся органом ЦК КПСС. И главная цель публикаций одна — избавиться от армии. Ведь армия ест и пьет, а экономическую пользу не приносит. Но избавиться от армии (или добиться ее существенного уменьшения) можно только, если соответствующим образом ее очернить и подготовить общественное мнение. Вот этим «Огонек» и занят, и не один. Есть и помогающие: «Зачем ребятам автоматы?» («Собеседник» № 29 за июль 1989 г.). А ведь «Собеседник» является приложением к «Комсомольской правде».

Вывод один: «Огонек», «Собеседник» и другие издания лишь отражают мнение, существующее в верхних (руководящих) политических эшелонах

Ю. Д. Оболенский (Одесса)

Подвиг Клауса Фукса

ЭТОТ МАТЕРИАЛ написан разведчиком о разведчике. Публикации такого рода всегда привлекают читательский интерес. Но не одно лишь желание развлечь вас и снабдить малоизвестными подробностями работы секретных спецслужб заставило редакцию поместить документальный очерк на страницах журнала. Куда существенней, на наш взгляд, вернуть отечественной истории незаслуженно забытое имя мужественного разведчика и талантливого ученого Клауса Фукса. Публикации о нем, впрочем, в последние несколько лет уже появлялись на страницах советской печати. Однако, без сомнения, то, что сделал этот человек для Советского Союза, заслуживает несравненно большего.

И еще одно. Никуда не уйти от вопроса: почему лишь через столько лет мы воздаем должное еще одному своему герою? Как тут не вспомнить подобное же с Рихардом

Зорге? Весь мир в книгах, статьях и кинофильмах давно признал мастерство и мужество советского разведчика, а мы, заинтригованные, только в шестидесятые годы кинулись к билетным кассам кинотеатров, чтобы узнать ответ на вопрос, содержащийся в названии только что привезенной из-за рубежа киноленты «Кто вы, доктор Зорге?».

Подобное случилось и с Клаусом Фуксом. Рассказать о нем — тоже, очевидно, по разумению некоторых, означало поставить под сомнение исключительные заслуги группы советских ученых, создавших атомную, а потом и водородную бомбу. Хотелось бы ошибиться, но чем иным объяснить многолетнее замалчивание подвига разведчика-антифашиста, помогшего нашей стране обрести ядерный щит, но не получившего ни одного самого скромного советского ордена?

* * *

НАКАНУНЕ и особенно во время второй мировой войны Германия, Англия, США, Франция уделяли огромное внимание созданию нового, более эффективного оружия. Интенсивные работы в этом направлении велись и в Советском Союзе. Ученые и инженеры создали совершенные по тому времени образцы танков, артиллерии, реактивные снаряды, самолеты и т. д. Но несомненно, самым выдающимся достижением в этой области явилось создание атомной бомбы с ее фантастической разрушительной силой.

Ученые-физики нескольких стран, в том числе Советского Союза, еще в конце 30-х годов провели успешные исследования по расщеплению ядра атома урана, в результате чего пришли к выводу о возможности создания атомной бомбы. Было известно, что над созданием такой бомбы работали и ученые фашистской Германии. Аналогичные исследования вели английские и американские ученые. При этом в Англии в этих работах участвовали эмигрировавшие

туда немецкие ученые-антифашисты, а также ученые других европейских стран.

С конца 1940 года Англия и США начали обмениваться информацией по теории создания атомной бомбы.

19 августа 1943 года на встрече в Квебеке Рузвельт и Черчилль подписали секретное соглашение о совместных работах в области атомной энергетикн. Оно содержало такие пункты: 1. Англия и США не будут использовать атомную бомбу друг против друга; 2. США и Англия будут использовать атомную бомбу только с обоюдного согласия; 3. США и Англия не будут сообщать какую-либо информацию по атомной бомбе третьим странам, т. е. СССР и Франции. (И это несмотря на то, что в 1942 году Англия и Советский Союз заключили соглашение об обмене секретной военной и технологической информацией.) Было решено также допустить к участию в создании атомной бомбы Канаду, поскольку она располагала огромными запасами урановой руды,

Следует отметить, что английское правительство охотно согласилось, чтобы центр по созданию нового оружия находился в США: производить его на территории Англии было опасно — страна подвергалась налетам гитлеровской авиации. К тому же Британия не могла выделить для работы необходимых материальных и людских ресурсов. По решению правительства США научный и производственный центр, где собирались в спешном порядке произвести атомную бомбу, был создан в 1942 году в пустынных просторах штата Нью-Мексико, в маленьком городке Лос-Аламосе.

Еще в процессе создания грозного оружия у многих видных ученых возникли опасения, что монопольное владение атомной бомбой таит огромную угрозу для мира. Некоторые атомщики уже тогда поняли, что использование чудовищной мощи их детища должно быть поставлено под международный контроль, а информацией об атомной бомбе следует поделиться с СССР. В частности, с таким предложением к Рузвельту и Черчиллю обратился лауреат Нобелевской премии Нильс Бор. Но его за это резко отчитали. Напротив, власти США и Англии постоянно ужесточали охрану «атомных» секретов с тем, чтобы они не попали в руки советских разведчиков.

Однако среди ученых, принимавших участие в создании американской атомной бомбы, были мужественные прогрессивные люди, которые, несмотря на смертельную опасность, считали своим долгом тайно сообщить Советскому Союзу о создававшемся оружии массового уничтожения, которое, очевидно, предназначалось для использования и против СССР. Одним из них был Клаус Фукс. По своей инициативе он связался с представителями советской разведки и на протяжении многих лет регулярно передавал им информацию о ходе секретных исследований в Англии и США по созданию атомной бомбы. Эти сведения своевременно попадали в руки советских ученых.

Восмилетняя разведывательная деятельность К. Фукса — талантливого ученого-антифашиста, помогшего нашей стране в кратчайшие сроки создать свою атомную бомбу, была, несомненно, героическим подвигом. На Западе Фукса считают одним из самых важных и ценных агентов советской разведки за всю историю. За рубежом о нем написаны многочисленные статьи, опубликовано более ста книг, создано около десятка кинофильмов.

I

ОТЕЦ КЛАУСА, Эмиль Фукс, был известным протестантским религиозным дея-

телем. После окончания богословского факультета университета в Гессене он несколько лет жил в бедных районах Манчестера (Англия), где читал проповеди немецким эмигрантам и английским рабочим. Через несколько лет после возвращения в Германию, в 1914 году, он стал доктором богословия. Под влиянием общения с рабочими в годы первой мировой войны Эмиль Фукс стал воинствующим пацифистом. В 1921 году он одним из первых немецких священнослужителей вступил в члены Социалистической партии Германии.

Клаус Фукс родился 29 декабря 1911 года в маленьком городе Рюсельхейме, около Дормштадта. Кроме него в семье были сестры Елизавета, Кристель и брат Герхард.

Выдающиеся способности Клауса проявились еще на школьной скамье. Он всегда был лучшим учеником. В 1928 году по окончании школы Клауса наградили медалью, которую, однако, не вручили на общем школьном собрании, а передали ему частным образом: руководство школы не одобряло связи отца мальчика с социалистами.

В 1930—1931 гг. Клаус учился в Лейпцигском университете, где стал членом Социалистической партии. В мае 1931 года семья Эмиля Фукса переехала в Киль, где ее глава получил место профессора богословия в педагогической академии. Лекции профессора Фукса пользовались большим успехом у студентов и вызывали злобу у нацистов. В это время его дети вступили в коммунистическую партию и вели активную политическую работу.

Пришедший к власти Гитлер запретил Компартию Германии. Начались аресты и убийства коммунистов. КПГ ушла в подполье. Перешел на нелегальное положение и Клаус Фукс, розыском которого занялось гестапо.

В этих условиях руководство КПГ, чтобы сохранить будущее партии, приняло решение отправить молодых коммунистов в эмиграцию. Среди них оказался и Клаус. В июле 1933 года Фукс приехал в Париж, а через несколько месяцев с помощью друзей отца прибыл в Англию.

Сестра Клауса Фукса Елизавета вместе с мужем была арестована фашистами. Однако затем оба бежали в Чехословакию. Тогда же бежал его брат Герхард с женой. Младшая сестра Кристель уехала в США.

II

В ТО ВРЕМЯ дальновидные английские политики с опаской наблюдали за действиями Гитлера и поэтому терпимо относи-

лись к антифашистам-эмигрантам, среди которых было много коммунистов. Вообще тогда для многих идея коммунизма виделась как надежда человечества. В то время как капиталистические страны переживали период депрессии и спада в своей экономике, СССР успешно выполнил первый пятилетний план. Многим людям Советская страна представлялась перспективной моделью организации общества.

Фукса принял на жительство в Бристол известный промышленник — друг Советского Союза Рональд Ганн. Последний и убедил ученого-физика Невилля Мотта, преподававшего в Бристольском университете, принять молодого немца-антифашиста в свою лабораторию в качестве аспиранта. Клаус работал у Н. Мотта и проживал в семье Р. Ганна в течение трех лет. В декабре 1936 года, т. е. в возрасте 25 лет, Фукс защитил докторскую диссертацию.

В целях дальнейшего совершенствования знаний молодого доктора Н. Мотт рекомендовал Клауса на работу в лабораторию профессора Макса Борна в Эдинбурге. В Эдинбургском университете К. Фукс совместно с М. Борном написал ряд научных статей.

Советско-германский пакт о ненападении в августе 1939 года вызвал заметное ухудшение англо-советских отношений. Резкие расхождения в оценке пакта отмечались среди немецкой эмиграции. Были некоторые колебания по этому вопросу и у Фукса. Позднее нападение фашистской Германии на СССР 22 июня 1941 года окончательно рассеяло его сомнения.

Опасаясь нацистского вторжения на остров, английское правительство изменило свое отношение к немецкой антифашистской эмиграции. Все немцы вызывались в специальные трибуналы для проверки. В ноябре 1939 года вызвали и Фукса. В мае 1940 года он был интернирован и заключен в лагерь на острове Мэн. М. Борн и Н. Мотт ходатайствовали перед властями об освобождении ученого, утверждая, что он является одним из самых одаренных физиков молодого поколения и мог бы выполнять работу, важную для страны. Но это успеха не возымело.

Вскоре Клаус вместе с другими интернированными был переведен в Канаду. Там его заключили в лагерь, расположенный в Квебеке. Условия содержания в нем были тяжелые, отчего нередко случались среди интернированных самоубийства.

Благодаря ходатайству друзей-ученых и промышленника Рональда Ганна в конце

декабря 1940 года Фукс был освобожден из лагеря и возвращен в Англию.

III

В БРИТАНИИ уже приступили к созданию атомной бомбы. В начале 1940 года немецкие ученые-эмигранты Отто Фриш и Рудольф Пайерлс представили Генри Тизарду, научному советнику Черчилля, меморандум «О создании супербомбы, основанной на ядерной цепной реакции в уране». Английское правительство создало сверхсекретный комитет под кодовым названием МАУД по изучению возможности создания урановой бомбы. В целях зашифровки программа стала называться «Тьюб Аллой».

Летом 1940 года, когда Лондон и другие города Англии подвергались массированным бомбардировкам немецкой авиации, по инициативе английского правительства началось сотрудничество и обмен секретной информацией в области науки и техники с США. Англия передала США ряд своих важных научных разработок по атомной бомбе и электронике.

В конце 1940 года английское правительство приняло решение о начале строительства завода по выделению урана-235 методом газовой диффузии. Профессору Р. Пайерлсу для развертывания работ по атомной бомбе были выделены значительные средства в Бирмингемском университете. В поисках новых научных сотрудников Р. Пайерлс ознакомился с трудами Фукса и рекомендациями М. Борна и Н. Мотта. Молодой ученый привлек его внимание. Профессор знал, что Фукс был активным членом социалистической студенческой группы в Бристоле. Но Пайерлс хотел иметь хорошего ученого и не обращал внимания на его политические взгляды. Так Клаус Фукс приступил к исследованиям по созданию сверхбомбы.

Работая в Бирмингеме, он решил несколько важных математических задач по уточнению параметров урановой бомбы. В июне 1942 года исследователь был принят в английское подданство, и его стали привлекать к более секретным работам. В частности, ему было поручено вести наблюдение за соответствующими работами в Германии. Для этого Фукс получил допуск к совершенно секретным материалам, полученным «Интеллидженс сервис» от своих агентов. Следует заметить, что в течение всей войны английская разведка имела ценного агента-ученого Пауля Росбауда, который регулярно передавал информацию о работах нацистов по созданию атомной бомбы и ракет.

IV

КОГДА фашистская Германия напала на Советский Союз, в Англии, как и во всем мире, началась массовая кампания по оказанию помощи Красной Армии и Советскому государству. Народы требовали скорейшего открытия второго фронта, активных военных действий в Европе против Гитлера. Но правящие круги США и Англии не торопились. У них были другие планы.

Эта двуличная политика вызывала негодование и у Клауса Фукса. Он не мог бездействовать, не мог не включиться в борьбу против своих злейших врагов — нацистов. Поздней осенью 1941 года К. Фукс посетил советское посольство в Лондоне, где рассказал о своем участии в осуществлении сверхсекретной англо-американской программы создания нового мощного оружия. Он выразил желание передать эту информацию Советскому Союзу.

С К. Фуксом была установлена конспиративная связь через советскую разведчицу Урсулу Кучинскую, немку по происхождению. В 1942 и 1943 годах Клаус встречался с Урсолой один раз в 3—4 месяца, передавая ей секретные материалы о ходе исследований*.

В конце 1943 года Роберт Оппенгеймер, руководитель работ по созданию американской атомной бомбы, высоко ценивший теоретические работы К. Фукса, попросил включить его в состав английской научной миссии, направлявшейся в США для оказания помощи. До этого момента информация, переданная Клаусом Фуксом, за некоторым исключением была известна советским ученым по их собственным исследованиям. Но она подтверждала, что, во-первых, соответствующие работы в гитлеровской Германии зашли в тупик; во-вторых, что США и Англия уже строят промышленные объекты по созданию атомных бомб. Это значительно подкрепило рекомендации наших ученых Сталину о том, что Советский Союз должен срочно приступить к созданию своей атомной бомбы.

V

В ДЕКАБРЕ 1943 года Клаус Фукс в составе английской миссии прибыл в США, чтобы участвовать в «Манхэттен проекте» (кодированное название американской программы по созданию атомной бомбы). Руководство советской разведки понимало, что прибытие К. Фукса в США значительно расширило его возможности по

добыче сведений о создании атомного оружия в Соединенных Штатах. Но также было ясно, что поддержание конспиративной связи с источником в США будет сопряжено со значительными трудностями. Контрразведывательные службы этой страны, в первую очередь ФБР, активизировали свою деятельность против американских прогрессивных организаций и лиц, особенно усилив наблюдение за советскими учреждениями в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Руководство советской разведки приняло решение поручить связь с Клаусом Фуксом агенту «Раймонду» — американскому гражданину Гарри Голду.

В первых числах февраля 1944 года Голд установил связь с Фуксом и стал получать от него важную информацию о ходе строительства завода в Окридже, штат Теннесси, где должен был производиться методом газовой диффузии уран-235, а также материалы о научно-исследовательских работах, подготовленных членами английской миссии. Голд в течение пяти месяцев регулярно встречался с Фуксом в различных районах Нью-Йорка. Полученные материалы он через несколько минут передавал сотруднику советской разведки Анатолию Яковлеву.

Затем Клаус Фукс перестал выходить на обусловленные встречи. Естественно, внезапный перерыв связи с таким ценным источником вызвал большое беспокойство у нашей разведки.

Много времени потратили, чтобы установить, что К. Фукс срочно уехал из Нью-Йорка неизвестно куда. Было решено поручить Голду посетить сестру Фукса Кристель, проживавшую в окрестностях Бостона, и выяснить у нее местонахождение брата. Первый приезд Голда был неудачным — Кристель он не увидел. В разговоре с хозяйкой дома узнал, что Кристель уехала с семьей отдыхать.

Во второй приезд Голд побеседовал с Кристель и выяснил, что ее брат уехал куда-то на юго-запад, но его адреса она не имеет. Тогда, как было заранее предусмотрено, Голд передал Кристель запечатанный конверт и попросил передать его Клаусу, если тот к ней придет. В конверте находилась записка, в которой сообщалось, чтобы Клаус по ее получении позвонил в определенное время по указанному там телефону. Звонок означал бы, что на следующий день к нему придет «Раймонд».

Кристель сообщила, что, по ее мнению, брат наведается к ней на рождество, так как он очень любит ее детей и ему доставляет удовольствие делать им подарки. Од-

* В 1942—1943 гг. с К. Фуксом работала разведка Наркомата обороны СССР. В дальнейшем связь с ним поддерживала разведка МГБ — КГБ СССР, в которой служил автор статьи.

нако и в рождественские дни сигнала от Фукса не поступило. Сигнал пришел только в январе 1945 года.

VI

ПОКА НАША РАЗВЕДКА искала Фукса, он с середины августа 1944 года находился в самом секретном атомном центре США в Лос-Аламосе, строжайше охранявшемся двумя контрразведывательными службами — военной контрразведкой и ФБР. В центре работали 45 тысяч гражданских лиц и несколько воинских частей. Проникновение в Лос-Аламос, святая святых американских секретных работ периода второй мировой войны, было сокровениой мечтой советской разведки. Теперь заветная цель становилась реальностью.

Два фактора позволили Клаусу Фуксу проникнуть в Лос-Аламос. Бдительное, безукоризненное поведение и его гениальные способности как ученого. Он не давал какого-либо повода заподозрить его в чем-либо предосудительном.

В Лос-Аламосе над созданием атомного оружия трудились 12 лауреатов Нобелевской премии из США и Европы. Даже в их компании Клаус Фукс считался выдающимся ученым, и ему поручали решение важнейших физико-математических задач.

Ганс Бете, глава теоретического отдела в Лос-Аламосе, так характеризовал Фукса: «Он один из наиболее ценных людей моего отдела. Скромный, способный, трудолюбивый, блестящий ученый, внесший большой вклад в успех Манхаттенской программы».

Встреча с К. Фуксом состоялась в январе 1945 года в квартире его сестры Кристель в ее отсутствие. Дверь «Раймонду» открыла прислуга. К. Фукс пригласил гостя в комнату, где они беседовали около 20 минут. Клаус рассказал о месте и содержании своей работы, о том, что руководители и коллеги относятся к нему хорошо. Сообщил, что создание урановой бомбы близится к завершению и одновременно успешно идут работы по созданию плутониевой бомбы. На встрече по всем этим вопросам он передал обстоятельную письменную информацию с необходимыми математическими расчетами, чертежами и указанием размеров «штучки» (или «бейби» — так называли между собой коллеги Клауса атомную бомбу).

По указанию Центра Голд передал Фуксу рождественский подарок и в вежливой форме спросил ученого, не нуждается ли он в средствах. Клаус решительно отказался от денег и просил не продолжать разговор об этом.

Тогда же выяснилось, что в течение года Фукс не сможет выехать из района атомного центра. Поэтому следующую встречу назначили на начало июня 1945 года в городе Санта-Фе, находящемся недалеко от Лос-Аламоса. Ученый взял план этого города и указал на нем желательное место встречи. Кроме плана Санта-Фе Клаус передал Голду расписание движения местных автобусов.

На встрече в июне 1945 года Клаус заверил, что будет продолжать помогать советскому народу, перед которым, по его словам, человечество в неоплатном долгу после победы над фашизмом. Фукс передал письменную информацию о завершившихся работах по созданию урановой и плутониевой бомб и взрывных устройств к ним. Особенно важным для правительства СССР было сообщение ученого о предстоящем в середине июня испытании плутониевой бомбы.

В то время как Красная Армия с боями продвигалась к Берлину, а американские и английские войска вели наступление в Западной Германии, политики торопили создателей бомб, чтобы испытать новое оружие, пока не кончилась война. С самого начала планировалось сбросить плутониевую и урановую бомбы на Японию, что и было сделано в августе 1945 года.

Вторая встреча с Фуксом в Санта-Фе состоялась 19 сентября 1945 года. Учитывая сложную обстановку в небольшом городке, где многие жители знали друг друга в лицо и где активно работали контрразведки, беседа ученого и Голда проходила в автомашине во время езды по известным Фуксу окраинным дорогам и была непродолжительной. Фукс рассказал, что 16 июня 1945 года в 5.30 утра присутствовал при испытании первой атомной бомбы. После яркой ослепительной вспышки и взрыва, по его словам, небо над полигоном покрылось бело-багровым бушующим клубящимся пламенем. От Фукса были получены также письменные сообщения о дальнейших усовершенствованиях плутониевой бомбы и о том, что США ежемесячно производят 100 кг урана-235 и 20 кг плутония. Эти цифры давали советским ученым возможность определить, сколько атомных бомб США могли произвести за год. Однако в тот раз ученый не мог сообщать технологию производства плутония.

В связи с тем что, как выяснилось, ожидалось скорое возвращение Фукса в Англию, ему были переданы условия встречи с представителями советской разведки в Лондоне.

19 сентября 1945 года состоялась последняя встреча Клауса Фукса с представителем советской разведки в США. Во время встреч в Нью-Йорке и Санта-Фе он передал ряд важных совершенно секретных материалов по теории создания урановой и плутониевой бомб, их устройству, по методам сборки.

VII

ПОД ДАВЛЕНИЕМ существовавшего среди ученых мнения о необходимости установления международного контроля над атомным оружием в 1944 году американское правительство сочло необходимым подготовить и опубликовать доклад о создании атомной бомбы в США. Часть этого доклада писали ученые Лос-Аламоса. Однако Пентагон подверг документ жесткой цензуре, поэтому многое из написанного не увидело свет. Доклад был представлен для одобрения Р. Оппенгеймеру, но тот отказался поставить свою подпись. По его мнению, доклад был «однобоким и вводящим в заблуждение». Иными словами, в документе была заложена дезинформация с целью направить ученых других стран, в первую очередь СССР, по неправильному пути. 12 августа 1945 года доклад был опубликован под названием «Атомная энергия для военных целей. Официальный доклад о создании атомной бомбы под руководством правительства Соединенных Штатов, 1940—1945 гг.».

Осенью 1945 года директор атомного центра в Лос-Аламосе Р. Оппенгеймер был заменен Н. Брэдбери. Многие американские и английские ученые уходили из Лос-Аламоса, возвращаясь на гражданскую работу.

По просьбе нового директора Клаус Фукс продолжал работу в центре. Он занимался анализом результатов атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки, участвовал в составлении подробного научного отчета о создании атомных бомб. А также помогал составить программу исследований при проведении взрывов атомных бомб против военных кораблей в районе атолла Бикини.

В Лос-Аламосе тогда регулярно проводились семинары и colloquia по вопросам возможности создания нового ядерного оружия — водородной бомбы. Клаус Фукс принимал участие почти во всех этих научных обсуждениях.

Он покинул Лос-Аламос в середине июня 1946 года. Навестил свою сестру Кристель в Кембридже, затем вылетел на военном самолете из Монреаля в Англию.

VIII

ЗА НЕКОЛЬКО месяцев до окончания войны английское правительство решило

приступить к созданию своего атомного оружия. Летом 1945 года премьер-министр К. Эттли создал сверхсекретный комитет «ГЕН-75» по планированию и строительству объектов для производства атомных бомб. Эттли считал, что без собственного атомного оружия Англия попала бы целиком в зависимость от США.

Программа Эттли была весьма широкой, и на ее реализацию он выделил 100 миллионов фунтов стерлингов, не поставив в известность парламент. Предусматривалось создание научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле, реакторов и химического завода по производству плутония в Уиндскейле, завода по получению урана-235 в Капенхёрсте, арсенала в Олдермастоне, предназначавшегося для конструирования и сборки атомного оружия. Харуэлл, находящийся недалеко от Оксфорда, замышлялся как главный научный и административный центр всей атомной программы Англии.

Английское правительство поставило цель — сделать плутониевую бомбу в 1952 году.

Следует отметить, что США, как только у них появилось атомное оружие, стремились к монопольному праву обладания им, чтобы лишить другие страны, в первую очередь СССР, возможности использовать атомную энергию по своему усмотрению. С этой целью они стали добиваться через ООН принятия их «плана Баруха», который закрепил бы за США монопольное владение атомным оружием.

США оказывали на Англию давление, чтобы та отказалась от производства своей атомной бомбы. Первоначально американцы отказывались передать Англии даже документацию о результатах научно-исследовательских работ, выполненных английскими учеными в Лос-Аламосе. США также добивались пересмотра Квебекского соглашения 1943 года. Некоторые члены конгресса США были потрясены, когда узнали, что согласно этому секретному соглашению США не могли сбросить атомную бомбу на Москву без английского разрешения.

В 1946—1947 гг. сотрудничество между США и Англией в области атомных дел было плохим. С целью выработки приемлемого соглашения в этот период несколько раз проводились переговоры между делегациями США и Великобритании, в работе которых обычно участвовал Клаус Фукс. Только 7 января 1948 года было подписано кратковременное соглашение, которое заменяло Квебекское. По новому соглашению Англия отказывалась от своего права

вето на американское применение атомных бомб и разрешала США приобретать до двух третей урана, производимого в Бельгийском Конго и Южной Африке. В обмен США соглашались предоставить Англии дополнительную информацию по реакторам, производству плутония и методам обнаружения ядерных взрывов.

В 1949 году начались новые переговоры об англо-американском сотрудничестве, так как временное соглашение истекло 31 декабря 1948 года.

Администрация президента Трумэна под надуманным предлогом, будто Советский Союз может оккупировать Англию и захватить атомные секреты, возвратилась к идее, что атомное оружие должно производиться только в США. Взамен для защиты Англии от угрозы со стороны СССР США предлагали разместить на ее территории несколько готовых атомных бомб и самолетов для их доставки и сброса на советские города.

Осенью 1949 года позиции сторон на переговорах были следующими. Великобритания будет продолжать работы по созданию своей атомной бомбы, сотрудничать в проведении испытаний ядерного оружия, поставлять плутоний для производства боевых головок в США и разрешит, чтобы около 20 американских атомных бомб были размещены на территории Англии. Американцы со своей стороны хотели контролировать производство плутония и всей атомной программы Великобритании.

Но произошло событие, вследствие которого эти переговоры были прерваны.

IX

В АНГЛИИ Клаус Фукс был назначен главой отдела теоретической физики Научно-исследовательского атомного центра в Харуэлле. Его репутация в научном мире была очень высокой. Р. Оппенгеймер, в то время директор Принстонского университета фундаментальных исследований, пригласил Клауса к себе на должность члена Совета по научно-исследовательской работе. К. Фукс отказался. В начале 1948 года профессор Р. Пайерлс писал директору Харуэлла Дж. Кокрофту: «К. Фукс, вероятно, является первым кандидатом на должность главы кафедры университета по математической физике, если откроется такая вакансия, ибо он один из немногих ученых, кто способен создать сильную школу по теоретической физике». Вскоре Пайерлс предложил кандидатуру Фукса для избрания в члены английской Академии наук. Дж. Кокрофт поддержал это предложение.

Клаус Фукс участвовал в решении многих научных задач, связанных с развертыванием английской атомной промышленности. Он был членом многих комитетов и комиссий по этой проблематике, в том числе членом комиссии по противоатомной обороне Англии, входил в состав английской делегации на переговорах с американцами, во время которых вырабатывались соглашения о сотрудничестве между Англией и США в области атомной энергии.

Вскоре в составе группы английских ученых Фукс был направлен в Германию, чтобы допросить интернированного известного немецкого ученого Отто Гана, занимавшегося у нацистов созданием атомной бомбы. Во время командировки Клаус впервые за десять лет дважды встречался с отцом и рассказывал ему о своей работе.

Осенью 1947 года после годичной задержки Эмиль Фукс получил английскую визу на поездку к сыну. Он остановился в городе Абингдоне, недалеко от Харуэлла. Прожил там около месяца. Изредка встречался с Клаусом, а большую часть времени посвящал чтению лекций на собраниях квакеров в различных городах Англии. Затем возвратился в Западную Германию.

X

РУКОВОДСТВО разведки МГБ поручило проводить встречи с Клаусом Фуксом в Лондоне автору этих строк. К тому времени я уже несколько лет работал за границей. Однако в атомных делах разбирался, к сожалению, слабо. Для устранения этого пробела, который мог помешать работе с Клаусом Фуксом, ко мне прикрепили ученого-атомщика, под руководством которого пришлось засесть за изучение устройства и технологии производства атомной бомбы, а также разобрать задания, по которым планировалось получить информацию от Фукса на первых встречах.

Перед возвращением в Англию меня принял начальник разведки генерал-лейтенант С. Р. Савченко. Генерал особо подчеркнул чрезвычайную ценность Фукса, оказывающего неоценимую помощь нашим ученым, занятым созданием отечественной атомной бомбы. Работу с Фуксом глава разведки рекомендовал строить с учетом пожеланий ученого, быть внимательным к нему и всегда помнить, что тот является нашим идейным соратником.

Возобновление связи с К. Фуксом произошло в период, когда «холодная война» достигла максимальной интенсивности. США и Англия проводили жесткую политику сдерживания и отбрасывания коммунизма, фактически объявили экономическую бло-

каду СССР. Вокруг нашей страны создавали широкую сеть военных баз и открыто угрожали свержением социалистических порядков.

В такое опасное время только беспредельная преданность К. Фукса социализму, его огромное мужество позволили ему продолжать тайные встречи с представителем советской разведки.

В 1947—1949 гг. я встречался с Клаусом Фуком раз в 3—4 месяца. Встречам предшествовала тщательная подготовка, а план каждой утверждался в Москве. Все встречи по форме имели много общего. Всегда требовалась скрупулезная проверка, чтобы убедиться, что оба партнера пришли на свидание без «хвоста». Во время беседы следовало обсудить:

- обстановку вокруг ученого, выяснить его возможности и вероятные подозрительные моменты;

- получить от него устную информацию;

- дать задание по подготовке нужных материалов;

- побеседовать о международной обстановке и ответить на вопросы ученого;

- назначить очередную встречу и условиться о запасных вариантах;

- принять от ученого принесенные материалы.

Однако по своему содержанию каждая встреча была специфической: разные места и районы встреч, разные методы проверки.

Мне особенно запомнилась первая. Она была назначена в пивном баре в отдаленном районе Лондона. Хотя место встречи я изучил заблаговременно, пришел туда за 15 минут до назначенного времени. Ничего подозрительного не было. Стал ждать прихода Фукса с противоположной стороны улицы. Тот пришел без опоздания и зашел в бар. Я понаблюдал минуты три, не следует ли кто следом. Потом сам зашел в бар и сразу увидел сидящего за стойкой человека, читающего, как и следовало по условиям, определенную газету. Перед ним стоял наполовину опорожненный стакан с пивом.

Выбрал себе место неподалеку, заказал пиво и положил на стойку обусловленный журнал так, чтобы его мог увидеть Фукс.

Как было условлено, Фукс, держа в руке стакан с пивом, подошел к щиту с фотографиями известных английских боксеров. Там уже стояло несколько человек, обсуждавших достоинства спортсменов. Подошел к этой группе и я. В обсуждение вступил ученый и согласно паролю произнес фразу:

— Брюс Вудкок самый лучший боксер Великобритании за все времена.

На это я возразил:

— Томми Фэрр был значительно лучше Брюса Вудкока.

Это была вторая часть устного пароля.

Начались споры. Оставив беседовавших у щита, Фукс поставил стакан на стойку, поблагодарил бармена и вышел на улицу. За ним никто не последовал. Секунд через 30 я направился следом. Догадал Фукса я, поздоровавшись с ним, назвал его по имени, а сам представился как Юджин.

Выяснилось, что по своей инициативе Клаус Фукс принес важные материалы по технологии производства плутония, которые не мог достать в США. Ученый рассказал, что в Харуэлле его приняла хорошо. Руководство с ним считается, и он в курсе всех работ по созданию английской «штучки».

Я передал Фуку листок с вопросами и попросил подготовить информацию к следующей встрече. Клаус внимательно прочитал записку и возвратил ее, сказав, что сможет выполнить и это.

После некоторой паузы Клаус внимательно посмотрел мне в глаза и, улыбаясь, спросил:

— Неужели и ваш «бейби» будет скоро рожден?

Заметив мое недоумение, пояснил:

— Я имею в виду советскую атомную бомбу. Судя по вашим словам и письменным вопросам, понимаю, что года через два советские товарищи подорвут «штучку».

Я отказался комментировать высказывание Клауса, сославшись на свою некомпетентность и неосведомленность в этих вопросах.

С заметной радостью Клаус продолжал:

— Я-то вижу, что дела у советских коллег продвигаются успешно. Никто из американских и английских ученых не ожидает, что Советский Союз построит свою «штучку» ранее чем через 6—8 лет. Для этого у СССР, считают они, нет технического и промышленного потенциала.

Перед расставанием я принял от ученого довольно пухлый пакет с материалами, поблагодарил его за помощь и преданность нашей стране.

— Не нужно об этом говорить, — заметил Клаус и продолжал:

— Я ваш вечный должник...

*Полковник в отставке А. С. ФЕКЛИСОВ,
кандидат исторических наук*

(Окончание следует)

БАБИЙ ЯР ПОД КАТЫНЬЮ?*

«ГЕББЕЛЬСОВСКАЯ ПРОПАГАНДА» — этот термин вошел в сознание мировой общественности как одна из форм самой ядовитой лжи, гнусного подстрекательства, грязной провокации, всегда замешанной на зоологическом антисемитизме, звериной ненависти к коммунистам, к СССР. Обратите внимание, как называлась должность Геббельса — министр просвещения и пропаганды. Мы публикуем документы, из которых каждый может представить себе, как это делалось, т. е. как делалась эта самая геббельсовская пропаганда. Документы эти хранятся в Центральном Государственном архиве. Здесь же приводятся протоколы ежедневных рабочих совещаний структурного подразделения министерства просвещения и пропаганды. На этих совещаниях сам Геббельс или кто-то из иных чинов министерства проводил инструктаж всей прессы, радио и кинохроники.

Следует отметить умение, с каким боссы нацистской пропаганды оперативно и убедительно использовали как фальшивки, так и действительные факты для опорочивания своих противников.

Итак, слово документам.

Директивы господина министра от 6 апреля 1943 г.

После доклада о военном положении майор Бальцер дает описание только что ставшего известным массового убийства Советами польских офицеров. Примерно в 19 км западнее Смоленска, так, в частности, излагает майор Бальцер, около километра влево от шоссе к Витебску за оградой из колючей проволоки находится холмистая местность, поросшая сорняком, на которой в то время, когда там находились еще большевики, людьми ГПУ проводились расстрелы каких-то осужденных или арестантов. Тамошнему населению это было известно, но из-за страха оно никогда не решалось говорить об этом. Теперь случайно обер-лейтенант полевой полиции группы армий «Центр» догадался о том, что там, по-видимому, лежат горы трупов, а именно в том месте, где находятся два березовых креста, которые были поставлены там год тому назад двумя поляками, которые нашли трупы при проведении раскопок. На этом месте, которое заметно благодаря молодым посадкам сосен, теперь проведены раскопки и установлено, что там лежат слои в 9—12 человек один над другим великое множество преимущественно или почти исключительно польских офицеров. У большей части из них руки были связаны за спиной. Часов и колец уже не было, у них, правда, были еще золотые, а

главное, личные документы с фотографиями, документы о награждении орденами и т. д., так что идентификация может быть проведена чрезвычайно легко. Там работает сейчас известный химик из Кенигсберга со своими помощниками, чтобы провести идентификацию, установить звания убитых. Несомненно доказано, что все люди были убиты путем выстрела в затылок — иногда пуля пробивала голову насквозь, иногда застревала в голове. Всего, по предварительным подсчетам, там закопано около 10—12 тыс. польских офицеров, среди них находятся только единицы простых солдат — очевидно, денщики офицеров. Население сообщило, что в период с 1 марта до 18 апреля 1940 г. на тамошнем вокзале выгружали ежедневно 3—4 вагона с польскими солдатами, которых затем отвозили на автобусах, так называемых «черных воронах», в названный сосновый лес. Слышали и выстрелы, но, как уже сказано, из страха не решались говорить об этом. Характерным для склада ума советских преступников является, между прочим, тот факт, что они только в нескольких сотнях метров от этого места казни на опушке соснового леса построили дом отдыха, где высшие чины имели обыкновение устраивать свои оргии.

Что будет предпринято дальше, пока неизвестно. Майор Бальцер только сегодня разговаривал с некоторыми компетентными людьми группы армий «Центр» и настоятельно просил сообщить, будет продолжена идентификация или нет. Правда, для этого в распоряжении полевой полиции

* Окончание. См. Военно-исторический журнал. — 1990. — № 11.

мало полицейских, тогда как требуется целая рота. Майор Бальцер указал на то, что идентификация непременно должна быть проведена в пропагандистских целях, и предложил привлечь для этого членов польского Красного Креста под немецким контролем. Соответствующую бумагу майор Бальцер направил полковнику Веделю; копию ее получит статс-секретарь, для того чтобы и с этой стороны было оказано влияние на продолжение проведения идентификации.

Гуттерер поручает Берндту немедленно связаться с Краковом, чтобы предпринять соответствующие шаги.

Представители иностранной прессы, отмечает майор Бальцер, находились под чрезвычайно глубоким впечатлением. Некоторые из них беседовали с епископом Смоленского кафедрального собора, который рассказал им всю правду о поведении Советов. Были проведены беседы с преподавателями и студентами на улицах Смоленска, и повсюду давалась ужасная характеристика большевистского господства. Хотя и сегодня тамошние условия, в особенности в экономическом отношении, не представляют собой ничего хорошего, тем не менее все части населения как бы освободились от тяжелого кошмарного сна.

Браувеилер замечает, что возникла трудность в корреспондентии, поскольку иностранцы говорят, что они не могут давать информацию в свои газеты, пока эту тему не начнут немецкие газеты.

Гуттерер дает поручение Бальцеру распорядиться, чтобы докладчики пропагандистских рот подготовили сообщения: между тем ввиду большой важности дело должно быть, естественно, доложено фюреру.

Конференция от 14 апреля 1943 г.

Перед оглашением директив министра статс-секретарь убедительно просит освещать советские зверства под Смоленском теперь и по радио, которое в противоположность прессе вчера вечером только кратко коснулось этой темы.

Директивы господина министра от 14 апреля 1943 г.

Центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни будет и далее сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство. Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо, как это частично уже было, показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу. Наконец, можно также подчеркнуть, что здесь, в массовых могилах, лежат не только польские офице-

ры, которые разыскиваются так называемой польской эмигрантской кликой в Лондоне, подающей в Кремль все новые прошения. Об этом имеется хорошее сообщение в 46 заглавиствах, согласно которому в Лондоне имеют обоснованную надежду найти в скором времени давно пропавших без вести поляков. По этому поводу мы можем только сказать: мы их нашли убитых большевиками в бесконечных массовых могилах.

Поднимаемый в том же сообщении польский вограничный вопрос нас, естественно, не интересует.

Директивы господина министра от 15 апреля 1943 г.

Хорошо, если бы к гнусному убийству в Катыни нам представились бы еще новые актуальные политические случаи, чтобы этим событием пропитать еще сильнее международные политические дебаты. Такой случай предоставляет ЕД 149, где в связи с минимыми переговорами Спеллмана освещаются современные польско-советские отношения. Если, например, речь идет о добрососедских отношениях, к которым необходимо стремиться, и говорится о щекотливом обстоятельстве, что все находившиеся в Советском Союзе поляки стали советскими гражданами, то мы противопоставим этим утверждениям массовые могилы Катыни с 12 тыс. казненных польских офицеров и прежде всего заклеим цинизм английских евреев, советские союзники которых способны на отвратительные преступления, каких не помнит мировая история.

Реакцию польского населения на Катынь мы включили также в немецкую прессу как действенное усиление (ЕД 123).

Конференция от 16 апреля 1943 г.

По делу о собственно Катыни министр обращает внимание на следующие психологические соображения.

Было бы неправильно дальнейшие занятия делом Катыни проводить под знаком обороны: виноват не убийца, а убитый! Вначале мы дадим несколько столбцов фактического материала, чтобы затем в качестве добавления изложить следующее:

«Наконец, под тяжестью сообщенного нами доказательного материала и постоянно повторяемых обвинений, которые мы изо дня в день давали по радио и которые теперь вместе с неопровержимыми аргументами прошли через всю нейтральную заграничную прессу — а об этом мы позаботились, чтобы эти еврейские недодья, заключившие совместный сговор между Лондоном и Москвой, не достали нас своими щупальцами, под тяжестью этого материала они теперь начинают заикаться. Каково же содержание этого заикания? Не веришь своим глазам, когда видишь заявление ТАСС. Признания вины там вообще нет. Там говорится, что речь идет о печальной судьбе бывших польских военнопленных, которые в 1941 году находились в районах западнее Смоленска на строительных работах! Там находились бригадный генерал такой-то, командующий армией такой-то и полковник

такой-то на строительных работах! Странным образом большевики не знали о том, что польские офицеры, находившиеся на строительных работах, попали в немецкий плен, в то время как англичане месяцами атаковали их вопросами: что стало с этими офицерами? Тогда было сказано: они стали советскими гражданами. Тогда не пришлось в голову сказать: их держат немцы. Два года поляки, союзники Советов, разыскивали этих офицеров официально, и Кремль ни разу не сказал, что они были в лагере под Смоленском и затем попали в плен к немцам. Теперь, когда мы показали, что они были убиты, после того как стали уже добровольными советскими гражданами, теперь вдруг говорят, что они попали в немецкий плен. Более глупого тупые евреи в Москве действительно ничего не могли придумать. Но этого мало. Теперь, когда мы вскрыли могилы и опознали польских офицеров по их униформе, знакам отличия, паспортам, бумагам и т. д., теперь говорят, что геббельсовские лжецы забывают, что вблизи деревни Гнездовая проводились археологические раскопки (радиообзор положения, пункт 5). За каких дураков считают эти нахальные еврейские болваны европейскую интеллигенцию! Что, они думают, что европейскую интеллигенцию можно в чем-то обвинить?! Они говорят об «археологических раскопках»! Посмотрите на снимки убитых польских офицеров в «Вохеншау». Может быть, московские евреи станут после этого утверждать, что мы одели в польскую униформу 12 тыс. скелетов из времен 200 года до Христа!»

«Под тяжестью этих обвинений евреи могут произносить лишь бессвязный лепет, из которого видно только сознание их виновности. Не то, чтобы они имели нечистую совесть, потому что расстреляли 12 тыс. офицеров; они имеют нечистую совесть потому, что об этом узнала европейская общественность; потому, что с попытками маскировки ничего не выходит.

Наряду с ТАССовскими евреями и англичане придумали махинацию, но, к их неудаче, не согласовав с большевиками; во-первых, она не очень ловкая и потом является прямой противоположностью тому, что утверждают большевики. Там, между прочим, говорится: «Немецкая пропаганда, которая никогда не упускает случая посеять рознь между союзниками, начала передавать по радио сообщения о якобы обнаруженных могилах 10 тыс. польских офицеров в лесу вблизи Смоленска». Что касается «якобы обнаруженных», то нужно сказать примерно так: «Вам это будет показано в ближайшем недельном обзоре». Далее в сообщении говорится, что, очевидно, речь может идти только о «предположении»; польские власти заявляют, что действительно несколько тысяч польских офицеров, взятых в плен русскими, пропали без вести и что проводившиеся до сих пор розыски по дипломатическим каналам не привели к их обнаружению». На это следует сказать: «Тогда большевикам и в голову не пришлось сказать, что польские

офицеры попали в плен к нам. Было бы гораздо проще сказать: сожалею, я с удовольствием отдал бы 12 тыс. офицеров, но они были взяты в плен немцами тогда-то под Смоленском в лагере такого-то».

Несмотря на все демарши, так говорится далее в сообщении, их отыскать не удалось, хотя было сделано заверение, что эти интернированные офицеры были отпущены. На это следует возразить: «Значит, большевики говорят, что они были в трудовом лагере; поляки говорят, что они узнали от большевиков, что они были отпущены из лагеря для интернированных. До обнаружения поляки списали офицеров как «пропавших где-то в России». Теперь ведущая польская газета пишет: «Это страшное обвинение, возможно, является очередной попыткой немецкой пропаганды, направленной на то, чтобы нарушить польско-русские отношения. С другой стороны, судьба польских военнопленных в настоящее время неизвестна и дает повод к большой озабоченности польской общественности». На это мы можем только сказать: «На кого вы могли положиться!»

С предложением Берндтса официально пригласить для осмотра могил английских и американских полномочных представителей в Берне министр согласен. Между прочим, следует отметить заявление женевского Красного Креста, в котором было сказано, что женевский Красный Крест не интересуется мертвыми, а только живыми. Министр считает очень хорошим предложение полковника Мартина пригласить для осмотра массовых могил английских и американских военнопленных.

Министр рекомендует всю полемику, включая и внутри страны, с целью заинтересовать немецкую общественность, направить на эту тему и вести ее так тщательно, как это делали раньше евреи во время казни Якубовского, во время процесса над ложно обвиненным в государственной измене Буллерианом и т. д., когда они месяцами скакали вокруг этих дел. Сначала нужно подождать все еще отсутствующего ответа Красного Креста на наше приглашение. За это время следует отвезти в Катынь известные личности, заявления которых об их впечатлении, хорошо взвешенные, нужно издать для мировой общественности. Наряду с отображением настроения вокруг Кракова и т. д. эти заявления должны быть также отмечены в немецкой прессе. Прежде всего следует обеспечить, чтобы в распоряжении имелся постоянно новый фактический материал; в особенности необходимо как можно скорее получить заявление польского комитета помощи и Красного Креста. Согласно данным вчера (Рёлленблегу) указаниям киносъемки теперь все-таки должны включаться в еженедельное обозрение. В прессе следует прежде всего показывать, как в данном случае действовали евреи. Сначала они четыре дня пытались дело замять в надежде, что оно скоро снова забудется. Когда теперь они увидели, какие вол-

ны в мировой общественности поднимают наши открытия, они поняли, что было бы лучше что-то об этом сказать, причем, конечно, уступив до этого согласовать тему, о чем говорили лондонские евреи. Такого идеального случая соединения еврейского зверства с отчаянной еврейской лживостью мы еще не знали во всей военной истории; поэтому дни и недели напролет мы должны снова и снова с большим размахом вести наступление.

Конференция от 17 апреля 1943 г.

...В начале непосредственно конференции министр подчеркивает, что катынское дело приняло такой размах, которого он сначала не ожидал. Если бы мы теперь продолжали работать исключительно умело и точно, придерживаясь принципов, которые определены здесь на конференции, если бы мы далее позаботились о том, чтобы никто не выходил вон из ряда, то можно было бы надеяться, что нам удастся катынским делом внести довольно большой раскол во фронт противника...

Большой ошибкой, излагает далее тему министр, которую совершили большевики вчера, является та, что они заговорили об «археологических находках». Здесь международные комиссии приведут контраргумент и опровергнут эту бессмысленную ложь. Второй ошибкой было то, что они сказали, что речь идет о польских офицерах, попавших в немецкий плен, т. к. теперь поляки обращаются с многочисленными запросами даже лично к Сталину о местонахождении этих офицеров. Следует предположить, что польское эмигрантское правительство в Лондоне использует этот благоприятный случай нанести чувствительный удар Советам, которые не хотят признать их старую границу от 1939 г., и таким образом, возникнет положение, которое при случае может стать заразительным.

В продолжительных рассуждениях лондонского радио на польском языке, например, между прочим, говорится: «Битва, которую ведет немецкая пропаганда в Катынском лесу и на весах которой она бросает свыше 10 тыс. убитых, может иметь большое значение для исхода войны, как какая-нибудь битва, в которой участвуют тысячи живых. Нельзя допустить, чтобы немцы выиграли эту битву. Этим мы не хотим сказать, что эту битву не следует вести и что в ее течение не следует вмешиваться. Для этого вмешательства имеется только один путь: цель немецкой лжи может быть разбита только правдой». Это именно то, чего мы хотим! Мы заставили врага болтать и должны поддерживать эту болтовню путем выдвигания все новых утверждений. Так как теперь следует ожидать Международных комиссий, мы, естественно, не должны говорить наобум, а выдвигать только обоснованные утверждения.

Международный Красный Крест, приглашенный не только нами, но и поляками, не может более уклоняться от этого приглашения, иначе мы обрушимся на Красный Крест. Мы должны принять его очень вежливо, без всякой пропагандистской тенденции. Мы скажем: «Нам нужна правда!» Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключи-

тельно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать. Министр, между прочим, считает целесообразным, чтобы присутствовал кто-то из круга министерской конференции, чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОКВ, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу.

По поводу вражеской клеветы, что наши данные о преступлении в Катыни являются пропагандистской битвой, нужно сказать следующее:

«Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды. Для нас, конечно, эти польские офицеры не являются вопросом главным и национальным. Нас касается только тот факт, что большевики не изменились, что об обновлении большевизма вообще не может быть никакой речи, что это те же кровавые псы, которые набросились на русское дворянство, которые убили латвийское дворянство и латвийскую буржуазию — латвийских врачей, адвокатов и т. д., которые так страшно свирепствовали в Бессарабии, которые точно так же хотели свирепствовать в Финляндии — поэтому и поднялся этот маленький 2,5-миллионный народ, которые и в других частях Европы стали бы так же свирепствовать».

Первое, что бы они сделали, устранили бы выстрелом в затылок тех, кто хоть немного имеет в голове мозга, так, как это случилось с теми 12 тыс. польских офицеров и молоденьких прапорщиков».

Вообще нам нужно чаще говорить о 17—18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т. д., т. к. это действует особенно потрясающе.

Опубликованная на первой полосе газеты «Рейзон» телеграмма лондонского (бюро) Ю. П. (Юнайтед Пресс), согласно которой лондонское правительство призвало Международный Красный Крест расследовать исчезновение 10 тыс. офицеров, должна быть опубликована и в немецкой прессе. Впрочем, в изложении всего этого дела внутри страны мы не будем касаться внешнеполитических проблем. Было бы совершенно неправильно предполагать, что мы подавляем нашу заграничную пропаганду тем, что мы внутри страны включаем еврейский вопрос в катынское дело. И фюрер придает значение тому, чтобы еврейский вопрос был связан с катынским делом. Соответствующее указание для прессы было дано уже вчера в дзезном пароле. Мы должны, как этому учит опыт периода до захвата власти, действовать с величайшим постоянством и, как репей, не отставать от противника...

По замечанию Раувейлера о том, что до сих пор не подвезен тот факт, что и польское эмигрантское правительство обратилось к Красному Кресту, министр замечает, что этот факт может быть отмечен как внутри страны, так и в отношении заграничной прессы. Мы, конечно, это дело немедленно подправим и понятие «польское эмигрантское правительство в Лондоне» опишем другими словами; однако сам факт мы должны огласить, подчеркнув: «Красный Крест как польской, так и немецкой стороной был приглашен на место действия большевистских преступников. Он не может уклониться от этого приглашения. Мы ждем теперь событий, которые должны наступить».

По отношению к англичанам мы нахально скажем: «Не врите столько, Красный Крест уже на пути в Катынь! Советское утверждение об «археологических находках» скоро не будет больше покупаться».

Берндт предлагает направить в Катынь комиссию из представителей всех европейских наций, которая затем должна будет составить общую декларацию. Министр считает это предложение хорошим и подчеркивает, что яркая антибольшевистская декларация произведет глубокое впечатление. Вообще отовсюду должны быть посланы полуофициальные личности или комиссии, лучше всего, конечно, Красный Крест или какие-нибудь благотворительные организации. Если Красный Крест и не подготовит никакой политической декларации, то их можно было бы сделать дополнительно. Вообще работы по раскопке и идентификации должны по возможности проводиться по мере надобности только тогда, когда туда прибывает какая-либо комиссия.

Хорошо также использовать изданное польским эмигрантским правительством в Лондоне коммюнике, в котором прежде всего имеется указание на публикацию в «Красной звезде» от 17 сентября о 10 тыс. польских офицеров. Значит, этим большевики сами признали, что польские офицеры находились в их власти. Далее указывается на проводившиеся позднее переговоры между Сталиным и Сикорским об освобождении пленных, во время которых Сталин заявил, что Советское правительство освободило всех польских офицеров. «А именно для массовой могилы» — так можно сказать на это. Польское правительство, говорится затем в конце, не получило ответа о судьбе офицеров и других пленных. «И это, — так можно в этой связи изложить, — несмотря на то, что Советское правительство «знало», что эти офицеры попали в немецкий плен. Но тогда они не сказали об этом своим союзникам; это они утверждают только теперь».

Очень подробно, снабдив комментарием, во внутренней и внешней прессе нужно изложить пункт [коммюнике]: «Мы привыкли к[о] лжи немецкой пропаганды, но после обстоятельных данных... мы хотим подключить Международный Красный Крест... и т. д.» Вместо «польского правительства» нужно, конечно, подобрать какое-нибудь другое выражение.

Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необ-

ходимо изображать снова и снова посредством новых свидетельских показаний, передачи настроений из Кракова и т. д.

Министр снова обращает внимание на то, что снимки Катыни должны помещаться и в немецкое еженедельное обозрение.

Отлично использовать затем еще и стамбульское донесение, в котором сказано, что тамошний советский консул отказался обсуждать с представителем Ватикана вопрос обращения с военнопленными и что в этой связи Ватикан снова указал на то, что Московское правительство является единственным государством в мире, которое отказывается давать какие-либо сообщения о местонахождении военнопленных или пропавших без вести. Этим Московское правительство исключает себя из числа цивилизованных государств.

Конференция от 18 апреля 1943 г.

Министр подчеркивает, что катынское дело идет почти по программе. Как следует из радиосообщения, в Лондоне начинают беспокоиться о польской позиции, из которой вытекает, что польские эмигранты склонны скорее верить немецким данным, т. е. они уже и так считают себя обманутыми союзниками. Министр просит рассматривать катынское дело совершенно аполитично.

Директивы министра от 23 апреля 1943 г.

По делу Катыни хорошо использовать шведские голоса прессы из провинции (ЕД 84/85); в особенности подходит утверждение, что сегодня для поляков победа союзников является совершенно бесполезным делом и что их существование в таком случае ставится абсолютно под сомнение. Для дальнейшего обоснования убийства в Катыни ТО/КП 60 дает отличный материал. Там речь идет о 300 тыс. поляков, которые предположительно все еще находятся в Советском Союзе и отправка которых в Иран задерживается Советами со ссылкой на трудности с транспортом. Катынское дело предоставляет немедленную возможность высказать по отношению к Советам подозрение, выдвинуть обвинение в том, что и этих поляков они ликвидировали путем массовых расстрелов.

Директивы господина министра от 24 апреля 1943 г.

Очень важно не дать замолкнуть Катыни, поэтому донесения, связанные с Катынью, должны подогреваться и сегодня. Для этого отлично подходит фраза из сегодняшнего специального списка А 14, 2-я страница: «Немцы делают большую историю из убийства польских офицеров». (Напротив, политическую сторону этого сообщения британской официальной службы прессы мы использовать не можем, так же как мы, например, не станем подписывать декларацию исполнительного комитета американо-польского политического объединения.)

По вопросу ответа Международному Красному Кресту господин министр желает, чтобы действия были согласованы с фюрером. По предложению господина министра следует сказать, что передачу телеграммы с ответом рекомендуется дать не полным текстом, а только краткими

выдержками в косвенной речи. Так же в косвенной речи следовало бы затем дать официальное весьма краткое изложение в комментарии. Последняя фраза этого комментария должна была бы примерно звучать так: не годится большевиков привлекать в качестве экспертов, т. к. это примерно означало бы, что уличенного убийцу привлекают в качестве эксперта на совещании по вынесению ему приговора.

Таким образом, участие Советов может быть допущено только в роли обвиняемого.

Между прочим, господин министр просит в возможных комментариях ни в коем случае не делать выпадов против Международного Красного Креста; комментарии могут быть даны таким образом, что каждый немецкий читатель поймет и без этих выпадов его позицию.

Сообщение на ЕД 56 от вчерашнего дня о новой находке массовых захоронений под Одессой господин министр просит пока отставить, пока в этом деле не проявится больше, оно станет лишь отвлекать, а не усиливать Катынь.

Директивы господина министра от 25 апреля 1943 г.

Новых массовых могил под Одессой мы в сообщениях не будем касаться, следует подождать дальнейшего продолжения дела, тем более что в соответствующем донесении из Бухареста не значится, что ранее чем в середине этой недели следует рассчитывать на конкретные подробности. Пока не будет достаточно хорошо подготовленного материала по этому делу, новые находки способны только отвлекать от катынского дела в пользу Советов.

Конференция от 26 апреля 1943 г.

Министерский диригент д-р Браувейлер знакомит с указаниями министра по обращению с имеющимся информационным материалом.

Вопросом, который теперь необходимо прояснить, Браувейлер называет находку трупов под Одессой, которые, по-видимому, являются убитыми возвращенцами из Бессарабии и Буковины. Министерством иностранных дел обращено внимание на то, что во вторник могила была вскрыта; однако, по сообщению немецкого консула, в Одессе раскопки начались уже 23 апреля. Очевидно, на место раскопок прибыли уже некоторые представители прессы. Теперь стоит вопрос, как следует поступить с этим делом, не нарушая катынского дела.

Конференция от 27 апреля 1943 г.

...Указав на заявление Международного Красного Креста в Женеве, согласно которому он готов принять участие в расследовании дела в Катыни, если с этим попросят все участвующие в этом деле, а значит, и Советы, статс-секретарь подчеркивает: это заявление следует использовать как повод, в особенности в службах на иностранных языках, чтобы постоянно кричать большевикам: «Где же ваше приглашение Красному Кресту? Почему вы не участвуете в том, чтобы этот якобы немец-

кий пропагандистский трюк был разоблачен?» Так как Министерство иностранных дел в субботу было еще против этой полемики, этот вопрос должен быть обсужден с МИДом еще раз.

Сообщения о доставке иностранных ученых в Смоленск не следует помещать до того, как будет готово заключение, т. к. иначе существует вероятность, что целый ряд государств откажется от своих приглашений.

Директивы господина министра от 27 апреля 1943 г.

...Каковым бы ни было указание фюрера, мы ни в коем случае не должны себя даже в малейшем показывать злорадными. Наоборот, мы должны даже отражать подозрения, что мы якобы изобрели катынское дело, чтобы вбить клин в неприятельский фронт.

Конференция от 28 апреля 1943 г.

В продолжительной речи министр занимается вопросом развития катынского дела и вытекающими из него последствиями для нашей информационно-пропагандистской службы. В частности, министр говорит по этой теме следующее:

«Мы должны теперь в трактовке катынского дела и связанного с ним разрыва между Советским правительством и польским эмигрантским правительством оперировать с большой осторожностью. Вся информация, которая дается по этому вопросу, должна быть прежде согласована со мной. Все дело протекает чрезвычайно благоприятно для нас и может при случае повлечь за собой последствия, которые сейчас совершенно нельзя себе представить. Все это дело является не просто делом так называемой пропаганды ужасов, но оно развилось в государственную акцию высокой политики. По обстоятельствам будет необходимо по ходу событий менять нашу тактику. Мы должны попытаться теперь при соответствующих данных проявить гибкость и ни при каких обстоятельствах не иметь застывшей точки зрения. В настоящий момент кажется наиболее лучшим как во внутренней, так и во внешней политике не проявлять абсолютно никакого интереса к разногласиям между Москвой и польским эмигрантским правительством в Лондоне, которые при случае могут превратиться в разногласия между Лондоном и Вашингтоном, — Лондон при этом стоит больше на стороне Советов, а американцы на стороне поляков. Это тем более подходит к нашей общей линии, [потому] что мы все равно не признаем польского эмигрантского правительства, за что на нас всегда накладывали некий гандикап. Мы не должны снова впадать в ошибку, которую мы совершили тогда, при разработке дела Жиро — де Голль, когда мы, к сожалению, слишком показали свое злорадство и этим значительно способствовали тому, чтобы заделать трещину. Мы теперь даем лишь сообщения, которые мы должны дать, чтобы до некоторой степени удовлетворить обязанности летописцев и потому что иначе мы бы себя слишком разоблачили противнику. Однако мы отказываемся от одной позиции. Ни при каких обстоятель-

вах мы не должны начинать дела Каторки¹, так как тогда, естественно, перекроется катынское дело, тем более что делом Каторки никогда не вызвать разногласий среди союзников. Хотя воздействия катынского дела на стороны союзников в полной их мере необозримы, однако чрезвычайные возбуждение и нервозность в английской прессе указывают на то, что оно гораздо больше, чем это может внешне казаться».

Конференция от 29 апреля 1943 г.

...Попытки союзников оказать давление на поляков, чтобы они отказались от катынского дела, могут быть использованы для полемики, главным образом с заграницей.

Конференция от 30 апреля 1943 г.

При трактовке катынского дела следует придерживаться уже известных директив. Мы должны и в дальнейшем ограничиваться тем, чтобы представлять события в хронологическом порядке. Министр считает целесообразным задать теперь вопрос: «Как вы, собственно, пришли к тому, чтобы бросить нас в один горшок с поляками и выставить абсурдное утверждение, что мы установили связь с Сикорским? Вы же делаете себя смешными! Если евреи в Кремле выдумывают такую сказку, то это знаменательно для того душевного состояния, в котором сейчас находятся советские власти». Подобным же образом мы можем также защитить себя от нападков в статье «Гитлеровские палачи и польское правительство», появившейся в газете «Роте штерн». Красный Крест (имеется в виду Общество Красного Креста и Красного Полумесяца. — **Ред.**) мы в полемике по возможности выпустим из игры.

Чрезвычайно важным является сообщение, в предисловии к которому сказано: «Юнайтед пресс» на основании исследований своего лондонского бюро доверительно сообщает, что едва ли можно рассчитывать на ноту Польского правительства Красному Кресту». Для нас существенным в этом сообщении является пункт, в котором говорится, что надеются суметь замолчать катынское дело и таким образом без шума похоронить его; в то же время надеются, что в случае общего молчания немецкой пропаганды ей можно дать нахлобучку.

Здесь нам снова предоставляется случай направить внимание немецкой и мировой общественности на евреев, высказав следующее:

«Теперь евреи снова придумали махинацию! Снова они действуют своими давно известными методами; замалчивать вещи, которые им не подходят. Еврейское агентство прессы, придумавшее эту махинацию, довольно дерзко и нагло, в открытую признает намерение евреев убить молчанием и похоронить без шума катынское дело, после того как уже было разбито столько фарфуса. Это чисто по-еврейски. Таким путем думают затухать исчезновение 12 тыс. польских офицеров». Соответствующий пункт должен быть включен сегодня в лозунг дня. В остальном мы должны

твердо держаться наших утверждений, что многие другие поляки в Советском Союзе, которых еще разыскивают, само собой разумеется, лежат в советских массовых могилах с простреленными затылками.

«Лучшим средством доказать несостоятельность немецких утверждений, — пишет «Дер бунд», — было бы, если русские перед всем миром дали бы промаршировать тем полякам, которые значатся в списках Катыни мертвыми». На это мы можем только заявить: «Совершенно верно! Это нужно когда-нибудь сказать большевикам!» ЦГА СССР. ф. 1363, оп. 2, 4, д. 27—29, пер. с нем

* * *

Опубликованные документы убедительно показывают, на наш взгляд, самые разнообразные, порой казуистически тонкие методы и приемы воздействия геббельсовской пропаганды на международную общественность.

Плоды этой работы мы пожинаем и сегодня. В этой связи является несомненным, что истину можно восстановить, только изучив всю массу документов, хранящихся как у нас, так и за рубежом. Публикуя советские и трофейные немецкие документы, относящиеся к катынскому делу, мы предоставляем возможность широкому кругу читателей принять участие в поисках правды.

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ АКТ

Сим свидетельствую, что в 1942 году я посылала письма из г. Кнышин некоему доктору Ляточу, уроженцу дер. Бобровца, проживавшему и имевшему практику в Варшаве. Я читала также письма, которые он писал своей сестре, бывшей моей соседкой.

По истечении некоторого времени я нашла его фамилию в числе погибших в Катыни в газете «Новы Час», издававшейся в Белостоке.

Таких случаев было очень много, и мы хорошо знаем, что представляет собой огромная ложь немцев относительно Катыни в СССР. Мы, поляки, хорошо знакомы с немецкой Катынью. Недалеко от нашего местечка, в лесу у д[ер]. Новоселки немцы зверски замучили 1500 матерей и детей. В 1944 году, в июне м[еся]це, немцы, видя приближение советских войск, открыли тюрьмы замученных и сожгли их, пытаясь этим замести следы своей «культуры». Они привлекли для этой работы людей из трудового лагеря в Кнышине.

Таких Катыней в Польше тысячи, и мы хорошо понимаем, как нам судить о Катыни в СССР.

Пусть теперь невинная кровь тысяч поляков, которую скрывала, на которую миллионы раз клеветала немецкая пропаганда, послужит свидетельством о сущности пресловутой «высокой немецкой культуры». Пусть Катынь польских офицеров в СССР и Катынь невинных детей в Польше навсегда останутся в истории незабываемой и никогда не прощаемой обидой, нанесенной немцами всему польскому народу.

23.8.44 г.

ПЕХОЦКАЯ Анна

Акт подписал также

ОСТРОВСКИЙ Мечислав

¹ Здесь ошибка. Речь идёт о местечке Тагарна.

Обращение к населению.

Кто может дать данные про массовое убийство совершенное большевиками в 1940 году над пленными немецкими офицерами и священниками в лесу Котлы Горы около шоссе Гнездово-Катынь?

Кто избилонал автотранспорты от Гнездово в Котлы Горы или

кто видел или слышал расстрелы? Кто знает истинной, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово в немецкую полицию дом № 195 у вокзала.

3 май 1943 г.

Фосс

Лейтенант полевой полиции

ПОВЕСТКА №

Гр-ну *Эдвард Потканский* 1943 г.

проживающему *Варшава, ул. 11*

Предлагается Вам явиться в срочку в Смоленск, Красная ул. № 11 к 8 часам 20-го апреля 1943 г.

с " " отдела, комн. № *10* к *Медведеву*

При себе иметь паспорт: *Эдвард Потканский* Следователь *С. В. Медведев*

Показания военнопленных солдат-поляков германской армии, находящихся в специальном лагере № 24, о Катыни

ПОТКАНСКИЙ ЭДВАРД. Поляк. Домашний адрес: Варшава, ул. 11 Листопада, 72, кв. 43. По профессии — маляр. До 1943 года работал в творках. Самовольно оставил работу из-за низкой заработной платы. 8 июня 1943 года во время облавы на улице Велькая (Варшава) был схвачен и направлен в строительный батальон, в Россию, в Красный Бор близ Смоленска. В Красном Бору работал сапожником. 20 сентября 1943 года вместе с Ковальским Романом (см. его показания ниже) сбежал и прятался до прихода частей Красной Армии. Был задержан офицером Красной Армии и направлен во фронтową лагерь № 24.

Показал: «В разгар катынской кампании я был в Польше. Гитлеровская польская газета «Курьер Варшавский» заполняла целые страницы фамилиями польских офицеров, будто бы замученных большевиками в Катыни. С больших предприятий в Катынь посылались делегаты, которые по возвращении должны были рассказывать о зверствах большевиков. Таких же представителей немцы посылали даже из концлагерей. Это были польские офицеры.

Многие делегаты, возвратясь из поездки, рассказывали обратное тому, что хотелось гитлеровцам. Вскоре эти делегаты были арестованы и пропали без вести.

На стенах домов появились надписи: «Катынь — дело рук гестапо». Такие надписи можно было прочесть на Новогрудской, Маршалковской и других улицах.

На скамейках в Саском саду были приклеены записи, из которых сообщалось, что убийцами польских офицеров в Катыни являются немцы. Поляки говорили о Катыни как о новом злодеянии немецких разбойников.

Что касается меня, то я убедился в этом следующим образом: у моего брата Потканского Леона, проживающего в Пружкове, ул. Марьянская, дом № 13, был приятель — польский офицер Марьян Рудковский, проживавший в Варшаве, в Праге. В 1942 году немцы арестовали его и заточили в концлагерь в Освенциме.

6 недель спустя жена офицера Марьяна Рудковского получила из Освенцимского концлагеря одежду мужа и извещение о его смерти. Кроме того, ей предлагали,

если она хочет иметь пепел своего мужа, выслать по указанному адресу 500 злотых.

Когда началось катынское дело, жена Рудковского нашла имя своего мужа в списках польских офицеров, «замученных большевиками в Катыни». Тогда она отправилась в гестапо с тем, чтобы узнать, где же в самом деле погиб ее муж. В гестапо жена Рудковского была задержана и домой больше не возвратилась.

13 июня 1943 года, в день нашего приезда в Красный Бор, нас спросили, кто хочет посмотреть могилы польских офицеров в Катыни. Согласились все вновь прибывшие — 20 человек. Нас посадили в машину и отвезли в Катынь. Могилы были зарыты. Но там валялось много разных вещей, принадлежащих убитым офицерам, польские деньги (совсем новые) и другие вещи. Мы незаметно брали что-нибудь из этих вещей себе на память. Так, я нашел медальон и 100-злотовую бумажку.

Возвратясь к себе в казармы, мы, поляки (а в строительном батальоне были только поляки), стали обсуждать, кто убил польских офицеров в Катыни. Разговор был оживленный. Я тоже рассказал случай со знакомым офицером Марьяном Рудковским. Тогда десятник этого батальона Виски Эдвард вызвал меня из дома и сказал, что я, не зная людей, поступаю неосторожно и что со мной может быть то же, что с шофером-поляком этого же батальона по фамилии Лепяшко, который сказал, что польских офицеров в Катыни расстреляли немцы, за что он был арестован и расстрелян.

3-й Белорусский фронт, № 17392 и/с

ВНЕПАРХОДЕТОВ

Начальник Штаба
и Взаимопомощи
КРЕСТЬЯНСКО-ПРОМЫСЛЕНСКО-КООПЕРАТИВНОГО
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛ.

СМОЛЕНСКО-ПРОМКАССА

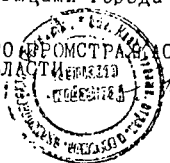
№ 5
№ 5

С П Р А В К А . -

Промстрахкасса по Смоленской области настоящим удостоверяет, что район "Козьих гор" и прилегающих к нему Катинского леса и Красного Бора являлся местом организации пионерских лагерей, принадлежавших системе Промстрахкассы по Смоленской области.

Последний раз пионерский лагерь в этом месте был организован летом 1941 года и был ликвидирован в связи с занятием немцами города Смоленска в июле 1941 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОРГБЮРО ПРОМСТРАХКАССЫ
по СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Косымина (КОСЫМИНА)

СЕКРЕТНО

Управление генерал-губернаторства
Телеграфный отдел

Телеграмма № 6

Отправитель: Варшава, 3 мая 1943, 17.20,

Отдел внутренней администрации Варшавы

Получатель: Управление генерал-губернаторства,

Главный отдел внутреннего управления,

Главному административному советнику Вайраух — Краков.

ВЕСЬМА ВАЖНО

НЕМЕДЛЕННО

Секретно: Часть польского Красного Креста вчера из Катыни возвратилась. Служащие польского Красного Креста привезли гильзы патронов, которыми были расстреляны жертвы Катыни. Оказалось, что это немецкие боеприпасы калибра 7,65 фирмы Геко.

Письмо следует Хайнрих

Передано: из Варшавы, Фидлер. Принял: Сидов

Перевел капитан (Гришаев)

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 114, д. 38, л. 1.

Публикацию подготовили А. С. ПРОКОПЕНКО,
директор Центрального государственного архива СССР;
А. С. СУХИНИН

МЫ ПОЛУЧИЛИ письмо Ивана Михайловича Комарова «Окрик из посольства». Давно известно, что демократия без диктатуры вырождается в анархию, а диктатура без демократии — в диктатуру личности. Кажется, мы опровергаем истину: у нас плюрализм стремительно перерождается не в анархию, а в самую махровую диктатуру личности или группы личностей. Сегодня на нас делает «топ» советник чужого посольства. А завтра? Посольские только в двух случаях храбрые: от бескультурия и когда за спиной чувствуют силу вооруженную. Плохи наши дела, если из-за рубежа нашим областным газетам уже делают выволочку и предписывают, что им можно печатать, а чего нельзя. Да еще в какой форме! В форме директивного письма на официальном бланке. Будто из какого-то департамента цензуры.

Я уверен, если бы у нашего родного МИД имелась более патристическая позиция, ни один бы не токмо советник посольский, а и чужой президент не посмел бы отправить в наш Орел подобное письмо. Или МИД считает, что у нас уже нет ничего за спиной? Как говорится, за что боролись, на то и напоролись?

Виктор ФИЛАТОВ

ПОСОЛЬСТВО ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В МОСКВЕ

Москва, 20 июля 1990 г.

Уважаемый главный редактор!

В Посольство Республики Польша в Москве, а конкретно в мои руки — советника по печати — попал с опозданием экземпляр «Орловской правды» от 22 июня текущего года с пространной статьей И. Степанова, ветерана войны и труда, под названием «Свидетельствую». Получением этого экземпляра газеты я обязан Э. С. Менделевичу, члену «Мемориала». За это я благодарю его отдельно и одновременно заслуженный «Мемориал», который, осуждая сталинские злодеяния, не только не обливает грязью историю СССР, как этого хотел бы Степанов, но хочет очистить историю от этой грязи, огромной тяжестью лежащей также и на послевоенной истории Польши, сохраняя тем самым именно для истории то, что приносит гордость и честь великому СССР, в том числе и сохраняя добрую память о тысячах — миллионах советских солдат, погибших в последней войне, которые со злодеяниями Сталина — Берни, злодеяниями НКВД не имели ничего общего.

Редакция имеет право помещать письма читателей, но письмо, о котором я говорю, даже ввиду своих размеров является чем-то большим, чем письмо. Оно является пространной статьей с таким огромным смещением проблем, с таким большим незнанием вопросов или же с таким огромным отсутствием доброй воли, что хотелось бы спросить: разве так должно быть, что, чем дальше от Москвы, от больших центров перестройки, гласности, тем больше отсталости, захолустья, невежества, незнания. А может, сознательного незнания? Да, но если это сознательное незнание или сознание, направляемое демагогическими эмоциями, то обязательно редакции в конце концов газеты, значимой и являющейся совместным органом партии и народного совета, является представить свое мнение, указать, с чем не согласна.

Ибо как же это может быть, что ТАСС в апреле текущего года во время визита Президента Польши дает сообщение, в котором Советское правительство признает, что убийство польских офицеров в Катыни было совершено НКВД, а Президент СССР М. С. Горбачев передает документы об убитых офицерах, а два месяца спустя в «Орловской правде» Степанов пишет, что Катынь — это большая ложь, потому что якобы в этом зловещем лесу на месте преступления НКВД были найдены пули немецкого производства...

Разве о сообщении ТАСС и документах, переданных польскому Президенту, редакция тоже не знала? Разве, чем дальше от Москвы... Хотелось бы снова спросить.

Или иначе: может быть, так далеко пустила корни сталинская пропаганда, что даже другая правда, эта горькая, ужасная, не имеет значения?

Есть тут такие и другие неправды, как та, что будто бы премьер Тадеуш Мазовецкий выступил с предложением признать день 15 августа праздником Войска Польского в знак победы поляков над Красной Армией в 1920 году... Читатель где-то что-то слышал, прочтает, но ведь редакция должна знать, что это было только лишь предложение Совета по памятникам, борьбе и мученичеству, одно из многих, в рамках дискуссии прессы о выборе праздника Войска Польского, причем это предложение было признано в высшей степени дискуссионным. Разве редакция и автор письма тоже не знали, что плюрализм в печати, к счастью, имеющий место в обеих наших странах, допускает свободу взглядов и что не следует сразу же во всем выискивать злую волю, а в случае предлагаемой даты 15 апреля — какой-то антисоветский заговор?

Подозрительность — это тоже остатки сталинизма. В нас, поляках, еще тоже ее много.

И еще об одном. Об Армии Крайовой автор письма может только сказать в духе старой сталинской пропаганды и, используя старую избитую фразу «АК — заплеванная пигмей реакцией», что ее солдаты якобы стреляли в спину Красной Армии, а не знает или не хочет написать, что так называемая, как сам определяет, Армия Крайова была распущена в тот момент, когда на территорию Польши вошла Красная Армия, что тысячи солдат АК оказались в рядах польской армии, сражающейся рядом с Красной Армией на боевом марше до Берлина, и что одновременно тысячи их уже после войны были убиты НКВД или депортированы в лагеря. Разве редакции ничего не известно также и о так называемом процессе 16-ти, процессе 16 руководителей АК, которых судили в Москве в 1945 году, а недавно они были реабилитированы Генеральным прокурором СССР. ТАСС об этом тоже информировал, и это было в советской печати. Понятие «реабилитация», наверное, о чем-то говорит: это означает, что руководителей АК несправедливо обвинили в так называемой стрельбе в спину в тылу Красной Армии. Разве автор письма, а вместе с ним и редакция не согласны с решением Прокуратуры СССР?

Все это удивляет, заставляет задуматься, возмущает, в результате побуждает меня выразить протест редакции с просьбой его опубликовать. Подчеркиваю, что копии этого письма-протеста я посылаю также в некоторые редакции в Москве.

С уважением

Ерени ЧУЛИНСКИ

Советник по печати Посольства РП

ТАСС ПЛАНЕТА
стр. 9

14 августа 1990

АНТИСОВЕТСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ПОЛЬШЕ

В Польше впервые начались официальные празднования победы войск Пилсудского над Красной Армией под Варшавой. В столице и других городах страны состоялись торжественные богослужения и манифестации в честь 70-летия «Победной битвы польских войск», возложения венков к памятникам погибшим, открылись выставки, посвященные этому событию. Выступивший в Варшаве глава польской католической церкви кардинал Глемп заявил: «Сегодня эта битва за суверенную Польшу продолжается, нашими врагами являются наши собственные слабости. Мы обладаем свободой, за которую пролито столько крови, и хотим ее сохранить, но это требует лишений и умения объединять свои силы».

ОКРИК из посольства

В «ОРЛОВСКОЙ ПРАВДЕ» от 22 июня этого года была опубликована статья «Свидетельствую» бывшего узника фашистского лагеря смерти ветерана войны и труда И. Степанова. В ней он пишет, что средства массовой информации шельмуют и оплеывают героическую историю советского народа. Ветеран, в частности, отмечает, что версия о расстреле в Катыни польских офицеров советскими войсками есть провокация и клевета. Он указывает на вспышку антисоветизма в Польше и подчеркивает, что антисоветские элементы, муслируя сплетню о расправе советских властей над поляками, в то же время помалкивают о террористических актах, осуществлявшихся боевиками из Армии Крайовой и направленных против советских солдат и офицеров, освобождавших Польшу от гитлеровских захватчиков. Автор описывает конкретный эпизод, очевидно, которого являлся.

В статье упоминается и об инициативе премьер-министра Польши Мазовецкого победу белополяков над Красной Армией на Висле в 1920 году объявить праздником Войска Польского.

И вот в связи с этой статьей в редакцию «Орловской правды» из посольства Республики Польша пришло письмо за подписью советника по печати Ереми Чулински.

Сообщив о том, каким образом этот номер «Орловской правды» оказался у него в руках, советник дал редакции взбучку за публикацию статьи: «Редакция имеет право помещать письма читателей, но письмо, о котором я говорю, даже ввиду своих размеров является чем-

то большим, чем письмо. Оно является пространной статьей с таким огромным смешением проблем, с таким большим незнанием вопросов или же с таким огромным отсутствием доброй воли, что хотелось бы спросить: разве так должно быть, что, чем дальше от Москвы, от больших центров перестройки, гласности, тем больше отсталости, захолустья, невежества, незнания».

«Кабы знал, где упасть, так соломку бы подостлал», — говорит русская пословица. И если бы ведала редакция, что дело примет такой оборот, то она, очевидно, не преминула бы спросить разрешения у советника: так, мол, и так, господин советник, не сообразовали ли ознакомиться со статьей на предмет ее публикации? Но вот беда: редакция удалена от «больших центров перестройки».

Да, дело плохо. Впрочем, нам кажется, что советник не во всем прав: он почему-то понимает гласность только как изображение нашей истории в одном цвете. А нам в апреле 1985 года было объявлено, что гласность является родной сестрой плюрализма мнений. Так что свидетель истории И. Степанов имел полное право сказать читателям, что какой-то цвет, на его взгляд, не соответствует исторической правде.

Почему же это обстоятельство упустил из виду грозный советник? Ведь он обретается в «большом центре перестройки», можно сказать, даже в ее эпицентре, и у нас нет оснований подозревать его в невежестве. Скорее всего Ереми Чулински горячий человек. По всей вероятности, вследствие своей горячности он забыл, что принялся

отчитывать печатный орган, который ему ни по какому праву, в том числе международному, как выражался один чеховский герой, не подотчетен.

Кроме словесной взбучки, устройной редакции, в письме есть изобличения в фальсификации истории. Советник, например, пишет: «...как же это может быть, что ТАСС в апреле текущего года во время визита Президента Польши дает сообщение, в котором Советское правительство признает, что убийство польских офицеров в Катыни было совершено НКВД, а Президент СССР М. С. Горбачев передает документы об убитых офицерах, а два месяца спустя в «Орловской правде» Степанов пишет, что Катынь — это большая ложь, потому что якобы в этом зловещем лесу на месте преступления НКВД были найдены пули немецкого производства».

Но почему, собственно, пули немецкого производства были «якобы» найдены? В «Комсомольской правде» от 3 апреля этого года в статье «Сосны вместо обелисков» читаем: «Убийство большинства военнопленных было совершено оружием немецкого образца». Таким образом, это бесспорно. А вот фактов, подтверждавших, что польских офицеров действительно расстреляли советские войска, нет и быть не может. Польский советник по печати предлагает нам принять за факт признание Советского правительства, но мы должны его несколько разочаровать: история может быть изучена и понята только на основании действительных, конкретных фактов. А если таких фактов нет, то как можно верить даже правительству! Нам кажется, что польскому советнику следует не столь легковерно и доверчиво относиться к заявлениям власть предержащих. К сожалению, их устами не всегда глаголет истина. Примеров тому — пруд пруди. Вот хотя бы некоторые из них.

Ереми Чулиньски, надо полагать, смотрел и слушал, как бывший член Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлев делал «виртуозный» доклад на Съезде народных депутатов СССР о том, что между СССР и Германией в 1939 году якобы был заключен

секретный договор о переделе мира. Подлинника «договора», разумеется, не оказалось ни в архивах ФРГ, ни в архивах СССР. Докладчик ссылаясь на якобы его фотокопию и утверждал, что он существовал, так как события развивались в точном соответствии с ее содержанием. Любый здравомыслящий человек заметит на это, что всякую фотокопию можно состряпать после свершения событий. Но эта донельзя простая мысль почему-то не пришла, а вернее, она не захотела прийти в голову большинству народных депутатов, ибо у них чешутся руки как можно сильнее заляпать черной краской историю СССР. И чудовищная клевета была принята на веру. Так что же, прикажете по-прежнему распространять ее?

Или возьмем М. С. Горбачева. Этот инициатор перестройки в самом ее начале не устал повторять, что перестройка означает больше социализма и демократии. А что же в действительности происходило? В действительности погром социализма принял открытые формы.

В начале кампании борьбы с пьянством Горбачев при встречах с народом задавал вопрос: довольны ли люди принятыми руководством страны мерами по искоренению зла? Из толпы, как правило, отвечали, что довольны больше некуда. И Михаил Сергеевич с удовольствием замечал, что здорово пьяниц поприжали. А что на деле? На деле оказалось, что пьяниц вовсе не прижали и безумную борьбу с пьянством можно с полным основанием назвать экономической диверсией, ибо в ходе нее был нанесен колоссальнейший ущерб.

Нужны ли еще примеры? Мы их можем приводить до бесконечности, но и без того очевидно, что заявления высокопоставленных лиц, мягко говоря, не всегда соответствуют действительности. В этой связи мы напомним польскому советнику высказывание Козьмы Пруtkова: «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим».

«Есть тут такие и другие неправды, — продолжает отчитывать автора Ереми Чулиньски, — как та, что

будто бы премьер Тадеуш Мазовецкий выступил с предложением признать день 15 августа праздником Войска Польского в знак победы над Красной Армией в 1920 году... Читатель где-то что-то слышал, прочитал, но ведь редакция должна знать, что это было только лишь предложение Совета по памятникам, борьбе и мученичеству, одно из многих в рамках дискуссии прессы о выборе праздника Войска Польского, причем это предложение было признано в высшей степени дискуссионным. Разве редакция и автор письма тоже не знали, что плюрализм в печати, к счастью, имеющий место в обеих наших странах, допускает свободу взглядов...»

Приятно слышать, что советник по печати является приверженцем плюрализма мнений, но для нас крайне загадочно, почему он человека, чудом не угодившего в фашистский крематорий, советского солдата — одного из тех, перед которыми все человечество будет в вечном неоплатном долгу, — лишает права на этот самый плюрализм и норовит заткнуть ему рот? Видно, и впрямь уж больно горяч Ереми Чулинский!

Но как обстоит дело с инициативой премьера Мазовецкого? Инициативы не было, уверяет советник, а было признано «в высшей степени дискуссионным» предложение. Ну а что было на самом деле? На самом деле в Польше состоялось празднование победы войск Пилсудского над Красной Армией под Варшавой в 1920 году. Подробно все это антисоветское действо описано, в частности, в газете «Известия» от 16 августа этого года.

По словам советника, автор искал правду и в вопросе с террористами из Армии Крайовой: «Об Армии Крайовой автор письма может только сказать в духе старой сталинской пропаганды... Армия Крайова была распущена в тот момент, когда на территорию Польши вошла Красная Армия... тысячи солдат АК оказались в рядах польской армии, сражающейся рядом с Красной Армией на боевом марше до Берлина... одновременно тысячи их уже после войны были убиты НКВД или депортированы в лагеря. Разве ре-

дакции ничего не известно также и о так называемом процессе 16-ти, процессе 16 руководителей АК, которых судили в Москве в 1945 году, а недавно они были реабилитированы... Понятие «реабилитация», наверное, о чем-то говорит: это означает, что руководителей АК несправедливо обвинили в так называемой стрельбе в спину в тылу Красной Армии».

Во-первых, в статье говорится не вообще об Армии Крайовой, а о тех ее боевиках, которые стреляли именно в спину советских солдат и офицеров. Во-вторых, если к этому боевики из Армии Крайовой не причастны, тогда кто же все-таки убивал советских солдат и офицеров в освобожденной ими Польше? Уж не войска ли НКВД? В-третьих, от кого же тогда советские войска вместе с воинами Войска Польского охраняли железную дорогу, когда из Германии в эшелонах возвращались на Родину демобилизованные советские солдаты и офицеры?

Террористы из Армии Крайовой, однако, убивали не только советских бойцов и командиров, но и польских коммунистов, рабочих и крестьян, строивших новую, социалистическую Польшу.

Официально Армия Крайова была распущена в январе 1945 года. Но из наиболее ее реакционной части была создана подпольная террористическая организация «Вольность и неподлежность», которая боролась против народной власти. Эта организация была разгромлена органами безопасности народной Польши в 1947 году.

Мы понимаем, что тут все зависит от точки зрения: вполне возможно, что советник поднявших руку на народ террористов считает не преступниками, а борцами со сталинизмом. Но тогда надо было открыто выражать свою точку зрения, а не наводить тень на плетень. Мы дипломату рекомендуем брать пример с прибалтийских «демократов»: они верой и правдой служивших гитлеровскому рейху головорезов объявили борцами со сталинизмом и ставят им памятники. И если они завтра объявят Гитлера жертвой сталинизма и поставят ему памятник, то это с их точки зрения будет весьма логично.

Теперь пора сообщить читателям, каким образом номер «Орловской правды» со статьей, вызвавшей такое бурное негодование советника по печати, попал к нему. Пусть он скажет об этом сам: «Получением этого экземпляра газеты я обязан Э. С. Менделевичу, члену «Мемориала». За это я благодарю его отдельно и одновременно заслуженный «Мемориал», который, осуждая сталинские злодеяния, не только не обливает грязью историю СССР, как этого хотел бы Степанов, но хочет очистить историю от этой грязи...»

Разгул антисоветизма в Польше, демонтаж и осквернение памятников В. И. Ленину, павшим за освобождение Польши советским воинам и все прочие акты политического вандализма Менделевича в отличие от автора вызвавшей гнев советника статьи несколько не волнуют и не беспокоят. Мы глубоко уверены и убеждены, что антисоветская вакханалия возмущает и всех честных поляков, не говоря уж о коммунистах. В противном случае Менделевич послал бы в польское посольство протест по поводу антисоветского шабаша в Польше. Но почему же он послал газету со статьей ветерана, в которой тот протестует против наглой и циничной фальсификации истории советского народа?

Говорят, что в антисоветской истерии принимают участие лишь родственники репрессированных. Это неверно: в антисоветской истерии принимают участие **идейные единомышленники** тех из них, кто пытался уничтожить диктатуру пролетариата и реставрировать в СССР капиталистические порядки. Поэтому они борются не только за установление памятников жертвам, а и за то, чтобы наконец-то восторжествовало дело этих жертв, т. е. за реставрацию капитализма в СССР.

Вот один из характерных примеров. В Орле 11 сентября этого года состоялся митинг, посвященный жертвам репрессий. Однако ни о самих жертвах, ни о репрессиях на митинге почти не говорилось. Раздавались призывы и лозунги: «Долой партию!», «Долой Советскую власть!» На митинге о Сталине почти не упоминали, а обливали грязью Ленина. Не может быть никакого сомнения: смысл антисоветской истерии заключается в стремлении идейных последователей жертв репрессий взять политический реванш. А потому менделевичей несколько не волнует, когда бросают тень на историю народа. Они, напротив, стремятся как можно больше швырнуть в нее грязи, ибо только таким способом могут ошельмовать народ и заставить его поверить дикой и несуразной клевете.

Вполне понятно, что выступление ветерана на страницах газеты в защиту исторической правды переполюшило местного активиста «Мемориала» и он тут же отослал газету в посольство. Это выступление не на шутку переполюшило и советника по печати, ибо погромщики социализма и в Польше действуют теми же методами, что и отечественные обличители культа личности.

Свое письмо-окрик советник заканчивает так: «Подчеркиваю, что копии этого письма-протеста я посылаю также в некоторые редакции в Москве». Это надо понимать как угрозу науськать «желтую прессу»: ужо вам будет, если мое письмо не опубликуете!

Но кому грозит польский соратник «Мемориала»? Ветеран ли войны И. Степанов, не раз глядевший смерти в глаза, испугается «желтой прессы»? Испугаются ли этой прессы все те, кому дороги Родина, социализм, ленинизм?

Н. М. КОМАРОВ,
член Союза журналистов СССР

РАДИОМОСТ

Вашингтон — Кёльн — Волгоград

ВОЛГОГРАДСКОЕ радио совместно с радиостанциями «Голос Америки» и «Немецкая волна» 30 октября провело радиомост, в ходе которого были обсуждены следующие вопросы: о причинах возникновения, поворотных пунктах и итогах второй мировой войны. В дискуссии участвовали: с американской стороны историки Я. Кипп и Д. Холброк, с германской — Л. Люкс и М. С. Васленский, с советской — Б. С. Абалихин и В. Н. Киселев. Ведущими радиопередачи были В. Французов (США) и М. Р. Пинхасик (СССР). На «Немецкой волне» в этой роли выступал Л. Люкс.

Как известно, вторая мировая война возникла в результате назревших в разных точках земного шара противоречий, которые агрессивные государства стремились разрешить силой оружия. Для осуществления своих агрессивных планов Германия, Япония и Италия создали мощную коалицию, тогда как страны, являвшиеся объектами агрессии, объединить усилия для срыва и отражения нападения не сумели. Разгорелась война, пламя которой охватило все континенты.

В ходе дискуссии германская сторона в качестве основной причины возникновения войны выдвинула Версальскую систему, что было отвергнуто американскими историками. Они считают, что Гитлер уже до начала второй мировой войны в одностороннем порядке отбросил Версальский мирный договор и установленные им военные и территориальные ограничения Германии. Д. Холброк поддержал мнение советских историков о том, что одной из причин войны была агрессивная устремленность германского фашизма, которая декларировалась Гитлером еще в его книге «Майн кампф», с чем до этого не соглашался М. С. Васленский. Он настойчиво проводил мысль о возникновении войны вследствиеговора Гитлера со Сталиным, заключивших известные договоры 1939 года, утверждая при этом, что советское руководство и сейчас не изменило своего отношения к этим документам, скрыв от советских людей секретные протоколы к договорам о разделе сфер влияния между Германией и СССР.

Советские историки напомнили участникам радиомоста, что принципиальная оценка договора 1939 года недавно дана на высшем уровне законодательной власти СССР и обсуждение этого вопроса широко освещалось средствами массовой информа-

ции. Одной из основных причин войны советская сторона назвала отсутствие коллективных усилий европейских государств по пресечению агрессии. Западные страны направляли агрессора на восток, СССР пытался оттолкнуть его на запад. Используя такую политику, Германия в 1939—1941 гг. добивалась успеха.

Из контекста дискуссии вытекало, что в поражении Польши виноват договор о ненападении между Германией и СССР, а не Франция и Англия, которые обязались помочь Польше, имели для этого четырехкратное превосходство сил и средств на западной германской границе и бросили жертву агрессии на произвол судьбы. Советская сторона не могла согласиться с такой позицией, изложив свою о «странной» войне.

Дальнейший обмен мнениями застопорился при обсуждении неудачного исхода начала войны Советского Союза по отражению германского вторжения. М. С. Васленский заявил, что солдаты Советской Армии не хотели воевать, поэтому эта армия в течение первых же трех недель была разгромлена, а войну продолжала уже другая, вновь созданная. Б. С. Абалихин решительно выступил против такой точки зрения. Его поддержала американская сторона, выразившая восхищение мужеством советских воинов в тяжелых условиях внезапного нападения агрессора. Отмечаясь от своего коллеги и Л. Люкс. Несмотря на крупные успехи в начале войны, вермахт не сумел разгромить Советскую Армию западнее Днепра, как намечалось планом «Барбаросса». Сохранили способность к сопротивлению советские войска на Украине и в Молдавии, в сражения вступал второй стратегический эшелон, остановивший врага под Смоленском. Это была армия, которую СССР имел к началу войны.

Рассматривая поворотные пункты второй мировой войны, американские историки подчеркнули роль военных действий в бассейне Тихого океана, в Атлантике, Северной Африке и особенно в Нормандии. Б. С. Абалихин выделил Сталинградскую битву, Л. Люкс — Белорусскую, Висло-Одерскую операции. Советская сторона пыталась также показать влияние на советско-германский фронт военных действий на Тихом океане. После того как Япония направила усилия на юг, СССР стал меньше опасаться за Дальний Восток, что способствовало борьбе с Германией. При анализе такого сложного явления, как вторая мировая война, будет, очевидно, правильно разделять со-

бытия, внесшие перелом в борьбу на каждом театре войны и коренным образом изменившие ход всей мировой войны.

Сражение при Мидуэ изменило обстановку на Тихом океане в пользу англо-американских войск. Начало перелома в Африке положил Эль-Аламейн. Однако на главном театре второй мировой войны, каким была Европа, перелом завершила Курская битва, о которой пока в ходе дискуссии ничего не было сказано. Советская сторона напомнила, что именно под Курском летом 1943 года Гитлер сделал последнюю попытку переломить ход войны в свою пользу. Срыв этой попытки привел к коренному перелому войны в Европе, так как Германия вынуждена была перейти к стратегической обороне.

Не был обойден и вопрос о ленд-лизе. При этом советские историки подчеркнули особую роль поставок Советскому Союзу автомобилей, которые в годы войны составили две трети имевшихся в распоряжении

Советской Армии. Нельзя не быть благодарным США, Англии, Канаде за помощь в обуви, продовольствии. Существенной была помощь в танках и самолетах, которая равнялась 10—12 проц. их общего поступления на вооружение Советской Армии.

В целом радиомодем был полезным обменом мнениями. И хотя обсудить все намеченные вопросы не удалось, причиной чего являлись их многочисленность, а также значительные перерывы связи, дискуссия способствовала лучшему пониманию различных, порой противоречивых точек зрения. Следует подчеркнуть общую доброжелательность полемистов, особенно американской стороны во главе с прекрасно руководившим чрезвычайно активными участниками диспута В. Французским. Дискуссия показала, что можно спорить, не ссорясь.

В. Н. КИСЕЛЕВ,
кандидат военных наук,
доцент

РАЗРЕШИТЕ выразить вам огромную благодарность за то, что ваш журнал помог нам найти брата — Бутахина Михаила Афанасьевича, числившегося без вести пропавшим в 1941 году.

В № 12 за 1989 год в статье «Они не сдались» сообщается, что наш Миша (его фотография помещена в журнале) не пропал без вести, а был в плену, но боролся до последнего своего часа. Невозможно описать

волнение и ту горестную радость, с которой мы перечитываем эту статью. Огромное спасибо капитану О. Ю. Старкову за его благородную и ценную работу.

На наш запрос о судьбе брата Главное управление кадров Министерства обороны СССР сообщило, что по учетным документам командир пулеметного взвода 46-го стрелкового полка лейтенант Бутахин Михаил Афанасьевич, 1918 года рождения, числится без вести

пропавшим в 1941 году. Других сведений не имеется.

Теперь, когда известно, что он убит при попытке к бегству из плена, хотелось бы узнать, в каком лагере он содержался и с какого времени, когда совершил побег и был убит. А может быть, есть место его захоронения? Нам дорога любая маленькая подробность о судьбе брата.

Г. А. БУТАХИН,
Н. А. РЫЖОВА
(г. Куйбышев)

От редакции. По данным Центрального архива Министерства обороны СССР, Михаил Афанасьевич Бутахин был расстрелян при побеге из лагеря I-B, местечко Хенштайн (ныне Ольштынек — Польша) 2 октября 1942 года. На кладбище поименных могил нет. Останки похоронены в братской могиле.

Трудно не согласиться со словами главного редактора «ВИЖа» о том, что «все соглашения — это забава мидовских работников». И как им не забавляться, если их назначают на эти должности «забавно», то есть без учета их профессиональной подготовки. Как пример: Тяжелыхников — бывший лидер комсомолии — получил назначение в Румынию. МИД — это, наверное, единственное ведомство, в котором некоторым работникам можно работать забавляясь, так как при направлении на работу у них не требуют диплома об образовании «на дипломата».

В свое время на дипработе трудились ставшие сейчас видными деятелями Нишанов, Яковлев. Интересно, а они какие мидовские заведения кончали?

В. ЛЕВЧЕНКО
(г. Архангельск)

Прошу вас дать разъяснение в журнале, было ли ходатайство или просьба советских

военачальников о присвоении И. В. Сталину звания Генералиссимус.

А. Е. ШАБАНОВ
(г. Биробиджан)

От редакции. Ходатайства советских военачальников о присвоении И. В. Сталину высшего воинского звания Вооруженных Сил СССР Генералиссимус Советского Союза, по сведениям архива Министерства обороны, не было.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1945 года было принято решение установить высшее звание — Генералиссимус. На следующий день (27 июля 1945 г.) был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении Верховному Главнокомандующему всеми вооруженными силами СССР Сталину Иосифу Виссарионовичу высшего звания Генералиссимус Советского Союза».

Поезд Троцкого

1919 ГОД. Второй год идет гражданская война. Молодая Советская республика охвачена кольцом фронтов. В течение года Председатель Реввоенсовета Республики и Народный Комиссар по Военным и Морским делам Л. Д. Троцкий не раз выезжал в действующую армию: на Восточный, Южный фронты, на Западный фронт. Как правило, с Троцким следовали командированные на фронт по назначению ВЦИК и РВСР работники, кадровые офицеры и инструкторы.

Поезд, кроме того, доставлял для армии оружие и боеприпасы. Так, в марте 1919 года поезд доставил Реввоенсовету 2-й армии Восточного фронта: 6 пулеметов «максим», 300 шашек простых, 80 шашек офицерских, 100 револьверов типа «наган», 20 000 красноармейских значков, 6 пулеметных станков системы Соколова, 453 русские винтовки с принадлежностями, 45 300 штук русских патронов, 9 000 штук японских патронов, 30 пулеметов типа «Кольт», 35 000 штук французских пулеметных патронов¹.

К весне 1919 года никаких особых изменений в структуру поезда Л. Д. Троцкого не было внесено. На 24 апреля 1919 года она выглядела так:

1. Канцелярия Троцкого	— 8 чел[овек]
2. Лица, не состоящие в командах	— 8 чел[овек]
3. Канцелярия нач[альника] поезда	— 4 чел[овека]
4. Команда связи	— 32 чел[овека]
5. Канцелярия хозяйства	— 8 чел[овек]
6. Медицинский персонал	— 4 чел[овека]
7. Типография	— 15 чел[овек]
8. Библиотека	— 2 чел[овека]
9. Прислуга вагона-ресторана	— 8 чел[овек]
10. Комендатура	— 5 чел[овек]
11. 1-й взвод	— 22 чел[овека]
12. 2-й взвод	— 23 чел[овека]
13. 3-й взвод	— 19 чел[овек]
14. Пулеметная команда	— 18 чел[овек]
15. Паровозная бригада	— 12 чел[овек]
16. Кондукторская бригада	— 8 чел[овек]
17. Смазчики	— 6 чел[овек]
18. Прозодники	— 21 чел[овек]
19. Электромонтеры	— 4 чел[овека]
20. Слесари	— 8 чел[овек]
Всего это составляло	235 чел[овек] ² .

Еще в марте 1919 года начальник поезда Р. А. Петерсон приказом объявил о том, что «все команды поезда [такие], как пулеметная, латышей, личная охрана, команды типографии и связи, последние две только в боевом отношении, входят в подчинение начальника охраны поезда. Начальник охраны отвечает за правильное и аккуратное несение караульной службы, а также за боеспособность отряда охраны. Личная охрана должна ставиться исключительно на посты у концов вагонов. Троцкого»³.

В апреле 1919 года была более четко определена структура отряда охраны поезда. Об этом — другой документ:

ПРИКАЗ по поезду Председателя Революционного Военного Совета Республики № 39

2 апреля 1919 года

Команды охраны поезда разделяются на три взвода: в 1-й взвод входит команда Латышского Советского полка, в число которой вливается 5 человек личной охраны; во 2-й взвод входят команда 9-го Латышского полка и 5 человек охраны; в 3-й взвод [вошел личный состав] из Управдел[ами] Реввоенсовета Республики. Означенные команды, в том числе команда пулеметчиков и команда броневой машины, в боевом отношении должны составлять один боевой отряд с непосредственным подчинением мне, начальнику охраны и его помощнику.

Начальник поезда ПЕТЕРСОН⁴

Чтобы выделить своих людей из «серой солдатской массы», Троцкий одел всю команду поезда в кожаное обмундирование и ввел отличительный нарукавный знак. Этот знак в обязательном порядке должны были носить команда охраны и сотрудники. На знаке имелась надпись: «Предреввоенсовета Л. Троцкого». Эти знаки были сделаны на Монетном дворе еще в 1918 году.

В начале апреля 1919 года Троцкий приказал на всех нарукавных знаках «выгравировать номера, хотя бы ручным способом, чтобы известно было, кому какой номер выдан. Выдавать под личную расписку. Выводных в утере немедленно удалять с поезда»⁵.

Буквально через неделю за утерю на-

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал — 1990. — № 9.

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 7, д. 39, лл. 51, 53.

² Там же, д. 31, л. 174.

³ Там же, д. 39, л. 37.

⁴ Там же, л. 58.

⁵ Там же, л. 64 об.

рукавного знака был исключен из списков личного состава пулеметчик броневой машины А. Никитин.

В походной типографии поезда печатались приказы, указания и воззвания Троцкого, а также газета «В пути». Как вспоминает Р. А. Петерсон, «газета раздавалась по штабам армий, дивизий, бригад и полков. Она раздавалась также непосредственно красноармейцам на вокзалах, перепечатывалась в армейской и местной прессе и распространялась среди крестьян по всей линии следования поезда»⁶.

Весной 1919 года осложнилась обстановка на Восточном фронте. В начале марта войска Колчака, реорганизованные и оснащенные благодаря материальной помощи США, Великобритании, Франции и Японии, перешли в наступление против ослабленных предшествовавшими боями красноармейских частей.

ЦК РКП(б) и Советское правительство определили Восточный фронт как главный для Республики. Туда было направлено пополнение (около 55 тыс. человек), переброшены новые воинские части и соединения, вооружение и боеприпасы⁷.

Поезд Предреввоенсовета Республики Троцкого не раз выезжал на Восточный фронт. В документах за март—начало мая 1919 года упоминаются города, в которых находился поезд: Симбирск, Сарапул, Казань и т. д.

В то же время ухудшилось положение и на Южном фронте. К марту в Донбассе и на подступах к нему были развернуты крупные силы Добровольческой армии Деникина. Войска Красной Армии в тот период еще имели значительный перевес над противником, но так как они подходили и включались в борьбу за Донбасс по частям (сначала группа И. С. Кожевникова, переименованная в марте 1919 г. в 13-ю армию, затем 8-я армия, 9-я армия и, наконец, 10-я армия), то терпели поражения. 11 марта положение на Дону резко ухудшилось в связи с массовым казачьим восстанием на Верхнем Дону, в районе станций Вешенской и Казанской. Мятеж явился следствием колебаний, переживаемых в то время казачеством. Успеху восстания способствовали и серьезные ошибки, допущенные местными советскими органами, наиболее крупная из которых состояла в так называемом «расказачивании» и применении репрессий ко всем без исключения казакам, участвовавшим в прежних антисоветских выступлениях⁸. Ставка Деникина всыщески поддерживала восставших. По воздушному мосту им перебрасывались деньги, оружие, патроны, антисоветская литература. Восстание отвлекло половину сил 8-й и 9-й армий.

В начале мая 1919 года положение на Южном фронте продолжало ухудшаться. 7 мая в тылу Украинского фронта поднял мятеж Н. А. Григорьев — начальник формируемой 6-й Украинской стрелковой дивизии.

Центральный Комитет РКП(б) 8 мая 1919 года в связи с обострившейся обстановкой на Южном фронте, вызванной активными операциями белогвардейцев и восстанием атамана Григорьева, постановил провести на Украине мобилизацию не менее 20 тыс. рабочих для пополнения частей и соединений Южного фронта.

На следующий день на заседании Реввоенсовета Республики было принято решение о мобилизации на Украине рабочих для пополнения Южного фронта.

11 мая поезд Предреввоенсовета Троцкого выехал из Москвы на Южный фронт.

15 мая Троцкий издает следующий приказ:

П Р И К А З
Председателя Революционного
Военного Совета Республики
по армиям Южного фронта
№ 93

г. Купянск

15 мая 1919 г.

Прочсть во всех ротах,
эскадронах, батареях
и командах

Один из командиров Украинской армии, так называемый «атаман» Григорьев, бесчестный и продажный авантюрист, подкупленный помещиками и капиталистами, поднял знамя восстания против Советской власти. Он объединил вокруг себя вином и лживыми посулами самую темную часть солдатской массы и толкает ее ныне на погромы, поножовщину и грабежи.

Красные украинские войска окружили григорьевские банды, чтобы положить скорый и решительный конец пьяному мятежу.

Бышший атаман Григорьев объявлен вне закона.

Ставлю об этом в известность каждого красноармейца, командира и комиссара в советских войсках Южного фронта.

Какие бы то ни было сношения и связи с изменником Григорьевым или его агентами будут рассматриваться как измена Советской Республике и караться расстрелом.

Смерть карателю Григорьеву и всем его тайным и явным сообщникам!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

Председатель Революционного
Военного Совета Республики,
Народный Комиссар
по Военным и Морским делам
Л. ТРОЦКИЙ⁹

В этот же день В. И. Ленин послал Л. Д. Троцкому телеграмму такого содержания: «Троцкому. Очень рад энергичным мерам подавления восстания и особенно назначению на это 33 дивизии. По-моему, надо все силы употребить, чтобы поднять против Григорьева использовать для максимального и быстрейшего напора на Донбасс. Без взятия Ростова вскоре мы не вытянем остальных тягот. Ленин»¹⁰.

Для подавления восстания казаков на Верхнем Дону еще в марте 1919 года приказом РВС 9-й армии было сформировано управление экспедиционных войск 9-й ар-

⁶ Там же, д. 35, л. 4.

⁷ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — С. 281.

⁸ Там же. — С. 200.

⁹ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 8, л. 73.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 312—313.

мии, которое 28 мая 1919 года было реорганизовано в Управление Экспедиционной дивизии.

Часть сотрудников из состава поезда Л. Д. Троцкого в мае была откомандирована в распоряжение командарма экспедиционных войск, в том числе и начальник поезда Р. А. Петерсон (с 27 мая до 17 июня).

Восстание казаков представляло серьезную угрозу тылу Южного фронта. Подавлялось оно со всей жестокостью, присущей тому времени. Вот один из страшных примеров:

Телеграмма
члена РВС и заведующего
Политическим отделом 9-й армии
Барышников В. А.
и командующего 9-й армией
Княгиницкого П. Е.
Реввоенсовету Южного фронта
23 апреля 1919 г.

...Отчаянность казаков объясняется поведением местных ревкомов, которые, прямо и неуклонно проводя директивы Юж[ного] фронта, чересчур переусердствовали в этом случае. Так, весь Морозовский ревком арестован, и следствие установило жуткую и дикую картину расправы над невинными жителями. Во дворе квартиры председателя ревкома Богуслазского найдено зарытыми до 50 зарезанных трупов и около 150 зарезанных разбросано за городом в разных местах. Большинство зарезанных по постановлению местного трибунала оказались невинными и подлежали освобождению. Жители встревожены и хотя продолжают сочувствовать Советской власти, но говорят, что это пачто ничем смыть нельзя. На днях будет произведен над ними [членами Морозовского ревкома] суд трибунала, организованного временным постановлением Реввоенсовета 9[-й армии].

Член Реввоенсовета Барышников едет в экзвойска, и изготовлено 20 000 листов к восставшим казакам.

Предреввоенсовет ¹¹ БАРЫШНИКОВ
КНЯГИНИЦКИЙ ¹²

В. И. Ленин в своих указаниях РВСР и РВС Южного фронта неоднократно подчеркивал опасность восстания казаков, особенно в случае соединения мятежников с белогвардейскими войсками, и требовал энергичных мер по его подавлению.

В телеграмме от 22 мая 1919 года Ленин советовал Троцкому «посвятить себя всецело ликвидации восстания»¹³.

Реакция Троцкого, как всегда, была однозначной: максимум репрессий, минимум сострадания и благожелательности. Он издает приказ по экспедиционным войскам. Приводим полностью его текст:

¹¹ Так в тексте.

¹² ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д. 70, лл. 1—2.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 50. — С. 321.

ПРИКАЗ
Председателя Революционного
Военного Совета Республики
по экспедиционным войскам
№ 100

Богучар

25 мая 1919 года

Прочсть во всех ротах,
эскадронах, батареях
и командах

Конец подлому Донскому восстанию!

Пробил последний час!

Все необходимые приготовления сделаны. Сосредоточены достаточные силы, чтобы обрушить их на головы изменников и предателей. Пробил час расплаты с Каинами, которые свыше двух месяцев наносили удары в спину нашим действующим армиям Южного фронта. Вся рабоче-крестьянская Россия с отвращением и ненавистью глядит на те мигулинские, вешенские, еланские, шумилинские банды, которые, подняв обманный красный флаг, помогают черносотенным помещикам: Деникину и Колчаку.

Солдаты, командиры, комиссары карательных войск!

Подготовительная работа закончена. Все необходимые силы и средства сосредоточены. Ваши ряды построены. Теперь по сигналу — вперед!

Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады к станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону. Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь!

Советская Россия надеется на вас, товарищи солдаты. В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены. Пробил последний час!

Все, как один, вперед!

Председатель Революционного
Военного Совета Республики
Народный Комиссар
по Военным и Морским делам
Л. ТРОЦКИЙ ¹⁴

Едва ли такой приказ мог помочь казакам разобраться в сложившейся обстановке. Скорее, наоборот, действия экспедиционных войск озлобили казаков, заставили взяться за оружие и тех, кто этого еще не сделал, и выступить на защиту своих станиц, что вело к затягиванию конфликта. Потребовались большие усилия Коммунистической партии для исправления ошибок, допущенных в отношении трудового казачества.

8 июня 1919 года после прорыва белыми фронта красноармейских войск у Миллерова восставшие казаки соединились с белогвардейской группой. В результате наступления войск Деникина соединения и части Южного фронта вынуждены были оставить Донскую область, Донбасс, Харьков, Белгород, Балашов и Царицын. И в этих условиях решение Троцкого традиционно: создать трибунал и карать «врагов революции и Советской власти».

Для выяснения причин неудач частей Красной Армии приказом Председателя

¹⁴ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 2, д. 8, л. 75.

Реввоенсовета Республики Троцкого № 103 от 3 июня 1919 года был учрежден Чрезвычайный Военно-Революционный Трибунал в составе председателя Пятакова, Буздалина и Рафаилова. В приказе, в частности, говорилось: «Задачей Трибунала является выяснение обстоятельств, связанных с последними неудачами и отступлениями, и привлечение всех виновных, независимо от занимаемого ими положения, к ответственности. Трибуналы 8-й, 13-й и 14-й украинской армий временно подчиняются учреждаемому Чрезвычайному Трибуналу, коему предоставляется право изымать из их ведения все дела, какие он найдет нужными»¹⁵.

А уже 8 июня Троцкий издал приказ по всем войскам Советской Украины (№ 108), в котором объявил махновцев и махновщину главными виновниками последних неудач Красной Армии на Южном фронте, в особенности в Донецком бассейне¹⁶.

Однако вернемся к поезду Троцкого. 29 июня 1919 года была направлена на фронт в распоряжение Совета обороны Курского района команда во главе с комендантом поезда литер «Т» Вилисом Ирбе (с июня 1919 г. поезда № 1 и № 2 стали именоваться поездами литер «Т» и литер «Д»). В. Х. Ирбе раньше был комендантом поезда № 2). В отряде было 52 человека: 49 пехотинцев и пулеметчиков, художник Петр Киселис, комиссар ВЧК Оскар Вальтер и начальник отряда уже упоминавшийся Ирбе.

16 июля 1919 года часть отряда вернулась из командировки (в том числе Ирбе и Вальтер, всего 25 человек).

А остальные во главе с Киселисом еще оставались на фронте и вернулись в конце августа 1919 года.

8 августа 1919 года в распоряжение Киселиса на станцию Гребенки была направлена еще команда охраны поезда (13 человек) и команда, прибывшая из состава поезда Стеклова (19 человек)¹⁷. Интересно, что когда убывала на фронт команда охраны поезда Троцкого, то одновременно к поезду прикомандировывались для несения службы то команда красноармейцев 9-го запасного стрелкового батальона, то курсанты 1-х Московских Советских пулеметных курсов¹⁸.

В период гражданской войны в сферу деятельности поезда Троцкого входила и такая задача, как доставка подарков частям, отличившимся в период боевых действий. В поезде имелся специальный склад подарков, существовала подарочная комиссия, в которую входили сотрудники поезда. Подарки поступали, как правило, от

различных организаций, но прежде всего от комиссии ВЦИК «Красный Подарок».

Откуда некоторые виды подарков попадали в комиссию, можно только догадываться (например: женские золотые и серебряные часы с драгоценными камнями, мужские золотые и серебряные часы, бумажники, портмоне, компасы и т. д.). По всей видимости, они были конфискованы и использованы для подарков в поезде Троцкого по его личному разрешению. В пользу этой догадки свидетельствует следующий документ:

П Р И К А З
по поезду Председателя
Революционного Совета Республики
№ 90

12 августа 1919 г.
§ 4

Принято членом подарочной комиссии тов. Кузнецовым согласно копиям протоколов Председателя военно-полевого Трибунала тов. Киселиса для передачи в комиссию «Красный Подарок»: 1) золотые мужские закрытые часы с боем — 1; 2) золотые мужские закрытые часы с золотой цепочкой и брелоком — 1; 3) золотой мужской с камнями перстень — 1; 4) золотое обручальное кольцо тяжеловесное — 1; 5) золотая дамская шейная для муфты цепь — 1.

Записать на приход по приходно-расходной книге красных подарков.

Справка: Копия ведомости члена комиссии тов. Кузнецова...

Начальник поезда Петерсон¹⁹.

Был установлен в поезде и особый порядок получения и выдачи подарков. Приказом начальника поезда Р. А. Петерсона № 85 от 30 июля 1919 года в § 4 было объявлено: «Впредь устанавливаю как при получении, так и при выдаче «Красных Подарков» следующий порядок: 1) все требования на «Красные Подарки» должны исходить лишь только от меня и получают комиссией «Красный Подарок» по моим доверенностям; 2) накладные ведомости на полученные подарки представляются в мою канцелярию для ведения отчетности; 3) выдача подарков должна производиться исключительно с разрешения тов. Троцкого и моего, по требованиям с моей подписью, которые должны храниться у комиссии с распиской получателя на обороте требования»²⁰.

Комиссия «Красный Подарок» при ВЦИК Советов не только передавала поезду Предреввоенсовета подарки для раздачи их на фронте. Для клуба красноармейцев и военнослужащих поезда она выделяла спортивный инвентарь, спортивную форму, о чем свидетельствует следующая телефонограмма (см. документ).

В августе 1919 года для поезда Троцкого комиссией «Красный Подарок» ВЦИК был оборудован вагон-баня²¹, о чем было лично доложено Троцкому (см. документ).

¹⁵ Там же, л. 78.

¹⁶ Дело в том, что части Махно вошли в состав советской 2-й Украинской армии в качестве бригады Заднепровской, а позже 7-й Украинской дивизии. 19 мая 1919 г. бригада Махно была разбита денкинцами и бежала с фронта в район Гуляйполя, а 29 мая выступила против Советской власти.

¹⁷ См.: ЦГАСА, ф. 4, оп. 7, д. 39, лл. 117, 122 об., 137, д. 31, лл. 177—178, д. 7, л. 22.

Стеклов Ю. М. — журналист, историк, в июле—августе 1919 г. возглавлял агитпоезд ВЦИК на Южном фронте.

¹⁸ Там же, д. 39, л. 113; д. 31, л. 150.

¹⁹ Там же, д. 7, л. 8.

²⁰ Там же, д. 39, л. 130 об.

²¹ Там же, ф. 33987, оп. 1, д. 220, л. 146.

дой товарища Опитца Анса были командированы на фронт в распоряжение товарища Камо* красноармейцы охраны поезда (21 человек)²³.

Камо еще в июле—августе 1919 года организовал особый партизанский отряд, который в сентябре успешно действовал под Курском и Орлом.

Возвратился отряд Опитца 12 октября 1919 года.

А вот приблизительный маршрут поезда Троцкого с 4 по 19 сентября 1919 года в период борьбы с белоказачьей конницей Мамонтова: Тула — Орел — Курск — Новозыбков — Орел — Тамбов — ст. Себряково — Тамбов — Балашов — Москва.

До середины октября 1919 года поезд Троцкого находился в Москве, затем выехал в Петроград, где в это время обострилась обстановка. Северо-западная Добровольческая армия генерала Юденича, развернутая из корпуса генерала Родзянко, 28 сентября прорвала фронт 7-й армии и к 16 октября, завладев Гатчиной и Красным Селом, подошла к окраинам Петрограда. 15 октября Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Петроград не сдавать!» 19 октября было опубликовано обращение В. И. Ленина «К рабочим и красноармейцам Петрограда» с призывом защищать город до последней капли крови. Под Петроград были направлены значительные подкрепления. 17 октября поездом Предреввоенсовета Республики в распоряжение члена РВС 7-й армии был направлен отряд (54 человека) во главе с Киселисом²⁴. Несколько днями позже на фронт отправлялись еще несколько человек от команды поезда, в том числе и начальник поезда Предреввоенсовета Республики Р. А. Петерсон.

Военнослужащие команды принимали непосредственное участие в боях, среди них были убитые и раненые. По окончании их командировки Троцкий издал следующий приказ по поезду:

П Р И К А З
Председателя Революционного
Военного Совета Республики
по поезду Предреввоенсовета
№ 169

г. Петроград 4 ноября 1919 г.

Последние недели октября и начала ноября навсегда войдут в историю: в эти дни 7-я армия рука об руку с петроградскими рабочими обороняла Красный Петроград от белогвардейских хищников.

* Камо (псевдоним Симона Аршаковича Тер-Петросяна) (1882—1922), деятель российского революционного движения. Член КПСС с 1901 года. Участник революции 1905—1907 гг. (Тбилиси, Петербург). Проявил исключительную изобретательность в организации подпольных типографий, транспортировки оружия и революционной литературы. Выполнял ответственные поручения В. И. Ленина. В 1918—1920 гг. — организатор партизанских отрядов и партизанского подполья на Кавказе и юге России. Погиб в автоткатастрофе.

²³ ЦГАСА, ф. 4, оп. 7, д. 39, л. 154 об.

²⁴ Там же, л. 182 об.

В героической борьбе 7-й армии работники нашего поезда принимали достойное участие с 17 октября по 3 ноября. Товарищи Клигер, Иванов и Застар пали в бою. Товарищи Преде, Драудин, Чернявцев, Куприевич, Теснек ранены, товарищи Адамсон, Пурин, Киселис контужены. Среди работников поезда не было ни одного, который, хотя бы на волос, уклонился от выполнения своего революционного и воинского долга. Я не называю других по именам, потому что пришлось бы назвать всех. В том переломе, какой произошел на фронте, работникам нашего поезда принадлежит не последнее место.

Твердо верю, что последние испытания, бои и жертвы, приведшие к славной победе, еще более скрепят боевое братство нашего поезда, который вот уже пятнадцать месяцев служит делу победы рабочего класса над всеми его врагами.

Председатель Революционного
Военного Совета Республики
Народный Комиссар
по Военным и Морским делам
Л. ТРОЦКИЙ²⁵.

4 ноября 1919 года от имени Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов Председатель Петроградского Совета Г. Зиновьев выразил сотрудникам поезда Троцкого благодарность за оказанную помощь в период обороны Петрограда²⁶.

Приказом по поезду № 130 от 5 ноября 1919 года сотрудникам поезда, с 20 по 27 октября 1919 года прикомандированным к Штабу группы войск 7-й армии (командир группы Одинцов С. И.), были выданы наградные деньги в размере месячного оклада жалованья. Среди получивших вознаграждение (64 человека) — Петерсон (начальник поезда), Скуча (комендант поезда литер «Д»), Татаров (начальник связи)²⁷ и т. д. Приказом по поезду № 132 от 14 ноября 1919 года еще 28 человек получили наградные деньги (в том числе и Киселис)²⁸.

А 17 ноября 1919 года приказом РВС Республики № 309 команда поезда Председателя РВСР т. Троцкого была награждена орденом Красного Знамени за бои под Казанью в 1918 году, под Петроградом и других местах фронтов Республики²⁹.

Публикацию подготовили
О. В. ГОЛОВНИКОВА,
заместитель начальника отдела ЦГАСА:
подполковник И. И. ВОЛКОДАЕВ

²⁵ Там же, ф. 33968, оп. 2, д. 8, л. 150.

²⁶ Там же, ф. 4, оп. 7, д. 39, л. 197.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 199.

²⁹ Там же, ф. 55, оп. 1, д. 525, ч. 1, л. 83.

(Окончание следует)

Редакция продолжает дискуссию на страницах журнала. Участниками сегодняшнего «международного круглого стола» являются ученый из Соединенных Штатов Америки адъюнкт-профессор истории, помощник директора Гарриманского института углубленного изучения Советского Союза Марк фон ХАГЕН и сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС заведующий сектором доктор исторических наук А. П. НЕНАРОКОВ и старший научный сотрудник кандидат исторических наук О. В. НАУМОВ. Темой для обсуждения послужила статья Марка фон Хагена «Армия и общество в 20-е годы», тесно переплетающаяся по своему содержанию и подходам к рассматриваемым вопросам с недавно вышедшей в США книгой этого ученого «Солдаты при диктатуре пролетариата: Красная Армия и Советское социалистическое государство, 1917—1930 гг.». Расширение научных контактов между историками разных стран, на наш взгляд, способствует более широкому освещению и исследованию разнообразных, порой, казалось бы, уже известных ранее фактов и явлений. Поэтому сегодняшняя дискуссия также может оказаться полезной для советских и американских исследователей. будет интересна широкой читательской аудитории.

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

в 20-е годы

МАРК фон ХАГЕН,
Колумбийский университет
(США)

ТРАДИЦИОННО ученые приписывали победы Сталина его контролю и умелому управлению партийной машиной благодаря политическому лидерству. Анти-сталинисты, начиная с Троцкого, утверждали, что Сталин как идеолог не пользовался какой-либо популярностью среди партийной элиты или в обществе; скорее они характеризовали его как представителя бюрократических ничтожеств, ставших бастианом его тирании. В более позднее время, однако, ученые стали рассматривать политическую программу Сталина как ключевой фактор в завоевании им поддержки партаппарата и советских чиновников. Сила Сталина заключалась в том, что он остро чувствовал эволюцию большевистской политической культуры с 1917 года и в его способности манипулировать ею способами, которые были недоступны политическим

оппонентам. Ключевыми факторами этой политической культуры мне представляются военизированный социализм и формирование советской политической элиты. В данной статье сделана попытка рассмотреть своеобразную эволюцию советского строя с Октябрьской революции до начала 30-х годов. Причем преобразование политико - экономико - социально - идеологического комплекса определяется нами как своеобразная «военизация» общества.

Для того чтобы обосновать свой подход, прежде всего хотел бы привлечь внимание к характеристикам Красной Армии, как одного из основных институтов общества, солдат, как значительной социальной группы, и к их политической культуре, сыгравшей значительную роль в становлении политической культуры советского общества в целом. Этому посвящена и моя книга «Солдаты при диктатуре пролетариата: Красная Армия и Советское социалистическое государство, 1917—1930 гг.».

Во-первых, на протяжении гражданской

войны армия была крупнейшей самостоятельной политической организацией, которая занимала наивысшую ступеньку на переполненной государственной лестнице приоритетов. Именно поэтому эволюция армии достаточно полно отражала эволюцию государственных институтов за те же годы. Однако армия благодаря ее особому отношению к политическому строю, а именно присущей ей миссии защищать республику от внешних, а иногда и внутренних врагов не только отражала общие изменения в обществе, но и сама сыграла решающую роль в определении крупных процессов в эволюции и невоенных организаций.

Во время гражданской войны, естественно, основные государственные функции были сфокусированы на решении двух важнейших задач: мобилизации рабочей силы для обеспечения жизнедеятельности экономики и мобилизации ресурсов и личного состава на защиту страны. В результате возникла концепция «органичного рабоче-оборонительного государства» во главе со всемогущим Советом Труда и Оборона, который руководил страной вплоть до победы над белыми. Более того, поскольку Красная Армия была одной из первых организаций, созданных новым правительством, опыт, накопленный политической элитой при построении военного аппарата, послужил моделью для государственного строительства также и в других сферах. Партийное руководство и послевоенные Советы, особенно в деревне, несли на себе отпечаток времен гражданской войны. Даже к 1951 году среди членов Политбюро основное ядро — тридцать человек — составляли те, кто занимал определенные посты все в тот же чрезвычайный период советской истории.

Во-вторых, из-за изменения роли и функций самой армии за период между 1917 и началом 30-х годов изменился и статус солдат параллельно изменениям статуса других групп в послереволюционном обществе. В то же время статус солдат все еще был особым, ибо на них по-прежнему лежала миссия защиты революции и Советского государства, определял таким образом их ведущее место среди других социальных структур. К концу 20-х годов среди государственной и партийной бюрократии от Политбюро до партийных ячеек были сотни тысяч человек, которые имели непосредственный опыт военной службы. Все большее число людей после 1921 года выполняло свои служебные обязанности в армии мирного времени. Служба в армии

стала одним из пропусков к важным постам в послереволюционном политическом руководстве.

В-третьих, обстановка и обстоятельства военной службы армейских кадров от командного корпуса до солдат и их связи с армией и государством после демобилизации формировали взгляды и поведение, составляющие основу такого компонента советской политической культуры середины 30-х годов, который я осторожно называю военизированным социализмом.

Конечно, ни в коем случае Советское государство не может быть сведено к простому варианту гарнизонного государства. Оно всегда было чем-то большим. На протяжении нескольких десятилетий его лидеры всегда выделяли в качестве важнейших компонентов социалистического строя планируемую центром экономику, систему национального благосостояния, расширение возможностей для рабочих, крестьян, женщин и национальных меньшинств и другие аспекты. Но тем не менее, начиная с гражданской войны, советские лидеры использовали военный лексикон, военную символику и даже понятие «милитаризация» (военизация) чаще, чем это могли бы считать уместным социалисты в других странах¹. В этой своеобразной военизации общества я выделяю три периода: сама гражданская война, попытка демилитаризации первых лет нэпа, наконец, новая стадия военизации, начиная с реформ 1924—1925 гг.

До Февральской революции солдаты рассматривались как социальные парии, лишённые даже наиболее элементарных прав гражданства, которые остальные члены общества завоевали в революции 1905—1907 гг. Левая интеллигенция в своем большинстве настаивала на отношении к солдатам, как к отсталым крестьянам в военной форме и, таким образом, как к надежному бастиону самодержавия в борьбе с революцией.

Все это претерпело драматические изменения, когда солдаты начали выбирать своих депутатов во вновь созданные со свержением самодержавия Советы и когда Временное правительство и Петроградский совет обратились к ним с призывом защищать революцию от врагов. Таким образом, солдаты получили привилегию, которой так долго были лишены. Они вышли на политическую сцену как реальная сила.

¹ См. об этом превосходное историографическое обозрение Уолтера Бергхана «Милитаризм, история международной дискуссии: 1861—1979 гг.» — Нью-Йорк, 1982.

Их поведение было определяющим в нескольких кризисах коалиционного правительства, особенно в апреле и июле. К началу ноября радикально настроенные солдаты выбирали коалиции, в которых преобладали большевики, и часто по настроениям опережали рабочие Советы. В конечном итоге большевистская агитация среди солдат вернула большое количество голосов на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года. Солдаты стояли рядом с промышленными рабочими как важная социальная опора революционного режима. Анализируя результаты выборов, Ленин спустя два года пришел к заключению, что без поддержки половины вооруженных сил большевики «не смогли бы одержать победу»².

Вопреки значительному усилению политического влияния и веса, которых достигли солдаты, большевики, приступив к созданию новой армии после того, как пришли к власти в октябре, предупреждали против чрезмерной опоры на бывших царских солдат. Они опасались их крестьянской сущности и настаивали на том, что только пролетарии будут верно служить новому режиму.

Это двусмысленное положение солдат было закреплено в большинстве советских законодательных актов тех лет. С одной стороны, равенство солдат и пролетариев было признано сначала в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемых», а позже — в первой Конституции РСФСР и Уставе партии, принятом на VIII съезде в 1919 году. Армейская служба стала неотъемлемой частью новой государственной политики классовой дискриминации в отношении государства с различными социальными группами. С другой стороны, крестьяне-солдаты, составлявшие, несмотря на опасения большевиков, к середине 1919 года более 80 проц. вооруженных сил, испытывали некоторое ограничение дееспособности, как и крестьяне в целом, например неравные избирательные права на выборах в Советы. В результате солдат стали рассматривать как компромисс между большинством в основном ненадежных крестьян и предполагаемо надежным пролетариатом. С переходом к регулярной армии режим уделял большее внимание благосостоянию военнотружущих и их семей, создавал тем самым слой относительно привилегированных граждан при новом социалистическом строе.

Эта неопределенность по отношению к солдатам и крестьянам нашла отражение в представлении советских лидеров о типе военной организации, который создавала новая республика. Со времени Второго Интернационала идеал милиционного принципа строительства армии, описанный в трудах Фридриха Энгельса и Жана Жореса, был выдвинут в качестве модели для всех социалистических демократий. Радикальная и демократическая интеллигенция Европы и России бранила постоянную армию, ее офицерскую касту, ее фельдфебельщину и муштру, как унижительную для граждан и разлагающую за десятилетия службы реакционным властям. Будущая армия, напротив, должна была опираться на вооруженное городское население, выбирать собственных командиров и наносить минимальный ущерб производственному процессу путем проведения учений в свободное от работы время.

Хотя нужды боев гражданской войны вынудили режим отойти от своих социалистических принципов в отношении постоянной армии, Троцкий, который наиболее жестко настаивал на использовании бывших офицеров и реставрации традиционных дисциплинарных мер для укрепления только еще создаваемой Красной Армии, встречал сопротивление на каждом шагу. Аргументы против милиционного принципа строительства армии частично основывались на российской отсталости и на преобладающей крестьянской сущности мобилизуемых. Милиционная система была подходящей для индустриального, городского населения, а не для России, доказывали ее противники. Но здесь дело в основном было в отношениях гражданских с военными.

В свое время военная оппозиция, Всевожуд Николай Подвойского и позже руководство Главполитпросветом оспаривали право на контроль за ресурсами и разработкой военной политики. После VIII съезда партии основные организационные принципы Красной Армии были утверждены, хотя делегаты настаивали на проведении работ в направлении милиционной армии при первой же возможности. Для того чтобы умиротворить критиков и укрепить позиции Советской власти в армии, появились военные комиссары, которые рассматривались в качестве важнейших представителей революционного режима.

В кожаных куртках, вооруженные револьверами, комиссары соединили в себе военную и гражданскую власть. Власть комиссаров была настолько важной, что вра-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 261.

ги режима вскоре назвали Советское государство «комиссарократией». Комиссары, в особенности те, которые служили в армии во время гражданской войны, являли собой движущую силу процесса, при котором революционная партия большевиков когда-то превращалась в организацию со значительными атрибутами государственного аппарата.

Комиссары, стоявшие на страже важного государственного интереса во имя диктатуры пролетариата, боролись против сопротивления местных группировок в гражданской администрации, ратовавших за автономию, которая была заклеявлена как местничество.

Тем временем когда-то временная Красная Армия постепенно приобретала все больше и больше признаков постоянной организации. В свою очередь солдаты и командиры стали смотреть на военную карьеру как на респектабельную профессию в послереволюционном политическом строе. Очень рано Советское государство взяло на себя обязательство по созданию собственного офицерского корпуса и замене «военных специалистов» выдвиженцами из рядов бывших военнослужащих, младшего офицерского состава империалистической армии и краткосрочных военных курсов, организованных в крупных городах. Таким образом, армия давала возможность продвигаться вверх представителям социальных групп, ранее лишенных гражданских и избирательных привилегий.

Армейская служба открывала также двери в партию и в более широком смысле давала доступ в политическую элиту. Следовательно, гражданская война во многом формировала характер партии. Около половины членов партии служили в том или ином качестве в армии. Более того, последняя стала ведущей организацией по набору новых членов партии. Армейские партийные организации росли быстрее, чем партия в целом, и вскоре стали представлять угрозу для гражданских властей. Основным предметом спора стала территориальная структура гражданских организаций, которая, по утверждению армии, являлась никчемной в условиях быстро движущейся линии фронта.

Члены партии в армии выступали за принцип экстерриториальной организации и более жесткой дисциплины, чем можно было ждать от соответствующих гражданских органов партийного руководства. Возможно, апогей этих тенденций в сторону милитаризации партии имел место на IX съезде, когда партийное руководство наме-

тило при энергичной поддержке трудовых армий и общей «милитаризации труда» расширение военных методов до более крупных секторов рабочей силы, чем уже было реализовано. Эти трудовые армии временно стерли все различия между рабочими и солдатами. Съезд поддержал трудовые армии вопреки жесткой оппозиции со стороны формирующихся демократических централистов и профсоюзных чиновников.

Позднее, в том же 1920 году, партия дала сигнал к определенному отходу от всеобщей милитаризации политической и экономической жизни, которая была санкционирована IX съездом. Тем не менее уже сложились два значительно различающихся стиля и две политические культуры, которые представляли два весьма разных взгляда на политический и социальный строй после гражданской войны. Как только начались шаги в сторону демобилизации, противоборствующие стороны стали активно отстаивать свои позиции.

В глазах самых ярких критиков армии демобилизация должна была сопровождаться радикальным пересмотром гражданско-военных отношений. Обиженные гражданские чиновники пытались захватить все, что только было возможно, из военной юрисдикции. Подвойский возобновил разговор о переформировании армии в чисто социалистическую милицию и предложил свой Всевобуч в качестве естественной базы для новых формирований. Администрация Главполитпросвета облюбовала Политическое управление армии (ПУА). Гражданские партийные организации хотели возобновления своих прав и власти, возврата территориальной юрисдикции. Наконец, профессиональные союзы и демократические централисты желали положить конец милитаризации труда. На X партийном съезде все эти взрывные составляющие слились воедино.

Главным яблоком раздора стала судьба Политического управления армии — органа, якобы представлявшего интересы Центрального Комитета партии в армии. Судьба Политического управления армии сложным образом была связана с так называемым «организационным вопросом» повестки дня. Против армии и ее Политического управления выступил не только представитель демократических централистов Владимир Максимовский, но также нарком просвещения Анатолий Луначарский и такие видные деятели партии, как Евгений Преображенский, Надежда Крупская и Николай Бухарин. Последний в своих официаль-

ных тезисах по организационному вопросу заклеил армейские партийные организации как наименее демократичные из всех партийных организаций в стране.

Демократические централисты наиболее последовательно защищали полную реставрацию общественного контроля над армейскими политическими организациями. Максимовский открыто осудил милитаризацию партии, которую он понимал, в частности, как формальный, бюрократический подход к проблемам, как создание иерархии, поддерживаемой чрезмерными привилегиями, общим сокращением надежд на выборы, на участие граждан в политической жизни.

Ивар Смилга, возглавлявший ПУР, отвечал с вызовом, защищая достижения представляемого им органа, и подверг сомнению революционность оппонентов. Тезисы Бухарина он отверг как «либеральную, окрашенную в розовый цвет политику», а позицию демократических централистов и рабочей оппозиции как «неправильную, сядикалистскую, мелкобуржуазную и анархистскую». Сам Смилга в свою очередь получил ярлык «наш унтер Пришибеев».

По вопросу о будущей форме гражданских и военных отношений видные партийные и военные деятели Сергей Гусев и Михаил Фрунзе дали обстоятельный ответ критикам армии в форме «Тезисов по реорганизации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Они привели доводы в пользу сохранения специальных форм политической жизни, культивируемых в период гражданской войны. Вместе с тем они пошли дальше, выступив за сильную кадровую армию с обязательством со стороны государства оказывать поддержку ее технической модернизации и всеобщей военной подготовке.

Фрунзе, приводя доводы за более полное слияние труда и обороны, предлагал объединить на высшем государственном уровне политическое и военное руководство в одном центральном органе, который обеспечил бы эффективную координацию потребностей обороны страны. Высокий приоритет, который Фрунзе и Гусев требовали для оборонной промышленности, был поддержан в ряде публичных заявлений высокопоставленных руководителей Коммунистической партии, в конечном счете превратившихся в неформальное лобби оборонной промышленности.

И все же на этом этапе борьбы «гражданские» победили «военных», но ненадолго. Главполитпросвет вырвал значительную часть аппарата политического просвещения из ПУРа, армия была демобилизо-

вана, часть коммунистов переназначена на гражданские посты. Были одобрены планы по созданию небольшого количества территориальных милиционных частей. Контроль за ними возлагался на Всевожуч Подвэйского. Внимание страны было обращено на восстановление экономики. Процесс демобилизации, отличающийся определенной хаотичностью, оставил горький привкус у тех людей, которые продолжали служить в армии.

Ветераны гражданской войны рассматривали ситуацию в армии в первые годы нэпа хуже, чем ту, которую могли припомнить в недавнем прошлом. Армия была покинута партией и государством, включая Троцкого, который переключил свое внимание на идеологию и планирование. В результате она попала в очень сложное положение. Эти тяжелые времена, совпадавшие с возрождением мелкой торговли и рядом мер по содействию развитию городов, не воспринимались командным составом и политическими работниками армии, которые только что вели открытую борьбу против международного капитализма и контрреволюции. По их мнению, именно нэп был повинен в упадке армейской дисциплины. Недовольные, как в армии, так и недавно демобилизованные, внесли значительный компонент в то, что С. Коэн назвал «военной коммунистической культурой»³.

К 1923 году условия в армии заметно не улучшились, но гражданские организации, которые захватили все, что могли, из военного аппарата, сами оказались беспомощными остановить упадок. Более того, в уповании на свершение революции в Германии были полностью упущены вопросы подготовки армии к возможной войне. Ее печальное состояние в определенной мере создало тот фон, на котором развернулась борьба за преемственность в политическом лидерстве в начале 1923 года. Позиция Троцкого как комиссара армии и председателя Революционного Военного Совета Республики сильно пошатнулась. Когда Владимир Антонов-Овсеенко, преемник Смилга и Гусева в ПУРе и союзник Троцкого, своей позицией позволил некоторым спекулировать на так называемой угрозе преторианского мятежа против большевизма в Центральном Комитете, была назначена специальная комиссия для расследования недочетов в армии.

Почти все члены комиссии имели связи с Троцким. Они представляли значительное ядро будущей сталинской руково-

³ Коэн С. Бухарин и большевистская революция: политическая биография, 1888—1938. — Нью-Йорк, 1973. — С. 123—159.

дядей когорты, включая Георгия Орджоникидзе, Климента Ворошилова, Валерия Куйбышева, Иосифа Уншлихта, Андрея Андреева, Николая Шверника, Михаила Фрунзе, Сергея Гусева и Андрея Бубнова. Комиссия решила, что армия серьезно нуждается в радикальной «военизации», под которой они имели в виду главным образом профессионализацию офицерского корпуса и введение более твердой и более последовательной дисциплинарной политики, чем та, которая осуществлялась с времен гражданской войны. Ведущие представители армии потребовали, чтобы государство и партия приняли раз и навсегда то, что гражданским лицам не разрешается вмешиваться в военные дела, особенно в сферу политической жизни армии и дисциплинарной практики войск. Сменивший Троцкого Фрунзе санкционировал возобновление муштры, сопутствующей установлению чрезвычайно жесткой дисциплины, проводимой в строевой подготовке в царской армии.

Другим важным аспектом реформы был перевод Советских Вооруженных Сил на смешанную систему регулярной армии и территориальных милиционных частей. Однако милиция, которая в начале 20-х годов добилась права на существование, все меньше походила на предложенную Жаном Жоресом и Энгельсом и больше — на предложенную в 1921 году Подвойским. Теперь государство и партия рассматривали милиционные части как временный компромисс, диктуемый экономическими ограничениями до тех пор, когда можно будет позволить иметь полностью оперившуюся двухмиллионную армию. В качестве условия для принятия смешанной системы высшее командование армии, по-видимому, потребовало, чтобы Подвойский не вмешивался в военные дела. Всеобщий был упразднен, и Подвойский переведен на организацию международного спортивного движения.

Санкционирование нового типа дисциплины, ограничение милиционных формирований представляли результат растущего влияния группы военизированных руководителей ВКП(б), возмущенных навязчивостью гражданских и относившихся с презрением к гражданским методам в армии и в обществе в целом. Они добились успеха в изменении параметров приемлемого курса дискуссий не только по вопросам дисциплины и особой партийной организации (ПУР) для армии, но и в области отдельной судебной политики и отношений между гражданскими и военными властями. Наиболее убедительным свидетельством частичного триумфа этих людей является другой вид

военизации, который Фрунзе и его сторонники начали отстаивать в 1924 и 1925 годах, а именно военизация гражданского населения.

Фрунзе, Бубнов, Ворошилов и Тухачевский, а затем Луначарский и Крупская пошли по пути убеждения гражданских масс в том, что они играют важную роль в оказании помощи армии в обороне страны путем изучения основ военного дела и развертывания организационной сети, способной к быстрой мобилизации большого числа мужчин и женщин в случае войны. Они рассматривали школьную систему в качестве важного средства внедрения военных и патристических ценностей молодежи страны. Кроме того, Фрунзе обратился к массовым организациям, имеющим отношение к авиации и химии: Обществу друзей воздушного флота и химическому обществу — с призывом развернуть кампанию за быструю индустриализацию с оборонной ориентацией.

В конце концов после двух лет интенсивного лобби уже после смерти Фрунзе в конце 1925 года XIV съезд партии принял решение направить «все необходимые меры для поддержания силы Красной Армии и Флота».

Когда Лев Каменев был смещен с поста заместителя Председателя Совнаркома и Председателя Совета Труда и Оборона, вместо него назначили Валерия Куйбышева и Яна Рудзутака. Оба были убежденными сторонниками оборонной промышленности. После смерти в 1926 году Феликса Дзержинского Куйбышев занял его место в Высшем Совете народного хозяйства и провел радикальную реформу для централизации оборонной промышленности в объединенном комитете — Военинпроме. К середине 20-х годов уже и коллективизация сельского хозяйства была напрямую связана с подготовкой к будущей войне. Некоторые военные публицисты открыто разделяли враждебное или в лучшем случае тревожное отношение к расширению частного рынка. Свободно определенная согласованность интересов в отношениях между гражданскими и военными властями свела этих людей вместе, часто несмотря на разногласия по другим аспектам их политических убеждений, затушевывая различия, которые разделяли оппозиционеров по отношению к возрастающей роли Сталина.

Под руководством высших кругов военных и политических лидеров Советского государства военизация быстро развивалась и в других сферах. Поскольку армейская служба стала основным компонентом в оп-

ределении гражданской и политической карьеры в новом государстве, это помогло оформить решающим образом ее тождественность с государственной путем содействия милитаризации как политической элиты, так и идеологии. В качестве примеров тяготения сталинского окружения к армейской модели достаточно ознакомиться с речью Рудзутака на XVII съезде партии, в которой он сравнивал решения Центрального Комитета партии с военными командами и с выступлением Орджоникидзе в Сталиниграде в апреле 1931 года, превозносившего армию как модель экономического развития.

Хочу подчеркнуть, что военизация строя пошла не от самих военных, а от военизированного руководства ВКП(б); и на разных этапах военные сопротивлялись отдельным попыткам военизировать общество. Например, высший комсостав протестовал против сплошной коллективизации сельского хозяйства. Однако военные не могли серьезно повлиять на общий ход развития процесса военизации общества.

Партийное и государственное руководство стало рассматривать армию как школу строителей социализма, как армию нового типа для нового социального строя. Оно мотивировало значительные расходы на политработу той же российской отсталостью, отсутствием сети общественных организаций, особенно в деревне, и большими задачами строительства, которые стояли перед советским обществом. Сотни тысяч красноармейцев проходили школу грамотности, политграмотности, санграмотности и культурпросвещения.

Демобилизованные несли домой и в государственные институты и отношение к политической власти, которое они усвоили во время службы в армии в военное или мирное время. Когда Троцкий сокрушался о том, что сотни тысяч военных, покинувших армию после гражданской войны, везде упорно вводили режим, который обещал военный успех, он имел в виду, что бывшие солдаты предпочитали подчинение и издание приказов демократическим дебатам, процедурам выборов и терпимости к суждениям, отличным от общепринятых. Он также имел в виду, что армейский опыт этих людей с большой вероятностью толкал их на применение насилия и угроз вооруженной силой, если бы такие проблемы возникли. Ветераны усвоили основные идеи о революции и социализме от армейских политических инструкторов. Однако более важным было то, что их фундаментальное знакомство с новым советским режимом и

его основными институтами ограничивалось военной службой. В их глазах методы и отношения, которые они усвоили в армии, были не менее революционными, чем у гражданских в партии и государстве. Ветераны рассматривали свою версию социализма как более правильную, чем платформы, защищаемые теми, кто в первые годы Советского государства формировал одну за другой оппозиционные группы.

Именно бывшие военные оказались в фокусе критики со стороны руководства Политического управления армии — людей, значительно более старших, с дореволюционным партийным опытом и более демократичным прошлым, за проведение программы так называемого «раскрестьянивания» солдат. Когда центральное армейское и политическое руководство, включая Фрунзе и Бубнова, начало призывать к уступкам крестьянству, таким, как снижение бремени налогов, политработники более низкого уровня сначала удивились, а затем начали яростное контрнаступление. Григорий Зиновьев и Михаил Калинин были обвинены в «крестьянском уклоне».

За советы о выдержке и терпении в отношении солдат из крестьян секретари партийных ячеек в армии обвинили Бубнова в реиегатстве и ослаблении политической воли. «Раскрестьяниватели» были убеждены, что такая «политика в деревне служит интересам кулаков за счет бедноты и середняков». По мнению одного обозревателя, в армии значительное ядро искренне думало, что, «чем беднее крестьянин, тем более хорош он для Советского государства», и что «находиться в постоянной бедности значит оказывать Советскому государству великую услугу».

Когда в мае 1925 года Сталин отделил себя от призыва Бухарина к крестьянам обогащаться и когда позже, в том же году, Зиновьев и Каменев круто изменили свои прежние позиции и атаковали Бухарина, «раскрестьяниватели» почувствовали себя защищенными. К концу того же года Леонид Дегтярев в наставлении по политической работе советовал: «Запретите им (кулакам.— М. Х.) принимать участие в любых учреждениях Советского правительства, изолируйте их, конфискуйте всю ту часть их состояния, которая пойдет на удовлетворение интересов трудящихся масс, облагайте их более тяжелым налогом, а в случае малейшего сопротивления начните безжалостную борьбу и массовую конфискацию их собственности»⁴.

⁴ Дегтярев Л. Политработа в Красной Армии.— М.— Л.: Госиздат, 1925.— С. 142

На протяжении 20-х годов, особенно начиная с 1925-го, Политическое управление армии осуществляло широкомасштабную программу по подготовке кадров для сельских и административных аппаратов. В результате ключевые послереволюционные организации несли на себе отпечаток военной организованной политической культуры. Особенно это было заметно в партийных организациях, органах местного управления и в нерусской администрации.

Солдат призывали к участию в коллективизации конца 1929 — начала 1930 года. Более 100 тыс. из них были подготовлены к работе трактористами, председателями колхозов, бухгалтерами и на других участках. Их роль зачастую была отмечена высокой степенью принуждения, произвола, нетерпимости и гигантомании. Однако не все военнослужащие были активными участниками в эксцессах коллективизации. К началу 1930 года некоторые члены высшего армейского командования предупреждали, что моральное состояние войск подрывается сведениями, приходящими из деревни о раскулачивании солдатских семей и общей атмосфере насилия и произвола. Значительные свидетельства указывают на давление армии, сыгравшей ключевую роль в давлении на Сталина, принудившем его издать в марте 1930 года статью «Головокружение от успехов». После весны 1930-го армия никогда больше не играла значительной роли в коллективизации.

Вторжение ветеранов и солдат в деревню, конечно, внесло свою лепту в характер коллективизации, утверждая, по Бухари-

ну, «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства».

Хотя коллективизация была наиболее драматичной и яростной кампанией в усилиях центра расширить свою власть в советском обществе, ветераны и пахотные на действительной службе солдаты и командиры сыграли решающую роль и в других ключевых областях, включая промышленность, образование и партийную жизнь в целом. Именно они помогли сформировать политическую культуру сталинского периода. Я не имею в виду, что военные действовали совершенно самостоятельно или что они непосредственно ответственны за террор и ГУЛАГ. Фактически ОГПУ служило постоянным сдерживающим фактором армейской автономии и усилиям армии приобрести более разносторонний профессионализм. Однако государство следило за тем, чтобы военные строили тот тип социализма, который возник, неся на себе отпечаток армейской авторитарной политической культуры. В самых верхних эшелонах как государственной, так и партийной структуры, в среде «военизаторов», которые сформировали лобби оборонной промышленности, и внизу, где «раскрестьянители» испытывали непреодолимое желание вести классовую войну с кулаками, везде советская политическая культура испытывала влияние симбиоза приобретенных военных ценностей и представлений о различных путях ведения социалистического хозяйства. В таком окружении умеренные, эволюционные, более демократичные альтернативы имели мало шансов на выживание.

ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА

МАРК ФОН ХАГЕН предложил к обсуждению тему оригинальную и весьма любопытную. Она привлекает и постановкой вопроса, и новым подходом и к сюжетам и, казалось бы, к избитым фактам, с завидным упорством колющим из работы в работу. Причем сделано это высокопрофессионально, автор обладает глубоким знанием литературных источников, как советских, так и зарубежных. Особо отметим, что он одинаково хорошо ориентируется во всех историографических периодах. Фон Хаген широко использует исследования 20-х годов С. Оликова, П. Каратыгина, Л. Дегтярева, С. Венцова, С. Загорского, А. Карпушина-Зорина, В. Дунаевского, В. Зорина о настроениях в армии, мобилизационной политике в комплектовании кадровых милиционно-территориальных частей промышленных предприятий и орга-

низации сельского хозяйства, а также партийно-политической работе среди красноармейцев и командиров, влиянии задач обороны страны на народное просвещение. Несколькими уже круг работ 30-х годов, но зато достаточно полно представлена литература 60—80-х годов, как советская (П. А. Зайончковский, С. М. Кляцкий, Ю. И. Кораблев и др.), так и зарубежная (Э. Карр, М. Фейнсон, У. Бергхан, Ф. Бенвенути, Д. Эрикссон, С. Козч, А. Болл, Д. Хаслам, Р. Дэвис). Солидная и источниковая база: документы и материалы партийных съездов, труды В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, И. Т. Смилги, Я. Э. Рудзутака, Г. К. Орджоникидзе. Вместе с тем ясно просматривается вполне определенная самостоятельная точка зрения автора, стремящегося по-новому осмыслить материал.

В связи с этим, прежде чем перейти к рассмотрению проблемы по существу, хотелось бы выделить два общих вопроса.

Первый. Чем объяснить завидную раскованность зарубежных коллег, недавно огульно именуемых «буржуазными фальсификаторами», в умении найти весьма неожиданные повороты и ракурсы в рассмотрении тем, казалось бы, банальных?

Каждый раз, встречаясь с испривычной формулировкой, оригинальной трактовкой и неожиданным, пусть и спорным решением, задаешься вопросом: как автор сумел найти эту тему и почему мы не обратили на нее внимания, ведь она вроде бы лежит на поверхности?

Действительно, достаточно открыть газеты, чтобы увидеть, какую роль играет армия как самостоятельная политическая сила, например, в странах Центральной и Латинской Америки или какое значение имело участие офицеров в апрельской революции в Португалии. Даже эти факты могли вызвать вопросы: а как же дело было у нас? Какова роль Красной Армии в формировании внутренней и внешней политики, в установлении политической системы страны? Какие взаимоотношения были между военными и гражданскими властями? Но, к сожалению, в советской историографии никто не задавался такими вопросами.

В чем же причина?

Или оскудела наша страна умами? Или существовали темы, касаться которых было не принято, а цензура и самоцензура мешали ставить проблемы, не вписывающиеся в принятую историографическую ситуацию?

Но дело, думается, в ином.

Во многом сложившееся положение объясняется, на наш взгляд, тем, что долгие годы мы изучали отечественную историю, особенно историю КПСС, в определенной мере изолированно от общего исторического процесса. Мы как бы замкнулись, самоизолировались в своих проблемах, разделив всемирную историю на составные части: историю СССР, отдельно — историю КПСС, военную историю, новую и новейшую, отдельно — всеобщую историю и историю южных и западных славян, стран Азии и Африки и т. д. Нетрудно заметить, что мы пока перечисляем лишь крупнейшие направления советской исторической науки, закрепленные в названиях существующих исследовательских институтов.

В свою очередь эти разделы истории подлежали дальнейшему дроблению на хронологические периоды, по регионам и даже на отдельные проблемы. Лишь сейчас мы начинаем воссоздавать то мозаичное панно, которое называется всемирной историей. Представляется, что потребуются долгие годы (значительно больше, чем М. В. Ломоносову на создание его мозаичных картин), прежде чем вновь сумеем сложить его, найдя место для каждого кусочка без единого исключения.

Нет сомнения, дифференциация — общий процесс развития науки на определенном этапе. Но в советской исторической науке он достиг, на наш взгляд, гипертрофированных размеров. Западным же историкам подобный подход присущ в значительно меньшей степени, что и позволяет им в

своем научном поиске выходить на такие темы, которые иногда поражают простотой и неожиданностью. Этому надо учиться заново.

Наш американский коллега достаточно полно привлекает как работы своих предшественников, так и опубликованные материалы. Вот тут и возникает второй вопрос: а насколько достоверны использованные им источники? Это уже выходит за рамки обсуждения материала, представленного фон Хагеном.

Не секрет, что стенографический отчет далеко не адекватен стенограмме. Неправильная стенограмма существенно отличается от правильной, равно как стенограмма, правленная самим автором, от правленной другим человеком. Это совершенно естественно, как естественна и необходимость тщательной проверки, к примеру, выводов Марка фон Хагена, сделанных на основании официальных источников.

Конечно, данное обстоятельство по вполне понятным причинам и в коей мере нельзя ставить в вину исследователю. Ему, как и другим, лишенным возможности свободно работать в наших архивах, можно только посочувствовать. Но суть дела и в данном случае не в этом. Нам хотелось бы привлечь внимание читателя к умению мастерски работать с литературой и опубликованными материалами при искусственно ограниченной источниковой базе, что характерно не только для Марка фон Хагена, но и для других лучших представителей зарубежной историографии.

Особо важно это сделать именно сейчас, когда, с одной стороны, все больше проявляется недоверие к документальным публикациям прошлых лет (что, к слову сказать, имеет серьезные к тому основания), а с другой — все более часто кризисное состояние советской исторической (особенно историко-партийной) науки объясняется ограничением доступа к архивным материалам.

Да, верно, такие ограничения были и есть до сих пор. Но ведь Марк фон Хаген, как и Стив Козн, Роберт Слоссер, Александр Рабинович, Роберт Коиквист и другие, публикуемые ныне у нас модные в хорошем смысле слова иностранные авторы, за книгами которых охотится читающая публика, вообще не имели доступа к большинству советских архивов. Тем не менее по ряду направлений исследований (как ни обидно то признавать) они обогнали нас. И далеко не последнюю роль сыграло здесь умение найти и привлечь практически все, что опубликовано по интересующей теме и в периодической печати (причем не только центральной), и в документальных сборниках, и в историографии. Этому тоже надо учиться.

Таковы самые общие предвзятые размышления, вызванные выступлением Марка фон Хагена. Вероятно, кому-то они покажутся спорными, но ведь мы для того и высказываем свою личную точку зрения, чтобы в спорах обрести истину. Теперь по существу поднятой им проблемы.

Первое, что несколько разочаровывает, это, как ни парадоксально, чрезмерная увлеченность Марка фон Хагена избранной темой. Но ведь недаром говорят, что не-

достатки зачастую являются прямым продолжением достоинств.

Найдя чрезвычайно удачный ракурс рассмотрения советской истории 20-х годов, автор оказался настолько захвачен им, что практически полностью вырвал взаимоотношения между военными и гражданскими властями из общего контекста событий того времени. Такая заданность исследования, абсолютизация одного фактора в ущерб другим не только обусловила определенную односторонность, но и привела, на наш взгляд, к не вполне точным выводам.

Возможно, что в этом негативную роль сыграла авторская экстраполяция представлений, характерных для современной политической системы США на оценку ситуации в Стране Советов 20-х годов. Автоматическое перенесение сферотипа о громадной роли военно-промышленного комплекса в формировании политического курса США на формирование облика Советской России периода гражданской войны и первых лет после ее завершения обусловило многие, мягко говоря, спорные утверждения Марка фон Хагена о доминирующей роли военных в формировании политической культуры советского общества. И хотя он оговаривается, что не утверждает, будто военные «действовали совершенно самостоятельно» или были «непосредственно виновны в терроре и создании ГУЛАГа», ибо «фактически ОГПУ (кстати, организация тоже «военно-зависимая», если пользоваться терминологией Хагена.— Авт.) служило постоянным сдерживающим фактором». И все же из утверждений американского исследователя вытекает, что именно военные («ветераны» и находившиеся на действительной военной службе солдаты и командиры, особо — комиссары), а также «милитаристы», сформировавшие «лобби» оборонной промышленности, повинны в том, что «умеренные, эволюционные, более демократические альтернативы развития политической системы СССР имели мало шансов на выживание».

Оставим в стороне авторские представления о военном лобби в нашей стране, особенно в первые годы после гражданской войны. Он явно пугает здесь субъект с объектом. Ведь если рассматривать историю первых двух десятилетий Советской власти через призму идейно-теоретической борьбы внутри партийного руководства (что тогда было практически идентично руководству государственному), переплывшейся с борьбой за лидерство, власть, то становится очевидным, что не военные определяли политику, а их самих в силу подпадающих объективных и субъективных характеристик (уровня общей и политической грамотности, присущих им форм и методов решения возникающих проблем и особенностей системы руководства и т. д.) активно использовали для проведения определенной политики. При этом надо помнить, что обыкновение искать образцы политической системы в армейской организации не было порождением большевизма. Оно исходит из роли государства в Российской империи. Подобный образ мышления к концу гражданской войны имел место не только в армейской среде.

Нельзя представить армию тех лет монолитной силой, доминирующей в обществе.

Она являлась его слепком. В ней были, как говорил Троцкий на XII съезде, «все переходные ступени человеческой культуры».

Кстати, исходя из посылок Марка фон Хагена и придерживаясь его логики, невозможно объяснить (без существенных переделок и натяжек) ту трагедию, которая постигла армию в середине 30-х годов, когда физически была уничтожена значительная часть командного состава, а многие командиры и красноармейцы были уволены из рядов РККА. Получается совершенно алогичная картина: для окончательного утверждения системы оказалось необходимым ликвидировать (если не полностью, то в значительной части) именно ту силу, которая играла главенствующую, определяющую роль в ее формировании.

К тому же вряд ли правомерно совсем сбрасывать со счета, как это делает наш коллега, реальную просветительскую и воспитательную роль, которую играла армия в советском обществе, влияя на его складывающуюся политическую культуру отнюдь не только в отрицательном смысле. Так, армия стала гигантской школой ликвидации безграмотности (ликбеза) (об этом много и убедительно писал В. А. Каменев). В планы армейской политпросветработы включались мероприятия, «имеющие целью воспитать красноармейцев в духе уважения к входящим в СССР народам». Делалось это «в целях ликвидации шовинистических настроений». Известен, к примеру, разработанный ПУРом текст бесед по национальному вопросу (об отдельных народах и истории преследования настроений). Украинцам, евреям, полякам, татарам, народам Сибири и Туркестана были посвящены целые циклы лекций. В кадровой политике РККА незыблемым условием являлся максимальный учет языка и национальных особенностей личного состава. При военных училищах и школах формировались национальные отделения. Совместно с национальными секциями ЦК РКП(б) в РККА разрабатывались планы издания литературы и пособий для обслуживания красноармейцев на родном языке. Воинские уставы публиковались не только на русском, но и на украинском, белорусском, армянском, грузинском, тюркских языках. Практиковалась переброска лиц, знающих местные языки, в соответствующие округа.

Серьезное значение имели армейская библиотечная сеть с интересным книжным фондом, армейская печать, сосредоточившая неплохой журналистский корпус, клубы, развернувшие весьма энергичные и разнообразные формы деятельности; шефская работа деятелей культуры, привлекавшая к выступлениям перед красноармейской аудиторией известнейшие театральные и музыкальные коллективы, отдельных исполнителей и актеров. Были приняты меры, стимулирующие развитие армейской самодеятельности. Для того времени важна была и санитарно-просветительная функция РККА, подразделения которой принимали участие в борьбе с эпидемиями, жилищном строительстве, благоустройстве городов. Армия приобщала к технике, давала первые навыки в ее использовании.

Профессиональный уровень высшего командного состава был высок и обеспечен.

вал серьезную научную разработку вопросов военной техники и истории. А. Верховский, А. Егоров, Н. Какурин, М. Свечиков, А. Свечин, В. Триандафилов, М. Тухачевский, М. Фрунзе многое сделали для развития советской военной науки.

К слову сказать, я комиссаров «в кожаных куртках, вооруженных револьверами», на что напирал Марк фон Хаген, нельзя олицетворять «с процессом, при котором когда-то революционная партия большевиков (к 20-м годам такая оценка американского историка вряд ли правомерна вообще.— Авт.) превращалась в организацию со значительными атрибутами государственного аппарата». У армейских комиссаров были свои задачи и свои функции. «Комиссарократией» Советское государство враги называли не из-за них. Здесь чувство историзма несколько изменило Марку фон Хагену или он просто забыл, что комиссарами называли членов правительства, а министерства тогда именовались комиссариатами.

Сращивание партийного и государственного аппарата шло по совсем иным каналам. Оно носило более опасный характер и беспокоило часть партии, прежде всего В. И. Ленина, весьма серьезно. Достаточно вспомнить обсуждение этого вопроса на X и XI съездах.

Конечно, увлеченность решением серьезных проблем военными методами, влияние военно-коммунистической психологии на складывание бюрократически-командной системы никто отрицать ныне не станет. Но вот в том, что Красной Армии в этом процессе принадлежала особая роль, Марк фон Хаген не убедил.

Анализируя перспективы развития нашей страны в 1920 году, он справедливо отмечает, что «у партии имелось два значительно различающихся стиля, две политические культуры, которые представляли два очень разных взгляда на политический и социальный строй после гражданской войны». Однако трактовка этих противоречий как «борьба военных и гражданских» представляется упрощенной.

Действительно, наиболее ярко разногласия проявились именно в данной области. Но корни их значительно глубже. Основная масса идеологов «военного направления» начинала политическую деятельность совсем не в армии, и их место и роль в партийно-государственной иерархии, их политический авторитет обуславливались не столько военными заслугами, сколько участием в социально-демократическом движении до 1917 года, в Февральской и Октябрьской революциях.

Кадровая политика большевистской партии и Советского государства в первые послеволюционные годы отличалась высокой мобильностью, поэтому через армию (так или иначе) прошло подавляющее большинство тогдашнего руководства, как «милитаристов», так и их противников. И неизвестно точно, кто из них именно в армии стал сторонником военизации.

Фон Хаген очень рельефно обозначил альтернативность развития партии на переломном этапе истории, резко выделив два возможных пути (справедливо не персонафицируя и не отождествляя их с личностью одного или нескольких деятелей).

Первый, грубо говоря, консервативный, — предусматривал сохранение уже апробированных и оправдавших себя в годы гражданской войны методов и форм руководства. Второй, условно реформистский, — предполагал изменение политики и способов ее осуществления в зависимости от принципиально новых исторических условий. Этот путь требовал иных, отличных от прежних форм и методов политического общения с массами, обуславливал неизбежность появления новых функций партии в обществе, предполагал изменение как ее качественно, так и количественного состава (чего требовал и в известной мере добился В. И. Ленин и от чего отошли вскоре после прихода Сталина к руководству страной).

Советскими историками пока еще далеко не все сделано в изучении этих процессов именно с таких позиций. Предстоит еще по-настоящему научно овладеть ленинским наследием, проанализировать точку зрения сталинских оппонентов. В значительной степени этому должно помочь и обращение к другим переломным моментам истории партии, когда большевикам приходилось решать аналогичные задачи в условиях резко изменившейся конкретно-исторической обстановки.

Чего греха таить, ведь зачастую и в исследовательских, и в научно-популярных работах, и в учебниках этот вопрос либо вообще обходят, либо ограничиваются приведением голых цифр о росте числа членов партии, либо представляют проблему как заранее запрограммированный процесс. На наш взгляд, именно анализ изменений количественных и качественных характеристик, происшедших под воздействием новых конкретно-исторических условий, а соответственно новых задач, роли и функций партии в сочетании с изменениями теоретических воззрений, и должен стать стержнем истории КПСС как науки. Без изучения взаимовлияния всех этих факторов мы вряд ли сумеем когда-нибудь разобрать многочисленные завалы, образовавшиеся в собственной истории.

Говоря об анализе Марком фон Хагеном внутриполитической борьбы из-за определения перспектив развития страны после окончания гражданской войны, нельзя не обратить внимание и на еще один момент. Кажется более чем странным, что этот исследователь всего лишь один раз при рассмотрении данного вопроса сослался на В. И. Ленина, практически игнорируя его суждения и при рассмотрении других проблем. Вполне возможно, что мы, советские историки, привыкли чересчур часто ссылаться на В. И. Ленина, делая это по поводу и без него. Однако вообще обойти при изучении и выработке политической линии партии и государства за первые годы Советской власти теоретическую и практическую деятельность человека, с именем которого в значительной степени персонафицируется Великая Октябрьская социалистическая революция, представляется просто неправомерным. Тем более, хочет того фон Хаген или нет, сама логика исторического развития толкает его к этому.

Возьмем, к примеру, утверждение Марка фон Хагена, что победа так называемых «военных» над так называемыми «гражд-

данскими» относится к 1923—1924 гг., то есть четко совпадает с концом ленинского периода в истории государства. Игнорировать, не заметить этого совпадения историк-профессионалу просто непозволительно.

Весьма уместной кажется нам постановка фон Хагеном вопроса о роли демобилизованных красноармейцев (или, как он их называет, «ветеранов») в формировании советской политической системы. Такой подход весьма перспективен и, бесспорно, сыграл роль в ломке сложившихся стереотипов, ибо долгие годы под несомненным влиянием «Краткого курса» у нас господствовало чрезвычайно суженное представление о самом предмете истории партии. Это была, по сути дела, не история КПСС, как таковой, а история ее руководящих органов (да и то не всех). Мы редко опускались ниже регионального или губернского, в лучшем случае уездного уровня, причем чаще всего для иллюстраций выполнения решений вышестоящих органов. Остальной же массе партийных органов и организаций выпала довольно незавидная роль обезличенных статистов истории, беспрекословно выполнявших спущенные директивы.

Нельзя не согласиться с Марком фон Хагеном, что «ветераны армии принесли домой и в государственные институты практику и отношения в сфере политической силы, которые они изучили во время службы в армии в военное или мирное время». Он прав, что «эти ветераны усвоили свои основные идеи о революции и социализме от своих политических инструкторов» и «в их глазах методы и отношения, которые они усвоили в армии, были не менее революционными, чем у гражданских в партии и государстве, в действительности ветераны, весьма вероятно, должны были рассматривать свою версию социализма как более правильную, чем платформы, защищаемые теми, кто в первые годы Советского государства формировал одну за другой оппозиционные группы».

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что «служба в армии стала одним из пропусков к важным постам в послереволюционном политическом классе», и тем более принять за должное попытку представить это чуть ли не сознательным маневром Политического управления армии в борьбе «гражданских» и «военных» за определение пути дальнейшего развития страны.

Нн в коей мере не претендуя на монопольную истину и непогрешимость, а лишь в качестве альтернативного варианта мы предлагаем несколько иное объяснение этому. Оно сводится к следующему. Демобилизовавшись, красноармейцы отправлялись домой, а так как страна была по преимуществу крестьянской, то большая их часть оказалась в деревне. В силу относительно высокого по сравнению с основной массой сельского населения уровня образования «ветеранов», как общего, так и политического (армия, мы уже отмечали, безусловно, много делала для просвещения красноармейцев), а также повышенной социальной активности они играли все более значительную роль в общественно-политической

жизни деревни. Этому способствовали и другие обстоятельства: их ореол героев гражданской войны, защитников Отечества (патриотизм испокон веков был силен в русской деревне), разорение за время гражданской войны их личного крестьянского хозяйства. Наконец, не следует сбрасывать со счетов и сложившиеся в «ветеранской» среде личные отношения. Знакомства возымели силу не только среди друзей-красноармейцев, но и у армейских командиров с политработниками, активно привлекавшимися (большинство, правда, возвращалось на прежние места) к партийной, советской и хозяйственной деятельности на разных уровнях.

В первые годы Советской власти, когда принципы подбора кадров только устанавливались, факт личного знакомства, то есть возможность получить рекомендацию (в подавляющем большинстве весьма объективную партийно-политическую и деловую характеристику), имел огромное значение.

Однако все эти моменты не действовали автоматически. Они ни в коей мере не были абсолютной гарантией успешной «карьеры ветеранов» на партийном, советском или хозяйственном поприще, а лишь создавали более благоприятные предпосылки для этого.

Потребовалось определенное время (примерно от трех до пяти лет) и особое стечение обстоятельств, чтобы участники гражданской войны сумели активно включиться в формирование политики партии и государства и ее осуществление на всех уровнях управления, включая и верхние эшелоны. Вот тут именно и возникает интереснейший узел исследовательских проблем: показать и понять, как, какими путями и, самое главное, когда «ветераны», участники гражданской войны (лучше всего пользоваться термином «выдвиженцы гражданской войны», ибо ведь и представители старой партийной гвардии тоже прошли через нее) пришли к власти. Насколько новой по составу была когорта сталинского окружения? Действительно ли новое поколение получило рычаги власти?

Говоря о предпосылках, обусловивших выход на политическую арену новой генерации руководящих работников всех уровней, корни карьеры которых уходят в гражданскую войну, мы сознательно обошли вопрос о членстве этих людей в большевистской партии. Дело в том, что по данному признаку нельзя выявить преимущество «военных» над «гражданскими». Не можем мы согласиться и с категорическим утверждением Марка фон Хагена, будто «служба в армии открывала двери к вступлению в партию и, в более широком смысле, к членству в политической элите», ведь больших различий в условиях приема в партию «военных» и «гражданских», особенно в период гражданской войны, не было.

Последовательно развивая свои идеи, фон Хаген подчеркивает тот факт, что в разгар гражданской войны «около половины членов партии служили в том или ином качестве в армии. Более того, она стала ведущей организацией для набора новых членов партии».

(Окончание см. на с. 66).

К 200-летию штурма Измаила

Памятная медаль в честь побед А. В. Суворова.
в лицевой стороне – изображение А. В. Суворова,
на оборотной – надписи: Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил.

• Нагрудный
офицерский крест
за взятие Измаила. 1790 г.

• Александр Васильевич Суворов.
Миниатюра.

• Генерал-фельдмаршал
Григорий Александрович
Потемкин-Таврический.

• Гренадер пехотного полка. 1780-е гг.

• Малороссийский казак. 1780-е гг.

● Штурм Измаила 11 декабря 1790 г.
Раскрашенная гравюра С. Шифляра по рисунку М. Иванова,
сделанному во время сражения.

● Рядовой легкоконного полка. 1780-е гг.

● Мушкетер лейб-гвардии Семеновского полка.
1780-е гг.

Рисунок В. Н. БОЛТЫШЕВА

ФОРМА ОДЕЖДЫ — МУНДИР ОТЕЧЕСТВА

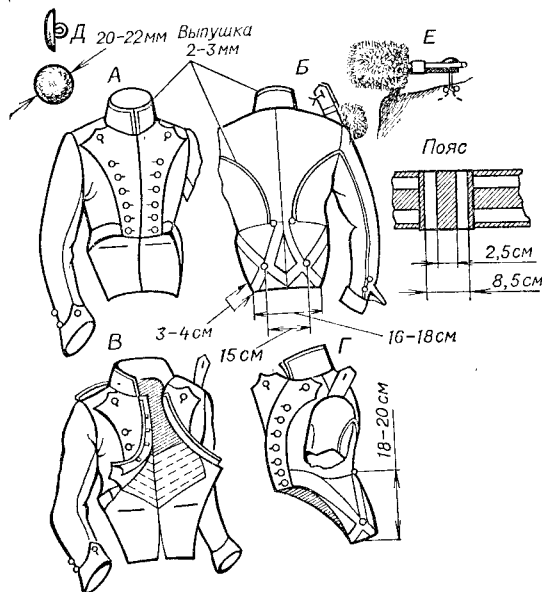
В 1802 году в русской армии были введены мундиры французного типа, двубортные с высоким стоячим воротником и фалдами. Цвет мундира, лацканов на груди, обшлагов, отворотов, фалд зависел от рода войск.

В пехоте офицерский мундир имел более длинные фалды, чем солдатский, в гвардии на воротнике и кла-

панах рукавов — золотые
петлицы.

Уланский мундир состоял из узкого мундира (французского типа с фалдами, узких панталон с широкими лампасами, шапки (конфедератки) с четырехугольным верхом высотой около 21 см, пояса-кушака синего цвета. У рядовых на плечах полагались эполеты с шерстяной

бахромой. Кивер украшал особый шнур, спускавшийся с головного убора вниз и обвивавшийся вокруг шеи. Он продевался под правый эполет и лежал на груди двумя петлями. В походе надевали рейтузы на 18 боковых пуровниках, в парадном строю — узкие панталоны с широкими лампасами.

A — муендир вит спереди

Б — вид сзади.

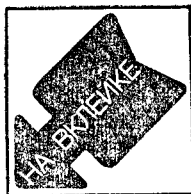
В — разворот лацканов.

Г — вид сбоку.

Д — пуговица.

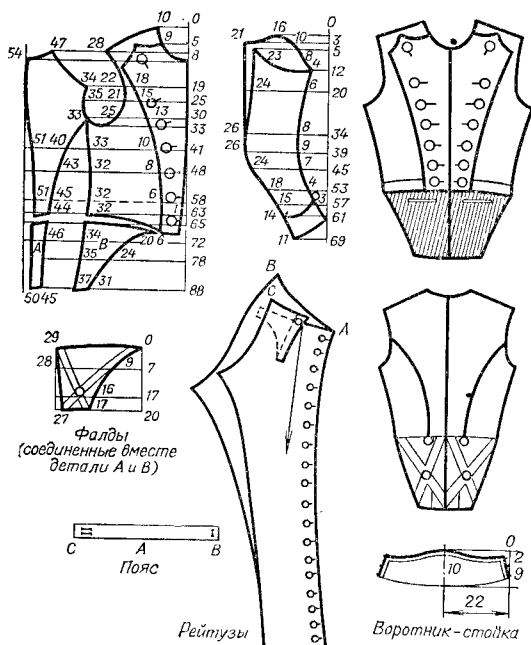
Е — крепление эполета к мундиру.

Раздел ведет художник по костюмам
Наталья ПОЛЯХ

**УЛАНЫ ЛИТОВСКОГО ПОЛКА
1812—1813 гг.**

1. Штаб-трубач.
2. Рядовой улан 2-го батальона в парадной строевой форме.
3. Эполет нижних чинов.
4. Мундир трубача эскадрона.
5. Мундир унтер-офицера.
6. Улан 1-го батальона в парадной строевой форме.
7. Кавалерийский пистолет образца 1813 года.
8. Пистолет образца 1809 года.

(Окончание. См. с. 64)

Действительно, почти половина коммунистов в тот период была в армейских партийных организациях. Являлось ли это исключительной заслугой армии? Стоит ли забывать отряды Красной гвардии, ядро которой составляли большевики-рабочие, влившиеся в РККА в момент ее формирования? А многочисленные мобилизации коммунистов на фронт, проходившие под лозунгами «Социалистическое Отечество в опасности!», «Все на борьбу с Деникиным!», «Все на борьбу с Колчаком!»? Во время их часто местные парторганизации в полном составе отправлялись на фронт. И если отказаться от мысли, что стоило большевику надеть солдатскую шинель либо сапоги, облюбованные некоторыми из наших публицистов, как он сразу же превращался из «гражданского» коммуниста в «военного», тогда истины ради придется признать и значительную долю сугубо штатских среди армейских коммунистов.

Мы не стали касаться других поднятых фон Хагеном проблем. Таких, например, как изменение роли и функций армии с

победой революции, переход от добровольческой к регулярной армии и путь реформ М. В. Фрунзе, характеристика милиционно-территориальных формирований и так называемый «крах» социалистических представлений о возможности замены регулярной армии милицией. Во-первых, по ним есть довольно обширная литература, а во-вторых, сам Хаген лишь поставил их, не имея возможности раскрыть свои взгляды полностью. Многие, вероятно, вошло в подготовленную им книгу «Солдаты при диктатуре пролетариата: Красная Армия и Советское социалистическое государство. 1917—1930 гг.». Возможно, к тому времени, когда данные, с позволения сказать, полемические заметки увидят свет, а вернее, книга Марка фон Хагена появится в Советском Союзе, отпадут кое-какие из наших претензий. А может, возникнут и новые. Во всяком случае, мы за диалог, полезный для обеих сторон.

А. П. НЕНАРОКОВ,
доктор исторических наук;
О. В. НАУМОВ, кандидат исторических наук

ЗА ПОЛНУЮ ПРАВДУ

А. И. ЗАЛКИНД,
доктор экономических наук,
капитан в отставке

Автор этих строк, как и все советские люди, является непримиримым врагом культа личности. Речь не идет и не может идти о защите Сталина, с именем которого связано многое, чего нельзя ни забыть, ни простить. Речь о том культе, который всегда исповедовал марксизм-ленинизм, — культе истины, справедливости, объективности. Присмотримся с этих позиций к публикациям писателя В. Астафьева и историков А. Мерцалова и М. Семиряги.

Первый из них объявил, что существуют, оказывается, «две войны», причем одна «была на совершенно другой войне» (Вопросы истории. — 1988. — № 5. — С. 33. В дальнейшем высказывания В. Астафьева взяты оттуда же). И только эта «другая» является, по мнению писателя, истинной войной. Те же, кто исповедует иной подход к Великой Отечественной войне, без оков и ошейников объявляются им «фальсификаторами». Прежде всего речь идет об

известном 12-томном труде «История второй мировой войны. 1939—1945». По адресу авторов и редакторов этого издания В. Астафьев пишет: «Более фальсифицированного, состряпанного, сочиненного издания наша история, в том числе история литературы, не знала». Но как же могло возникнуть в нашей исторической литературе такое чудовище? Такой естественно возникающий вопрос писателя смутить не может. Он дает следующую справку: «Это делали том за томом очень ловкие, высокооплачиваемые, знающие, что они делают, люди». Да, авторский коллектив, создавший 12-томник, и главная редакционная комиссия его, конечно, принадлежат к высокооплачиваемой советской интеллигенции. Что, собственно, нашел здесь писатель криминального? Это маршалы и генералы, академики и т. д.

Но главный вопрос, конечно, в том, почему писатель считает, что «высокооплачиваемые» — сплошь фальсификаторы, способные только на «стряпню». Здесь у Астафьева очень мало аргументов. Даже можно сказать, что их нет вообще. Все его обвинения ничем не подкреплены и не обоснованы. Так, сильно замалчивались на ненавистных ему «высокооплачиваемых», писатель забыл о сущей безделице — доказательствах.

«Крупный стратег» и «военный историк» Астафьев открывает особенность минувшей войны, состоящую, по его исследованиям, в том, что «мы просто не умели воевать» и «на протяжении всей войны было так». Позволительно спросить, кто эти «мы»? Ведь в числе воевавших «неумех» были Жуков, Рокоссовский, Конев, Говоров, Мерецков. Как могли они, не умея воевать и не совершив чуда, кончить войну в Берлине и Праге? Конечно, как все знают, у нас в годы войны были и серьезные неудачи, и срывы, и поражения, но это ведь другой вопрос. И наконец, такое соображение: «мы» воевать не умели. Кто же умел? Немцы? Но ведь они не устояли против «неумех»!

Свои блестящие «стратегические» способности Астафьев демонстрирует на примере действий против наших войск небезызвестного гитлеровского вояки — Манштейна.

Как сообщает Астафьев, «одна 11-я армия Манштейна разгромила на глазах у Черноморского флота все наши армии, которые находились в Крыму». Мало того, «с двумя танковыми корпусами Манштейн сбегал под Керчь и опрокинул в море три наши армии». Эти рассуждения полностью безграмотны в военном отношении. Видимо, писателю неизвестно, что нельзя сравнивать немецкую армию и нашу. Первая по штатной численности намного превосходила нашу, иногда равнялась нашему фронту. В Крыму против советских 51-й и Приморской армий действовали превосходящие силы противника. В октябре 1941 года в наступлении на Крым участвовали семь пехотных дивизий 11-й армии Манштейна, румынский горный корпус (две бригады) и значительные силы авиации. Оборонявшие Крым две наши армии насчитывали 4 кавалерийских и 12 стрелковых дивизий. При этом к 18 октября Приморская армия еще не подошла. Откуда же Астафьев взял в это время еще одну нашу армию, третью по счету? Какой был ее номер? Только в январе 1942-го в составе Крымского фронта стали действовать три армии: 44, 47 и 51-я.

Астафьев далее пишет: «Возьмите любую карту 1941-го и даже 1944 г.: там обязательно девять красных стрелок против двух синих, вражеских». Но это происходило именно потому, что численность германских армий была больше, чем наших.

Превознося Манштейна, Астафьев «забывает» сообщить читателю, что после 1941 года этот любимчик Гитлера был не раз крепко бит Советской Армией. Так, в августе 1942 года он не достиг успеха, командуя немецкими войсками под Ленинградом. В ноябре 1942 — феврале 1943 года Манштейн командовал группой армий «Дон» и безуспешно пытался деблокировать котел, в который в районе Сталинграда попали армии Паулюса и Готта. Действия этой группы успеха не имели. С февраля 1943 года Манштейн командовал группой «Юг», которая потерпела поражение на Курской дуге. В марте 1944 года Гитлер отстранил его от командования. Таков «герой» писателя Астафьева.

Второе действующее лицо настоящих заметок — доктор исторических наук Андрей Мерцалов, опубликовавший в «Московской правде» 25 сентября 1988 года статью «Не нужно спешить». Автор «разоблачает» большое число военных историков и тщится внушить читателю, что истина исходит только от него. Одно это уже говорит о несерьезности автора.

Исходный пункт рассуждений автора — поход против «приверженцев старых подходов», которые делают противоправное, по мнению Мерцалова, дело, стремясь вырвать «из истории сталинизма период войны». При этом оные «приверженцы» — это настоящие поручики Кижке («арестант секретный, фигуры не имеет»). Мерцалов не приводит ни одной фамилии провинившихся в «приверженчестве».

Но главное не в этом. Историк «открывает» явление, которого в нашей стране не было: сталинизм. Это совсем не то, что культ личности, причем дело, разумеется, не в названии. Этот вопрос давно выяснен и изложен М. С. Горбачевым прямо таки для Мерцалова и других «сталинаторов». Во время беседы М. С. Горбачева с сотрудниками газеты «Юманите» ему был задан вопрос: «В различных кругах на Западе часто задается вопрос: преодолены ли в Советском Союзе остатки сталинизма?» Журналисты получили недвусмысленный и не допускающий никаких кривотолков ответ: «Сталинизм» — понятие, придуманное противниками коммунизма, и широко используется для того, чтобы очернить Советский Союз и социализм в целом» (Коммунист.— 1986.— № 3.— С. 19). Шоры «сталинизма» не позволяют Мерцалову объективно анализировать проблемы Великой Отечественной войны.

Мерцалова буквально трясет от негодования, когда он упоминает о передовой статье в «Военно-историческом журнале» (1988.— № 6), в которой совершенно правильно говорится о необходимости следовать принципам исторического материализма: «Такому принципу необходимо следовать и при оценке деятельности и роли И. В. Сталина. Факты убеждают, что для укрепления обороноспособности страны, развития армии и флота он сделал немало. Сбрасывать это со счетов истории — значит уходить от исторической правды» (с. 6). Эта оценка целиком соответствует тому, что по этому вопросу сказано М. С. Горбачевым и виднейшими военачальниками. Ввиду крайней важности этого вопроса, который умышленно запутывают мерцаловы, приведем несколько положений.

В докладе «Бессмертный подвиг советского народа» 8 мая 1985 года М. С. Горбачев сказал: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководила партия, ее Центральный Комитет, Государственный Комитет Обороны во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным» (Правда.— 1985.— 9 мая). Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами. В докладе 2 ноября 1987 года М. С. Горбачев говорил: «В достижении Победы сыграли свою роль огромная политическая воля, целеустремленность и настойчивость, уме-

ние организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны И. В. Сталиным». Как этого нам не хватает сегодня! Напомним, что в годы Великой Отечественной войны Сталин исполнял пять высших должностей в партии, государстве и армии. Во всемирной истории нет другого человека, несшего на своих плечах такую непомерную тяжесть. Как же нужно низко пасть, чтобы умышленно закрывать на это глаза.

Напомним еще, что выдающиеся советские военачальники, работавшие в Ставке бок о бок со Сталиным, исключительно высоко оценивали его деятельность. При чем они делали это уже после смерти Сталина, когда их к этому никто не мог принудить.

Так, маршал Жуков писал: «Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим» (Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — Т. 1. — М.: Изд-во АПН, 1974. — С. 346). Из мемуаров А. М. Василевского Мерцалов приводит только положение об уроне Красной Армии от необоснованных репрессий со стороны Сталина. Но ведь Василевский писал еще и то, что в годы войны «был высок авторитет Ставки и Сталина в вопросах ведения военных действий» (Василевский А. М. Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1975. — С. 269).

В оценке деятельности Сталина необходимо, как и при характеристике его роли в истории страны, исходить из исторической правды, из анализа позитивных и негативных сторон его личности. Так подошел к делу министр обороны СССР Д. Т. Язов в докладе на торжественном заседании, посвященном 70-летию Вооруженных Сил нашей страны. Он подчеркнул огромную роль в достижении Победы Государственного Комитета Обороны во главе с И. В. Сталиным и вместе с тем отметил, что в период культа личности были несправедливо репрессированы многие наши выдающиеся военачальники. И правильно писал генерал армии П. Лушев, что «история не терпит «белых пятен», но она не терпит и конъюнктурных передергиваний и спекуляций, сомнительных оценок и выводов» (Советская Россия. — 1988. — 21 февраля). Словом, есть историки, а есть и фальсификаторы истории. В ряду последних Мерцалов очень заметен. Только так можно оценить его высказывание об упомянутой статье в «Военно-историческом журнале» как «традиционно выдержанной в духе казенной бодрости». Это пустая фраза, не подкрепленная никакой аргументацией. Да и откуда ее взять Мерцалову, кредо которого — предвзятость и необъективность.

Одна из грубейших ошибок Мерцалова состоит в том, что он не видит диалектики жизни Сталина, глубокой противоречивости его личности. Но такова правда истории. Об этом было четко сказано еще в известном постановлении ЦК КПСС 1956 года, принятом в развитие решений XX съезда партии. Мерцалов же выдвигает ложный тезис об «однозначности» Сталина. Обосновать его он, разумеется, не может, это повисает в воздухе. И дело, конечно, не в том, что у Мерцалова, как

у любого человека, может быть «особое мнение», а в том, что оно должно быть аргументированным.

Мерцалов просто обманывает читателя, когда пишет, что в упомянутой передовой статье предлагается забыть действия Сталина в отношении допущенных им репрессий. Это не так. В статье приводятся данные о числе пострадавших военачальников и командиров. Историк выражает «сожаление», что в «новейших статьях ряда историков» не используются мемуары, изданные после XX съезда. А вот факты: мемуары Жукова, Василевского, Москаленко, Еременко, Лелюшенко в этих материалах представлены достаточно широко.

Совершенно неосновательно Мерцалов рассматривает как «апологетическую» позицию авторов, стремящихся познать противоречивость Сталина и тем самым не разделяющих его, Мерцалова, неправильную позицию об однозначности Сталина.

Выше мы приводили совершенно справедливое замечание П. Лушева о недопустимости пользоваться различными непроверенными данными и положениями. Но Мерцалов пользуется этим во всю. Так, он сочувственно цитирует высказывание генерала Х. Мансурова (Московские новости. — 1988. — № 29), что «трудно представить большую глупость в государственной политике», чем разрушение системы УРов на старой границе в тот момент, когда еще не были построены новые. Во-первых, вопрос об УРах при всей его важности — это еще не вся «государственная политика», как утверждает генерал. Во-вторых, и ему, и Мерцалову следовало бы знать изложение этого вопроса маршалом Жуковым. Он описывает трудности и споры, имевшие здесь место, но вывод его непреложен: «УРы на старой государственной границе не были ликвидированы и полностью разоружены, как об этом говорится в некоторых мемуарах и исторических разработках» (Жуков Г. К. Указ. соч. — С. 238). Вопрос о том, кто здесь более компетентен, маршал или генерал, в обсуждении не нуждается.

Неизвестно, на какие именно воспоминания адмирала Исакова опирается Мерцалов, когда приводит будто бы его слова, что в первые дни после нападения немцев Сталин находился в состоянии, «близком к прострации». Если адмирал так сказал, то это свидетельствует о его незнании дела. Полным опровержением этого является известный факт, что сразу же после начала войны партии и правительство был принят ряд важнейших мер по организации отпора врагу. Так, 25 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение об увеличении производства танков и артиллерийских тягачей. В тот же день Политбюро ЦК рассмотрело вопрос о положении в области труда. 26 июня был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о режиме рабочего времени, 29 июня СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали знаменитую Директиву, определившую пути превращения страны в единый боевой лагерь под лозунгом «Все для фронта, все для победы». 30 июня 1941 года был создан Государственный Комитет Обороны. 3 июля И. В. Сталин вы-

ступил по радио со своей исторической речью. Ничего себе «прострация»! А ведь нелепо думать, что все это делалось помимо Сталина. Как раз наоборот!

Неизвестно также, на что опирается Мерцалов, когда приписывает генералу Хрулеву слова о полном параличе Ставки в «течение первых недель войны». Кто же руководил боевыми действиями, в ходе которых, несмотря на все неудачи, Советская Армия воевала героически и наносила врагу огромный урон? На самом деле генерал Хрулев в своих мемуарах писал совсем другое. Он сообщал, в частности, что в ГКО и Ставку непрерывно являлись военные руководители, наркомы и другие ответственные лица не только по вызову, но и по своей инициативе, если у них возникали крупные и неотложные вопросы. Заседаний тогда в обычном понимании не было. Процедура согласования была упрощена до предела (См.: Военно-исторический журнал.— 1961.— № 7). Вот это «полный паралич»! И здесь фальсификация правды. Отметим попутно, что работа ГКО и Ставки в годы войны пока что освещена очень слабо, архивных материалов в научный оборот вовлечено мало. Сейчас появилась возможность значительно поправить дело. В архиве имеются стенографические записи заседаний ГКО, ЦК и СНК, сделанные в годы войны известным советским экономистом Я. Е. Чадаевым. Материал надо как можно быстрее обработать и дать возможность исследователям пользоваться им.

Мерцалов явно принадлежит к тем «теоретикам», которые сконструировали следующую «модель»: ко всему хорошему, что было в нашей истории, Сталин не имеет никакого отношения, во всем негативном виноват только Сталин. При этом игнорируется непреложный факт: всей борьбой народа руководила партия, а во главе ее 29 лет находился Сталин. Значит,

на его счету и то, чем мы гордимся, и то, что мы отвергаем. Всякая иная позиция неверна и ненаучна. Напомним еще раз доклад М. С. Горбачева от 2 ноября 1987 года: «...руководящее ядро партии, которое возглавлял И. В. Сталин, отстояло ленинизм в идейной борьбе, сформулировало стратегию и тактику на начальном этапе социалистического строительства, получило одобрение политического курса со стороны большинства членов партии и трудящихся». Только из этой принципиальной оценки следует исходить.

Абсурдным является мнение Мерцалова («мой взгляд», как он скромно именует его), будто не было объективных причин неудач нашей армии в начале войны. Как ему доподлинно известно, и, видимо, только ему одному, причиной этого «были преступные просчеты Сталина, его политического и военного окружения». Что значит «преступные»? Сталин и его окружение намеренно вели линию на поражение наших войск? Такой вывод следует из «исследований» Мерцалова. Конечно, были допущены просчеты и ошибки в подготовке к войне. Об этом подробно писали Жуков, Василевский и другие полководцы, об этом сказал Сталин на приеме в Кремле по случаю Парада Победы в июне 1945 года. Но все это принципиально иное, чем вывод Мерцалова.

Мерцалов тшится опровергнуть тезис о том, что немцы напали на нас внезапно. Но здесь опять-таки одни слова, никаких доводов, аргументов.

Мерцалов утверждает, что Германия к началу войны лишь в незначительной степени использовала ресурсы порабожденных стран. Серьезные советские исследователи давно выяснили этот вопрос. Соотношение германского и советского производства важнейших видов стратегических материалов в 1940 году видно из таблицы.

Т а б л и ц а *

Продукция, млн. т	Собственно Германия	Германия вместе с сателлитами и оккупированными странами	Советский Союз
Уголь в пересчете на каменный	251,9	391,2	153,7
Сталь	19,1	30,9	18,3

* Шаги пятилеток. — 1968. — С. 115.

Фашистская Германия опережала СССР и в производстве других видов промышленных средств производства. Лишь по нефти положение было иным. Мерцалов, видимо, не знает, что угольные шахты, сталелитейные и машиностроительные заводы Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Польши, нефтедобывающие предприятия Румынии, Венгрии, Австрии достались немецким захватчикам со всем их оборудованием. Здесь Мерцалов ошибочно считает, что правду говорят не советские ученые, а авторы десятилетия

«Германская империя и вторая мировая война», изданного в ФРГ, которые пытаются, как многие другие «объективные» западные авторы, обелить, елико возможно, германский фашизм, оаспространить миф о «превентивной» войне Гитлера против СССР.

Как Астафьев в отношении упомянутого 12-томника, так и Мерцалов в отношении издающегося 10-томника об истории Великой Отечественной войны твердят о некоей «макулатуре». Почему, собственно, новый труд о войне должен стать обязатель-

но «ведомственной историей», как полагает читатель статьи Мерцалова Г. Романов? Оба они проявляют недопустимое охаивание коллективных трудов советских военных историков и ученых. Десятилетник, конечно, выходит под руководством Министерства обороны СССР, но отнюдь не «ведомственным» изданием. Подготовка его поручена знатокам дела — сотрудникам Института военной истории, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории СССР. Что же, Мерцалов лучше решит эту задачу?

И абсолютно не прав Мерцалов, когда считает, что в этом деле «не нужно спешить». Здесь работать надо, конечно, со всей научной тщательностью, но быстро, в духе ускорения социально-экономического развития в период перестройки. Народ проявляет закономерный повышенный интерес к истории нашего общества, в том числе к истории Великой Отечественной войны. И здесь нельзя руководствоваться принципом помочь делу, ничего не меняя. Работать надо быстро.

Теперь о М. Семиряге. У него навязчивая, но абсолютно нереальная идея: «доказать» ошибочность подписания договора о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 года. Этот акт давно проанализирован в нашей научной исторической литературе, и оценка его подтверждена в докладе М. С. Горбачева 2 ноября 1987 года, в котором сказано: «Говорят, что решение, которое принял Советский Союз... не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вызванными из контекста времени. И в этих условиях вопрос стоял примерно так же, как во время Брестского мира: быть или не быть нашей стране независимой, быть или не быть социализму на Земле».

Кажется, исчерпывающе ясно. Но Семиряга заявил на обсуждении указанного 10-томника в Институте военной истории: «Это самый негативный договор, который можно себе представить. Ведь в результате его заключения выиграли не мы, а фашисты» (Военно-исторический журнал. — 1988. — № 9. — С. 16). На этом совещании специалистов Семиряга, как говорится, «не прошел». После этого он опубликовал статью в «Литературной газете» (1988. — 5 октября) на ту же тему. Здесь он выдвигает два вопроса: был ли для СССР выгоден этот договор и была ли здесь альтернатива, адекватная интересам страны? На оба вопроса он дает неправильные ответы.

Автор признает, что СССР выиграл полтора года драгоценного времени. Но в чем этот выигрыш, он, собственно, не показывает, ограничиваясь лишь данными о формировании новых дивизий. При таком освещении «драгоценное время» вовсе не является таковым. Автор замалчивает главное: за указанные полтора года наша страна резко прибавила в развитии тяжелой индустрии — базы обороноспособности страны и в оснащении Красной Армии новейшей военной техникой. Приведем ввиду недостатка места лишь некоторые фактические данные.

Так, в 1940 году СССР произвел: 18,3 млн. т стали против 17,7 в 1937-м; 165,9

млн. т угля против 128; 31,1 млн. т нефти против 28,5; 58,4 тыс. штук металлорежущих станков против 48,5 и т. д. В стране создавались резервы и мобилизационные запасы металла, топлива, продовольствия. Значительно ускорилось развитие авиационной, танковой, артиллерийской промышленности и других оборонных отраслей. В 1940 году авиапромышленность выпустила 8331 боевой самолет, были приняты на вооружение новые артиллерийские орудия образца 1939 года. С 1939-го по июль 1941 года промышленность выпустила 82 тыс. орудий и минометов. В 1938—1940 гг. на флотах были заново сформированы бригады подводных лодок.

Но, как известно, было сделано не все, что следовало, — не хватило времени. Поэтому в начале Великой Отечественной войны немцы превосходили Советскую Армию по многим показателям. Что же было бы, если по «стратегии» Семиряги не заключили бы договор с Германией? Ответ ясен.

Конечно, немцы также использовали в интересах укрепления вермахта это время. Ну, и что же? Все явления в мире противоречивы. Это было, несомненно, противоречие нашего договора с Германией, но альтернативы тогда не существовало. Несмотря на большие достижения в подготовке страны к обороне, советское руководство отчетливо видело и незавершенность, и слабость в этом деле. Начавшаяся вскоре война с Финляндией это наглядно подтвердила.

Автор неправильно оценивает военнополитическую обстановку к моменту подписания пакта Риббентроп — Молотов. Без всяких оснований он заявляет, что опасность для СССР войны на два фронта была якобы сильно преувеличена. Но это бесспорный факт. Он не понимает, что договор с Германией дал возможность СССР разрушить коварные планы Англии и Франции разрешить межимпериалистические противоречия в Европе за счет СССР. Договор разобщил империалистов, не дал им сплотиться в едином фронте против нашей страны.

Семиряга фактически попадает в плен буржуазной историографии, утверждающей, будто вторая мировая война началась в результате договора между СССР и Германией. Не считаясь с известными фактами, он пишет: «...не исключено, что, не будь договора, Германия вообще не рискнула бы ввязаться в военную авантюру против Польши...» Такая позиция раскритикована в упомянутом докладе М. С. Горбачева прямо-таки для автора статьи.

Все сказанное, даже очень кратко, позволяет по достоинству оценить «альтернативу» договора от 23 августа 1939 года, предложенную автором. Он так характеризует ее: «...Советский Союз отвергает предложение Германии... и одновременно терпеливо, но упорно добивается заключения военного соглашения с Англией и Францией». Семиряга забывает, что СССР длительное время именно «терпеливо и упорно» предлагал Англии и Франции обеспечить необходимые меры для достижения коллективной безопасности, обузда-

ния агрессора. Но, движимые своими узкими классовыми интересами, западные державы не пошли на это да еще вынудили капитулировать Бенеша. Так что «альтернатива», предложенная автором, существует только в его воображении. На самом деле ее не существовало.

Наконец, еще об одном «критике» нашей военно-исторической литературы — И. Золотусском. Прямо с какой-то злобой он называет многотомными «опусы» исследования по истории Великой Отечественной войны. По его мнению, с ними соседствовали «многосерийные кинороманы, где Сталин и Гитлер благополучно управляют народами...» (Новый мир.—1989.— № 1.— С. 241). Нет слов, в свете современных требований многое в этих произведениях требует корректировки. Но совершенно неверным является утверждение Золотусского, будто «в этом была своя цель — обслужить верхние этажи власти» (там же). Нет, совсем другую цель преследовали военные историки и режиссеры: показать великий подвиг советского солдата и всего советского народа, спасших мир от гитлеровской чумы.

При изложении истории войны и оценке военно-исторической литературы нужны компетентность и честность. Эти качества были в полной мере присущи маршалу Жукову. Даже безвинно пострадав от Сталина, он был выше личных обид и объективно оценивал его. Новое свидетельство этому — когда-то опубликованная в «Правде» часть не изданных ранее его мемуаров. Он показал в этой статье «Коротко о Сталине», что тот, как правило, не принимал решений без консультации со специалистами, что после Курской дуги он стал неплохо разбираться в военном деле, наконец, что автор благодарен

Сталину за то, что тот не произнес в адрес маршала ни одного плохого слова. Так Г. К. Жуков выбивает почву из-под ног любых золотусских.

К сожалению, определенные ошибки в освещении Великой Отечественной войны допускаются и известными специалистами, хотя, конечно, у них нет таких утверждений, которые мы подвергли критике выше. Но вот В. Морозов справедливо критикует Н. Павленко и В. Кулиша, считающих, будто во время войны никакой Ставки Верховного Главнокомандования не существовало, «а было лишь одно лицо» (И. В. Сталин), которое самочинно узурпировало всю политическую и военную власть и занималось в годы войны лишь тем, что все время «допускало одни ошибки» и принимало по военным вопросам явно «младенческие решения» (Книжное обозрение.— 1989.— № 5.— С. 5). Может быть, такие «младенческие» мысли следует адресовать авторам, особенно в отношении Ставки? Ведь товарищи Павленко и Кулиш прекрасно знают, что написано о Ставке Жуковым, Василевским, Коневым, Штеменко и другими военачальниками. Поэтому вполне прав В. Морозов, когда пишет, что нельзя «согласиться со столь экстремистскими суждениями, которые находятся в явном противоречии с фактами, исторической действительностью» (там же).

Советская военно-историческая наука решает сейчас новые, крайне ответственные задачи, выдвинутые перестройкой. И здесь очень вредны перегибы. Здесь требуются, как никогда ранее, абсолютная достоверность, объективность, недопущение сараханья из одной крайности в другую. Нужна только полная правда!

С интересом прочел в «ВИЖе» № 10 — 1990 г. предполагаемый оригинал рецензии В. Коротича на книгу «Воспоминания» Л. И. Брежнев и материалы, относящиеся к рецензии.

Вы настойчиво пытаетесь доказать, что рецензию, а также «реплику» написал «советский писатель, поэт, известный журналист» В. Коротич. Но это ваше утверждение находится в вопиющем противоречии с тем очевидным фактом, что уникальная рецензия и «реплика» в действительности принадлежат перу малограмотного человека, совершенно не способного успешно трудиться на указанных высокоинтеллектуаль-

ных поприщах! В опубликованном вами тексте «Коротича» больше дюжины орфографических ошибок! Например, «Жизнь всей советской страны и жизнь нынешнего Генерального секретаря ее партии начиналась с преодоления» (с. 83) вместо «Советской»; «До чего-де принципиальна и доказательна эта победа!» (с. 85) вместо «до чего же» и т. д.

В попытке связать концы с концами в этой запутанной и неблагоприятной истории могу предложить две не слишком вероятные версии: а) рецензия написана не Коротичем (так же, как и сами «Воспоминания» не Л. И. Брежневым), б) грубые грамматические ошибки в тексте всего лишь редакционные «ляпы».

А что может сказать по этому поводу редакция «ВИЖа»?

И. П. ОСЕТРОВ
(Москва)

От редакции. Вопрос этот надо адресовать В. Коротичу, а не нам. Мы так же, как и И. П. Осетров, ждем ответа от автора рецензии.

ВЕТРОВ, ОН ЖЕ— СОЛЖЕНИЦЫН

*По документальной повести Л. А. Самутина
«Не сотвори кумира», часть которой была опубликована
в 9, 10 и 11-м номерах нашего журнала,
в редакцию поступает много писем с различными мнениями о ней.*

*Читатели интересуются: неужели о событиях,
о которых говорится в повести, стало известно лишь недавно?*

Нет, за рубежом об этом говорят давно.

*В этом номере мы перепечатываем статью
из независимого ежемесячного журнала*

«Нойе политик» (№ 2. — 1978. — Гамбург).

*Она была помещена под заголовком «Советской службе безопасности.
Сообщение провокатора Ветрова — он же Александр Солженицын.*

Из посмертных документов Франка Арнау».

*Мы это делаем также и потому,
что 19 октября сего года газета «Книжное обозрение»
опубликовала письмо вдовы Л. А. Самутина,*

*в котором утверждается, что повесть написана под диктовку КГБ.
Думаем, что тем интереснее узнать мнение и другого автора о Солженицыне.*

11 февраля 1976 года в Швейцарии умер выдающийся криминолог и писатель Франк Арнау. Вплоть до самых последних дней своей жизни он являлся неумолимым борцом за правду и право. В последнее время он также еще работал над рукописью книги, которой дал рабочее название «Борода снята» и для написания которой произвел многочисленные расследования, приведшие его также в Советский Союз. При этом его занимал миф, возникший на Западе вокруг личности Александра Солженицына и который поддерживается кругом людей, желающих возрождения холодной войны. Между тем обстановка вокруг Солженицына на политической арене стала несколько спокойнее.

Если мы сегодня кое-что публикуем из рукописи книги Франка Арнау, которую не хотело принимать ни одно издательство, хотя автор отпосылался к тем, кому, как говорится, сопутствует успех, то не произойдет ничего такого, что повредило бы лично Александру Солженицыну, а явится лишь заслуженной данью работе Франка Арнау. Публикация

осуществляется с согласия жены и нотариуса покойного.

Александру Солженицыну придется дать ответ, признает ли он аутентичным (подлинным. — Прим. пер.) найденный Арнау и затем переведенный на немецкий язык документ, который, должно быть, написан его собственной рукой, или он считает этот документ также одной из тех фальшивок, о которых он предупреждал в заявлении прессе, опубликованном также в «Нойе Цюрихер цайтунг» 30/31.5. 1976 года, после того, как он узнал о существовании определенных документов, в том числе документов из архива Франка Арнау.

Редакция

* * *

Бог мой, да он правее самих царей!

Генри Киссинджер об Александре Солженицыне («Франкфуртер Альгемайне цайтунг», 5 мая 1976 г.)

Что общего между «Ветровым» и Солженицыным?

Во втором томе «Архипелага ГУЛАГ» на страницах с 346 по 355 немецкого издания подробно изложено, как лауреат Нобелевской премии по литературе Солженицын в лагере был завербован КГБ. Ему была присвоена и признана им письменно кличка «Ветров»: «Ветров» — Солженицын.

Это признание известно из сотен тысяч экземпляров. Свидетельством этому служит подписка, данная им офицеру КГБ, о которой он сам рассказал.

С ошеломлением и с некоторым смущением поэтому было воспринято то, что было опубликовано некоторыми органами печати, такими, как берлинская «Тагесшпигель» от 27 мая, в качестве сообщения ДПА из Парижа: «Советский писатель и лауреат Нобелевской премии в области литературы Солженицын обвинил советскую службу безопасности КГБ в распространении фальшивых документов, которые изображают его провокатором КГБ во время пребывания в лагере. По данным Солженицына, который нашел в Швейцарии свою вторую родину, советская служба безопасности передала так называемое письмо корреспондентам западной прессы для того, чтобы обвинить его в связях с КГБ в прошлом. С тем чтобы наиболее достоверно имитировать его почерк, КГБ якобы получил от его первой жены несколько писем, которые он написал ей из лагеря».

В этом случае признание Солженицына становится еще более бессмысленным: зачем, собственно говоря, советской службе безопасности раскошелиться лишь для того, чтобы тайно подкинуть западным журналистам письменные документы, тем более «сфабрикованные», которые изобличают «Ветрова»/Солженицына как их собственного провокатора, если об этом сообщает сам Солженицын в течение многих лет в новых и новых изданиях?

Все же Солженицын сам вновь ставит вопрос, который, как нам известно, вначале был публично поставлен криминологом и писателем Франком Арнау, умершим в феврале 1976 года: почему же, собственно говоря, Солженицын сделал это

малоукрашающее его и известное ограниченному кругу людей признание?

В первой главе одной из написанных и до сих пор еще не опубликованных работ Арнау указывается, что этому имеются два толкования: «Солженицын опасался, что его связь могла бы быть публично предана гласности на Западе органами КГБ в невыгодном для него свете или он благодаря собственной публикации хотел дискриминировать на собственном опыте порочную систему вербовки провокаторов в лагере органами КГБ... Никто не обязан верить утверждениям Солженицына о том, что он никогда не представлял КГБ донесений в письменной форме. Столь же мало есть оснований пренебрегать утверждением, что его интерпретация является неверной».

Насколько известно близкому ему окружению, Арнау собрал объемный материал по делу «Ветров»/Солженицын и неоднократно официально заявлял публикацию на эту тему.

Сегодня мы можем познакомить наших читателей и общественность с некоторыми документами из архива, которые, вероятно, смогут в некоторой степени пролить свет на подоплеку сделанного в свое время заявления Солженицына¹, по которым едва ли могли бы вызвать симпатии советских учреждений. Вы являетесь свидетелями еще одного сговора в ущерб третьему².

В ходе своих расследований Арнау с 10 по 14 сентября 1974 года находился в Москве, где по его желанию ему были предоставлены встречи с целым рядом лиц. Между тем он также встретился по крайней мере с одним человеком, встреча с которым, очевидно, не была предусмотрена программой.

В результате этой встречи Арнау сделал следующую запись: «Как я уже доказывал перед общественностью, С., несомненно, признался во

¹ См. «Нойе Цюрихер цайтунг» от 30/31.5.1976 г.

² Как уже вышеприведенный текст из посмертной рукописи Арнау, так и последующая документация страница за страницей заверены инициалами Э. А. — Этта Арнау, вдова и литературный секретарь ученого и писателя.

втором томе «ГУЛАГа» на странице 346 и последующих, что он являлся доверенным лицом «органов» и работал в качестве агента КГБ в лагере под кличкой «Ветров». Насколько я смог сделать логический вывод из других обстоятельств, единственной явной причиной для С. донести на самого себя явилось беспокойство о том, что, несмотря на его надежды на то, что все документы в ходе реабилитации уничтожены, а всех его личных врагов заставили молчать или они молчат по другим причинам, никакой абсолютной безопасности нет.

Если, как я уже неоднократно свидетельствовал, просто не умещается в рамки здравого смысла то, что сотрудники КГБ, так подробно описанные им, довольствовались лишь его подписью под обязательством и которые либо не требовали за это никакой отдачи с его стороны, либо должны были довольствоваться малозначительными материалами, как хочет заставить поверить в это С., то я теперь имею в руках документальное свидетельство его активной деятельности. Мне ясно, что злобные нападки защитников С. и все попытки блокировать мои неподтвержденные высказывания о С. перед мировой общественностью в конечном счете, видимо, основываются на том, что мое предположение стало бы доказательством сознательной преступной агентурной деятельности С. в пользу КГБ и использовалось бы в целях личной мести. Знаменательно то, что в моей многочисленной корреспонденции с издательствами и ведущими газетами именно с моей стороны был предложен такой подход к делу: чтобы я с точки зрения научной криминалистики смог изобличить С. с помощью документального материала, однако другая сторона это до сих пор не приемлет.

Для того чтобы не допустить, чтобы этот основной изобличающий документ, который в связи с признанием С. — также, правда, прочитанным лишь немногими покупателями «Архипелага» — о том, что он давал обязательство работать в качестве агента КГБ, представляет собой неопровержимое доказательство

его преступной деятельности — рассматривался в ущерб другим лицам, я не намеревался использовать в печати этот абсолютно убийственный для репутации С. на Западе материал, а собирался придержать его в качестве основного момента, несмотря на все возражения, для книги, которую я должен написать о Солженицыне».

В документе, названном Арнау «основным изобличающим», речь идет о рукописном доносе «Ветрова» с некоторыми ведомственными пометками на полях (см. факсимиле).

Немецкий перевод в том варианте, который взят из архива Арнау, гласит:

Совершенно секретно
Донесение с/о «Ветров»
от 20.1.52 г.

В свое время мне удалось, по вашему заданию, сблизиться с Иваном Мегелем. Сегодня утром Мегель встретил меня у пошивочной мастерской и полузагадочно сказал: «Ну, все, скоро сбудутся пророчества гимна, кто был ничем, тот станет всем!» Из дальнейшего разговора с Мегелем выяснилось, что 22 января з/к Малкуш, Коверченко и Романович собираются поднять восстание. Для этого они уже сколотили надежную группу, в основном, из своих — бандеровцев, припрятали ножи, металлические трубки и доски. Мегель рассказал, что сподвижники Романовича и Малкуша из 2, 8 и 10 барачных должны разбиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать «своих». Далее разговор дословно: «Она же займется стукачами. Всех знаем! Их кум для отвода глаз тоже в штрафник затолкал. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит службы и краснопогонников. Вот так-то!» Затем Мегель рассказал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электродвигок в зоне.

Ранее я уже сообщал, что бывший полковник польской армии Кензирский и военлет Тищенко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают деньги. Теперь я окончательно убе-

Донесение с/о, Ветров от 20.1.52 г.

В свое время удалось, по моему заданию, обм. зная с заданием Мелем. Сегодня утром Мелем встретил меня в приемной гостерского конуладожно сказал: "Ну, вы, скорее всего, пророчества гинна, что был миди, вот строит себя!" Из дальнейшего разговора Мелем выяснилось, что 22 января зк Малкум, Коваленко и Романович собираются поднять восстание. Мелем это они уже сплотили надежную группу, в которой, из своих - бандеровцев, припрятали кошки, резиновые трубки и доски. Мелем рассказал, что сподвижники Романовича и Малкума из 2, 8, и 10 бараков должны разделиться на 4 группы и начать одновременно. Первая группа будет освобождать "своих". Далее разговор подробнее: "Она же займется и сгуща- ния. Всех знаем! Их тут для отвода глаз тоже в штрафник заточил. Одна группа берет штрафник и карцер, а вторая в это время давит сущих и краснопоярников. Вот так-то!" Затем Мелем рас- казал, что 3 и 4 группы должны блокировать проходную и ворота и отключить запасной электропровод в зоне. Ранее я уже сообщал, что бывший полковник поль- ской армии Кендирский и воевода Тинченко сумели достать географическую карту Казахстана, расписание движения пассажирских самолетов и собирают данные. Теперь я окончательно убежден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-видимому, хотят использовать его для побега. Это предположение под- тверждается и словами Мелем "а палатка-то, враще- ущие всех хочет быть, ну, посмотрим!"

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время доминируют над подозрительными расправками.

Верно: Ветров
Нат. Агасян 20.1.52. -
решения и сверхработы Столгоу

жден в том, что они раньше знали о готовящемся восстании и, по-ви- димому, хотят использовать его для побега. Это предположение под-

тверждается и словами Мегеля «а полячишка-то вроде умнее всех хочет быть, ну, посмотрим!»

Еще раз напоминаю в отношении моей просьбы обезопасить меня от расправы уголовников, которые в последнее время донимают подозрительными расспросами.

Ветров
20.1.52

Пометка на полях: «Доложено в Главное управление лагерей МВД СССР. Усилить наряды охраны автоматчиками». Подпись. Пометка внизу: «Верно: начальник отдела режима и оперработы». Подпись (та же, что на полях).

К этому документу Арнау 13 сентября 1974 года надиктовал на магнитофон запись следующего содержания: «В беседе с В., профессором С. и фрау Р. неоднократно высказывалось мнение, что С. занимал в лагере «доверительные позиции». Я предполагаю, что один из моих собеседников рассказал знакомым о моем посещении. В гостиницу «Россия» мне позвонил кто-то на ломаном немецком языке, и я затем встретился в холле с одним мужчиной. Он представился мне, назвав себя, и дал свой точный адрес. Я намереваюсь во время моего посещения Советской России встретиться с ним, если получу разрешение, посетить его по месту жительства с тем, чтобы самому проверить его условия жизни. Особо важным было бы для меня узнать из государственных учреждений на месте, действительно ли он реабилитирован и каковы условия жизни такого реабилитированного человека. Я не могу исключить, что этот человек был подослан, но не верю в это. У меня сложилось мнение, что он говорит и ищет правду, поскольку он в течение многих лет имел большие трудности. Он показал мне копии писем и петиций, направленных во все возможные официальные инстанции, хотя я их не мог прочесть, их адресовка, кажется, подтверждала его высказывания.

К. сообщил мне, что вся его жизнь была и сейчас тесно связана с С. Он передал мне один документ, который он мне грубо перевел, так что я понял его основное содержа-

ние (точный его перевод, как перевод и других документов, будет сделан нотариальным переводчиком). Из него вытекает, что все предположения относительно «доверительной позиции» С. в ГУЛАГе далеко выходят за рамки всего ранее предполагавшегося*. К. поклялся передо мной в подлинности почерка С. Он заявил мне, что этот документ был предъявлен в ходе одного из процессов по реабилитации одного третьего лица и, к счастью, сохранился у одного адвоката. Он получил документ от этого адвоката, который исходил из того, что документ может быть полезен для собственной возможной реабилитации. Однако, к сожалению, он не может использовать документ сам, поскольку владение совершенно секретным материалом может быть расценено как дополнительное преступление и даже может привести к наказанию.

В связи с изменившейся общей обстановкой и тем обстоятельством, что сейчас на Западе кое-что публикуется из того, что у него в собственной стране запрещено, он хотел бы передать этот документ мне. Поскольку в нем назывались многие фамилии, невозможно непосредственно определить среди них его.

По поводу происхождения документа он заявил мне: «Без сомнения, это типичное донесение одного «стукача» (как он мне сказал — это «профессиональное название»** агента, давшего обязательство о сотрудничестве, среди заключенных) «куму» (это человек, который по поручению лагерного руководства дает этим агентам задания и получает донесения о настроениях, доносы и т. д.).

* В статье «Архипелаг судьбы» Льва Коллодного говорится: «...в этом лагере некий настойчивый сотрудник органов сумел-таки вынудить еще не закаленного ээка Солженицына подписать обязательство «сообщать оперуполномоченному лагучастка о готовящихся побегах заключенных», получив от него в результате такой договоренности первый псевдоним — Ветров... Что было бы дальше — остановился бы настойчивый оперуполномоченный на достигнутом или постарался развить успех, — никто, даже автор «Архипелага», не знает, потому что вскоре после этого падения ээку Солженицыну велели собраться с вещами» (Московская правда. — 1989. — 5 декабря).

** Так в статье Ф. Арнау.

В данном случае, хотя документ и подлинный, фактические события были полностью искажены, что привело к страшным последствиям.

В действительности в лагере не планировалось никакого восстания, небольшая группа заключенных лагеря «Песчаный» (находился вблизи Караганды) намеревалась 22 января 1952 года пойти к руководству лагеря, чтобы просить его перевести некоторых других заключенных, которые сидели в карцере (усиленный арестантский режим), в обычный лагерь. Кроме того, они хотели добиться, чтобы и в этом лагере разрешили посещения родственников, получение посылок и т. д.

В связи с тем, как заявил с возбуждением К., что Ветров представил подготовку всего этого как вооруженный заговор «бандеровцев» (т. е. украинских националистов, которых лагерное руководство всегда считало особо опасными и соответственно относилось к ним), это привело к тяжелым последствиям.

В действительности на документе начертан приказ ГУЛАГа — «усилить лагерную охрану автоматчиками».

К. сообщил мне, что 22 января 1952 года в действительности образовалась группа заключенных и направилась к руководству лагеря. Раздались выстрелы. Возникла большая паника. К. полагает, что многие из этой группы были убиты.

Тогда, 22 января 1952 года, реакция лагерной охраны была для К. непонятной. Когда в его руки попал документ, ему стало ясно, что реакция охраны была вызвана донесением «Ветрова» о якобы готовящемся вооруженном восстании.

К. заявил мне, что ему абсолютно точно известно, что во время этой стрельбы названный в документе С. («Ветровым») информант Иван был убит прицельным выстрелом в голову. Это был применявшийся в лагерях метод устранения людей, которые могли быть опасными для секретных осведомителей лагерного руководства.

Далее, как он вспоминает, С., он же «Ветров», сразу же после стрельбы был переведен в лагерный лаза-

рет, который находился в отдельной зоне от других заключенных. С тех пор как он получил в руки документ, для К. стало совершенно очевидным то, что это явилось мерой защиты, которую выклянул сам «Ветров», от мести заключенных.

К. обратил мое внимание также на то, что для моих расследований было бы полезно разыскать некоего Трофимова, полный адрес которого он мне дал. Этот Трофимов являлся, должно быть, инициатором мирно задуманного обращения к руководству лагеря. В связи с трагическими последствиями он был отдан под суд с обвинением в подготовке вооруженного восстания. Он получил за это 25 лет.

Сейчас Трофимов реабилитирован. На суде в то время Т. напрасно просил судей вызвать С. в качестве свидетеля его невиновности, надеясь, что С. сообщит действительное положение вещей. Просьба Т. была отклонена со ссылкой на якобы отсутствие С., которого якобы перевели в другой лагерь.

В осторожных выражениях, которые я все же могу совершенно однозначно истолковать, К. намекнул, что эта техническая «невозможность» вызова С. на суд также относилась к обычным трюкам, с помощью которых «органы» охраняли своих доверенных лиц.

Во время моей будущей поездки посещение Трофимова стоит на первом месте моей программы».

Друзья Арнау не хотят исключать возможности того, что как Солженицыну и его советчикам, так и КГБ между тем известно о существовании этих документов, занявших обе страницы.

Незадолго перед своей смертью Арнау высказал своему коллеге-писателю предположение о том, что недостаточный успех его интенсивных усилий в плане публикаций в возможных издательствах и редакциях может быть объяснен не только вмешательством сторонников Солженицына. Даже издательство, которое ориентировано на Германскую коммунистическую партию, после первоначального согласия, уже согласованного устно проекта также отказалось.

Время собирать камни...

Совсем немного времени прошло с тех пор, как мы получили в дар редкую книгу — «Пажеский Его Императорского Величества корпус за 100 лет», изданную в 1902 году в Петербурге. Именно с этой книги все и началось. Ведь совсем немногие сейчас знают о том, кто такие были пажи. К сожалению, тема русской армии была для нас закрытой, не совсем доступной. Только сейчас начинаешь понимать, как необходимо знать каждому историю прошлого, тем более если она непосредственно связана с нашим настоящим и будущим. Продолжая славные традиции, наше Ленинградское суворовское военное училище, занимающее бывшее здание Пажеского корпуса, решило возродить его историю. Дворец, принадлежавший корпусу, сооружен по проекту Растрелли в 1757 году. Владелец его был русский государственный деятель граф М. И. Воронцов. Долгое время здание использовалось по-разному, пока в сентябре 1810 года сюда не переехал Пажеский корпус — закрытое учебное заведение.

Пажеский корпус начинает свое летоисчисление с 1711 года, когда придворное звание паж вошло в обиход. При императрице Елизавете Петровне корпус стал официальным учебным заведением. В октябре 1802 года император Александр I придал заведению характер военно-учебного заведения и дал имя, которое оно носило до самой революции — Пажеский корпус Его Императорского Величества, осуществив тем самым план, начертанный несколькими годами прежде еще отцом.

По своей форме корпус был военно-учебным заведением высокого уровня. Он обеспечивал дежурными пажами двор и выпускал офицеров для службы в армии. Небольшой процент выпускников поступал на дипломатическую или гражданскую службу. Каждый паж был свободен решить, какую карьеру избрать.

Многие воспитанники корпуса оставили заметный след в русской истории. Это Д. С. Дохтуров — герой войны 1812 года, поэт Е. А. Баратынский, И. Ф. Паскевич — командующий войсками на Кавказе, В. П. Гурко — фельдмаршал, совершивший освободительный поход в Болгарию, А. П. Тормасов, командовавший 2-й русской армией в 1812 году, герой Севастополя князь В. И. Васильчиков, А. А. Брусилов и т. д.

Многие министры были пажами. Приведу несколько фамилий: С. А. Грейг (финансов), князь М. И. Хилков (путей сообщения), князь А. Н. Голицын (духовных дел и народного просвещения), князь А. И. Чернышев (военный министр). На дипломатической службе состояло много бывших пажей, включая министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа и послов: графа П. А. Шувалова (Берлин), графа С. Р. Во-

ронцова (Лондон), Н. П. Игнатьева (Константинополь).

Излишне объяснять, кому верой и правдой служили питомцы корпуса, чьи привилегии защищали. Однако именно в этом закрытом учебном заведении получали образование пажи, отличавшиеся свободомыслием. Среди них А. Н. Радищев, произведения которого являлись вершиной русской революционной мысли того времени. Из Пажеского корпуса вышли известные декабристы П. И. Пестель, П. Н. Свистунов, В. П. Ивашев. Изучал здесь науки и будущий русский революционер П. А. Кропоткин, которому мы обязаны его великолепными мемуарами о корпусе.

В мае 1890 года был основан музей Пажеского корпуса. Задача его состояла в том, чтобы возбудить интерес юношей к родному прошлому, желание способствовать освещению еще неясных его сторон. Были собраны мемуары, рисунки бывших пажей, печатные и рукописные материалы, относящиеся к истории Пажеского корпуса, план здания, альбомы фотографий бывших пажей и служивших в корпусе преподавателей, воспитателей, а также другие предметы. В православной церкви были оборудованы черные мраморные доски с именами погибших за Отечество выпускников Пажеского корпуса. Часть досок сохранилась до наших дней и находится в читальном зале библиотеки.

В настоящее время училище хотело бы возродить музей Пажеского корпуса. Уже проделана немалая работа в этом направлении. Имеются фотографии, воспоминания бывших пажей, книги из библиотеки Пажеского корпуса. Училищу подарен портрет бывшего директора корпуса Н. А. Епанчина и его воспоминания к 100-летию юбилею (подарок барона Фальц-Фейна). Воспоминания бывших пажей, редкие фотографии — дар музею господина Лайонса Марвина, проживающего в Канаде. Лайонс Марвин обладает бесценными сокровищами по истории Пажеского корпуса. У него имеется часть экспонатов музея корпуса. Налажены контакты с людьми, которые непосредственно были связаны с Пажеским корпусом. Это бывший паж М. И. Вальберг, ныне проживающий в Петродворце (он числился пажем 3-х и 4-х классов до 1917 г.), внучка бывшего директора корпуса А. Д. Бушена, внучка бывшего пажа Мандрыки, дочь пажа Сабанина, внучка бывшего командира роты Януша. Много материалов находится у нас в стране. Люди готовы передать их нам. Но нет самого главного — статута музея. Он необходим для дальнейшей работы, чтобы те, кто готов передать, и те, кто стоит у истоков возрождения музея, были уверены, что поступающие материалы не пропадут бесследно.

О. В. ПОПОВА,
заведующая библиотекой ЛенСВУ

КОНВЕРСИЯ

ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Среди проблем, связанных с задачами сегодняшнего дня, большой интерес у наших читателей вызывает конверсия* военного производства. В своих письмах они просят раскрыть это емкое понятие с точки зрения военных специалистов, рассказать о накопленном в нашей стране и за рубежом опыте перестройки оборонной промышленности, всех элементов экономики, связанных с военной сферой, уменьшением численности Вооруженных Сил, ликвидацией военных баз, объектов, учреждений, сокращением военной учебной деятельности, использованием в мирных целях военной техники, высвобождаемой в связи с сокращением Вооруженных Сил.

Редакция обратилась с просьбой прокомментировать эти вопросы к полковнику В. А. Шестакову и подполковнику А. К. Макаренкову.

* * *

ПЕРВАЯ советская конверсия проводилась в 1920—1924 гг. В этот период численность Красной Армии была сокра-

щена с 5 млн. до 562 тыс. человек. Военно-политическая и социально-экономическая ситуация как внутри страны, так и вокруг нее значительно отличались от сегодняшних. Строители нового общества в основной своей массе еще не были заражены пессимизмом негативного опыта прошлых лет и, охваченные энтузиазмом, поднимали страну из послевоенной разрухи.

Вторая конверсия в СССР проводилась в 1945—1947 гг. В этот период предприятия, производящие оружие и военную технику, делились уже на две группы. Одна группа объединяла заводы, которые до войны выпускали продукцию гражданского назначения. В отношении таких обсуждались вопросы, связанные с реконверсией, т. е. с переводом работы предприятий в прежнее русло. Другая группа была ориентирована на военное производство и до войны. В нее входили также заводы, построенные для военных целей в ходе войны. По отношению к этой группе осуществлялась конверсия военного производства. Послевоенный опыт перестройки промышленности представляет несомненный интерес в части планирования, финансирования и практических результатов конверсии и реконверсии военной промышленности.

Интересен также и тот факт, что работа по подготовке перспективного восстановления и развития народного хозяйства на 1945—1947 гг. началась уже в 1944 году,

* В переводе с латинского «конверсия» — превращение, изменение. Под конверсией военного производства понимается политический, экономический и технический процесс, обеспечивающий планомерное перемещение рабочей силы, оборудования и других экономических ресурсов, используемых в военных и связанных с ними целях, на альтернативные гражданские области.

когда предусматривалась послевоенная перестройка промышленности и впервые была сделана попытка разработки перспективного плана конверсии — планового перевода военной промышленности на производство гражданской продукции. В дальнейшем работа в этом направлении была прекращена и началась разработка плана восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг.

Перестройка народного хозяйства потребовала решения многих организационных, технических, технологических, кадровых, экономических, социальных и оборонных вопросов. Она осуществлялась централизованно при жестком планировании и управлении. При этом гражданская продукция изготавливалась на военных заводах, как правило, по документации, получаемой из других отраслей промышленности.

Первые один-два года перестройка народного хозяйства сопровождалась падением общего объема производства, так как сокращаемый объем военной продукции в эти годы не компенсировался увеличением выпуска товаров народного потребления.

Особенно неблагоприятное влияние оказывало внезапное сокращение заказов военной продукции на предприятиях, имевших низкую степень диверсификации, т. е. специализирующихся на узкопрофильных технологиях и оборудовании или изготавливающих конечную сложную военную продукцию, требующую разветвленной кооперации и высокой квалификации рабочих.

Третья конверсия была связана с односторонним сокращением численности Вооруженных Сил СССР в 1955, 1956 и 1960 годах в общей сложности более чем на 2 млн. человек и появлением нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения. Эта конверсия способствовала повышению благосостояния народа, но проводилась в условиях бюрократической централизации традиционными командными методами.

Современные условия проведения конверсии военного производства по своим масштабам, важности ожидаемых результатов и особенностям политической и социально-экономической ситуации (хозрасчет, кооперативное движение, демократизация, кризисное положение экономики, экологические проблемы, национальные вопросы), конечно, адекватных аналогов в прошлом не имеют. Но при разработке концепций государственных и отраслевых

планов конверсии предприятий следовало бы учитывать следующие моменты.

Эффективность осуществления конверсии военно-промышленного производства в значительной степени зависит от увязки намечаемых мер по сокращению численности и изменению структуры Вооруженных Сил, вооружения и оборонного бюджета с текущими и перспективными потребностями социальной сферы и гражданского сектора экономики страны, задачами в области внешнеполитических и экономических отношений.

Научная проработка, планирование и управление реализацией мер конверсии требуют существенно более полной информированности лиц, привлекаемых к этим работам. Для этого нужна рациональная организация взаимодействия специалистов оборонной и гражданской сфер производства с более тесными и интенсивными контактами органов государственного управления и сотрудников научно-исследовательских учреждений.

Оперативное управление реализацией мероприятий конверсии должно опираться на полномочия и правовые нормы, обеспеченные материальными и финансовыми ресурсами.

Масштабы, пропорции, сроки и формы конверсии военного производства, последовательность проводимых мероприятий должны устанавливаться с учетом экономической, социальной и экологической эффективности. И последнее. Величина и длительность спада производства в ходе конверсии в значительной степени зависят от заблаговременной подготовки предприятий, включающей: выбор альтернативной гражданской продукции, создание производственных мощностей для ее выпуска и подготовку необходимых кадров, а также от обоснованности политической необратимости этого процесса.

Не менее богатым опытом в этом направлении располагает история развития национальных экономик и других стран. Большой интерес представляет опыт США по практическому проведению конверсии военного производства после 2-й мировой войны, войн в Корее и во Вьетнаме.

Конечно, существуют различия в экономических условиях и организационных формах военной промышленности США и СССР, но имеется и много общего, особенно в концептуальном и практическом плане. Так, вопросы организации конверсии военного производства в США часто рассматриваются с учетом опыта прове-

дения реконверсии предприятий, работавших над выполнением военных заказов. Реконверсия военного производства в больших масштабах осуществлялась в США после 1-й и 2-й мировых войн, после окончания войны в Корее и в период завершения войны во Вьетнаме.

При этом проводится разграничение между конверсией и реконверсией военного производства. Под конверсией в США понимается перепрофилирование военных предприятий, производственных мощностей или непроизводственных объектов, которые были спроектированы и построены, а также оснащены специальным оборудованием, технологиями и кадрами для производства, обслуживания или эксплуатации только вооружения и военной техники.

Реконверсия касалась промышленных предприятий, выпускавших продукцию по военным заказам, но спроектированных и построенных для выпуска гражданской продукции. Производство военной техники было освоено на них лишь в экстремальных для страны условиях и на непродолжительный период (от 3 до 5 лет). В процессе реконверсии таким предприятиям возвращался их первоначальный профиль. Обычно реконверсировались производства, выпускающие продукцию двойного назначения (швейная, пищевая, нефтеперерабатывающая и др.), или предприятия таких производственных мощностей, где не требовалась смена отраслевого профиля в процессе перехода от выпуска военной продукции на гражданскую (отрасли машиностроения, химической, электротехнической промышленности и др.).

Различаются экономические и социальные условия и организационные формы, в рамках которых может быть осуществлен каждый из этих процессов. При реконверсии промышленные предприятия и их управленческие структуры возвращаются в привычные для себя условия и занимают привычные места на рынке и в системе кооперационных связей. При конверсии речь идет о смене предприятиями самого хозяйственного механизма, о переходе их от механизма затратного типа с двусторонней монополизацией (производителя и заказчика) к рыночной конкуренции. В социальном плане предприятия в ходе реконверсии, как правило, не меняют структуру своей рабочей силы. При конверсии эти изменения могут быть очень значительными, и связаны они с тем, что переход от гарантированного рынка госзаказов к ценовой рыночной конкурен-

ции требует как перестройки производственного аппарата, так и создания дополнительных служб в системе управления. Согласно исследованиям американских специалистов доля высококвалифицированных рабочих в военном производстве в 1,5 раза больше, чем в целом по обрабатывающей промышленности США, и составляет 20 проц. Сильно развиты подразделения научно-исследовательских и опытных конструкторских работ (НИОКР), особенно в таких высокотехнологических отраслях, как авиаракетная и электронная. В целом доля инженерно-технического и административного аппарата здесь ниже по сравнению с фирмами, работающими на коммерческий рынок и имеющими службы, связанные с маркетингом.

Итак, в ходе конверсии неизбежна ликвидация многих рабочих мест, которая влечет за собой увольнение персонала и перераспределение на другие участки, т. е. требуются программы переподготовки рабочей силы как на внутрифирменном (для министерства обороны — внутриведомственном), так и на государственном уровне. Стоимость и продолжительность перепрофилирования предприятий при конверсии значительно выше, чем при реконверсии. Поэтому особенно остро при конверсии предприятий, работающих под контролем министерства обороны США, ставится проблема повышения эффективности производства.

После окончания двух мировых и корейской войн в процессе перехода от военного производства к гражданскому речь шла преимущественно о смене ассортимента выпускаемых товаров, об использовании мощностей оборонных предприятий для выпуска гражданской продукции. В ходе завершающего этапа войны во Вьетнаме встал вопрос о структурной перестройке промышленности, в рамках которой предстояло не переqualифицироваться, а полностью ликвидировать многие предприятия, сменить их отраслевой и рыночный профиль, внедрить ранее не применявшиеся технологии, обучить персонал принципиально новым профессиям. С этой целью осуществлялась частичная конверсия военного производства, а также непроизводственных объектов военного назначения. Обобщая опыт США, можно сделать следующие выводы:

1. Для организации конверсии, как более сложного процесса, чем реконверсия, требуется более продолжительный период планирования, а также выделение

большого объема ресурсов для реконструкции производственного аппарата военной промышленности, решение проблем занятости, профессиональной переподготовки рабочей силы, формирование органов управления соответствующими мероприятиями.

2. Мероприятия по преодолению социальных последствий конверсии и реконверсии в США после 2-й мировой войны и войны во Вьетнаме планировались еще до завершения военных действий. Они включали разработку программ, для реализации которых выделялись дополнительные ресурсы из федерального бюджета, формировались новые органы управления на уровне федеральных агентств или расширялись действующие.

3. Мероприятия правительства США социального характера в ходе конверсии и реконверсии были направлены прежде всего на обеспечение гарантий занятости работникам перепрофилируемых предприятий или увольняемым в запас военнослужащим при сохранении или повышении их квалификационного, образовательного уровня, при всемерном развитии у них навыков предпринимательства и умения вести собственное дело.

4. Осуществление частичной конверсии военного производства ведущими фирмами США путем диверсификации производства возможно по двум направлениям:

а) за счет расширения номенклатуры изделий, выпускаемых на базе уже существующей технологии производства, как, например, выпуска гражданской продукции на основе военных технологий;

б) путем освоения принципиально новых, непрофильных для компании рынков и видов хозяйственной деятельности, т. е. на основе изменения приоритетов инвестиционной политики создание новых или приобретение уже действующих предприятий и компаний.

Американский опыт показывает, что попытки внедриться на непрофильный рынок, наладить производство технически несложной продукции ведут к замедлению темпов роста эффективности промышленного производства и негативно сказываются на конкурентоспособности самих фирм. Вместе с тем освоение военно-ориентированными компаниями рынков продукции высокотехнологических отраслей, особенно производства принципиально новых видов наукоемкой продукции, не имеющей близких аналогов, способствует повышению конкурентоспособности и эффективно-

сти производства в промышленности в целом.

В настоящее время зарубежные специалисты также уделяют большое внимание оценкам экономической эффективности конверсии, которая будет осуществляться не в послевоенный период, а в условиях длительного периода мирного сосуществования в результате сокращения вооружений на основе международных договоров о разоружении и т. п. Поэтому в проводимых исследованиях ставятся вопросы о том, возможна ли экономически эффективная конверсия и приведет ли перевод военного производства в гражданское к серьезным социально-экономическим потерям, существуют ли реальные выгоды конверсии, сопоставимые с затратами на ее осуществление, и как выбрать рациональный вариант использования высвобождающихся ресурсов, а также другие принципиально важные вопросы. Разработан ряд эконометрических моделей, используемых для оценки экономического эффекта разоружения. С их помощью предпринимаются попытки измерить влияние различных сценариев разоружения и сокращения расходов на военно-научный потенциал, занятость, состояние экспортно-импортных потоков, структуру и общий уровень потребления и капиталовложений в стране. Проведенные расчеты показывают, что постепенное сокращение военных расходов и свертывание военного производства вызовет лишь кратковременное и незначительное снижение деловой активности. В более длительной перспективе разоружение будет способствовать экономическому росту в странах, экспортирующих и импортирующих оружие, а также в других странах, косвенно затронутых гонкой вооружения. Однако оценки, полученные на основе эконометрических моделей, весьма приблизительны. Это связано со сложностью проблемы, ее многоплановостью. Если некоторые последствия разоружения проявятся сразу, то другие — спустя некоторое время, через 1—2 года и более. Особо отмечается, что разоружение влияет и на различные стороны общественной науки, причем достаточно глубоко, но оценить это влияние на основе только анализа финансовых и материальных затрат не представляется возможным. Часть средств наряду с конверсионными мероприятиями должна быть израсходована на организацию и осуществление контроля за соблюдением положений международных договоров. Как показали оценки экономических последствий реализации договора по ра-

кетам средней и меньшей дальности, затраты на такой контроль будут особенно значительны на первых этапах разоружения.

Дискуссия по вопросам конверсии показывает, что ее эффективность нельзя оценивать по итогам двух, трех и даже первых пяти лет, так как именно в эти годы должны быть проведены расходы на перепрофилирование предприятий, перестройку кооперационных связей, разрешение возникающих социальных проблем. Выгоды, которые предприятия смогут получить от перехода на выпуск гражданской продукции, в этот период будут невелики. В дальнейшем по мере развития конверсионных процессов соотношение «выгоды — затраты» будет меняться в сторону увеличения первых. В связи с этим высказываются мнения о целесообразности оценивать конверсию путем соотношения суммарных выгод и затрат, получаемых и понесенных национальным хозяйством в течение достаточно длительного периода (не менее 10 лет). Подчеркивается также, что эффективность конверсии в современных условиях может быть оценена прежде всего по итогам реализации мер перевода на мирное использование конкретных военных предприятий. Поэтому во всем мире с большим вниманием и интересом наблюдают за конкретными практическими результатами мероприятий по конверсии военного производства в нашей стране.

Отечественные военные предприятия до конверсии военного производства привлекались к выпуску товаров народного потребления, технологического оборудования для легкой и пищевой отраслей промышленности, торговли и общественного питания. Предусматривались соответствующие задания оборонным отраслям по выпуску этих товаров и оборудования на очередную пятилетку. Закономерным итогом было и включение предприятий бывшего Минлегпищемаша СССР в состав оборонного комплекса, что дало возможность подключить его научный и производственный потенциал к решению задач, стоящих перед этим министерством. В результате в 1989 году доля продукции для народного хозяйства в общем объеме продукции оборонного комплекса составила более 40 проц. Оборонный комплекс обеспечил в 1989 году 22 проц. общего объема выпуска непродовольственных товаров народного потребления, обеспечив выпуск свыше 8000 наименований этих товаров, в том числе: 100 проц. радиоприемных ус-

ройств, телевизоров, видеомагнитофонов и швейных машин, 97 проц. магнитофонов, холодильников и морозильников, 77 проц. пылесосов, 74 проц. мотоблоков и мотокультиваторов, 66 проц. стиральных машин от общего выпуска этой продукции в стране.

Качественно иным становится участие оборонных отраслей в решении задачи по насыщению рынка товарами для народа и в выпуске гражданской продукции в связи с проведением конверсии оборонной промышленности. Если ранее мы могли говорить лишь о диверсификации военных предприятий, т. е. о наращивании объемов производства гражданской продукции без перераспределения ресурсов между военным и гражданским производством, то при конверсии происходит изменение пропорций распределения ресурсов между военным и гражданским секторами производства в пользу последнего.

Учитывая отечественный и зарубежный опыт предыдущих перестроек военной промышленности, исходя из глубины и масштабов сокращения Вооруженных Сил и расходов на оборону, в настоящее время разработана и представлена на утверждение правительства Государственная программа конверсии оборонной промышленности на период до 1995 года. В соответствии с указанной программой предусматривается конвертировать более 420 промышленных предприятий, производящих военную продукцию, со снижением объемов производства вооружения и военной техники от 5 до 100 проц.

Высвобождаемый производственный и научно-технический потенциал оборонных отраслей промышленности перекладывается на разработку новых образцов и увеличение производства гражданской продукции по следующим основным направлениям:

- непродовольственные товары народного потребления;
- технологическое оборудование для перерабатывающих отраслей агропромышленного комплекса, предприятий легкой промышленности, торговли и общественного питания;
- изделия электронной техники;
- средства вычислительной техники;
- средства связи и прежде всего телефонизация страны;
- медицинская техника;
- гражданское самолетостроение;
- гражданское судостроение;
- оборудование и приборы для экологических целей;

— космическая техника для народного хозяйства.

Выбор таких направлений обоснован острой потребностью народного хозяйства в этой продукции и ее соответствием, как правило, профилю снимаемой с производства военной техники, а также освоением номенклатуре непродовольственных товаров народного потребления и потребностям местных регионов, в которых расположены эти производства.

Кроме того, эти направления требуют высокого уровня технологий, созданных в оборонных отраслях при производстве сложных образцов и систем военной техники.

Вместе с тем, как представляется, очень важно в процессе осуществления мероприятий по конверсии военного производства не допустить, руководствуясь сиюминутными выгодами, низведения технологического уровня конвертируемых предприятий до среднесоюзного уровня. Эти предприятия необходимо сориентировать на производство сложной, высокотехнологичной техники гражданского назначения. При пересмотре инвестиционной политики в развитии народного хозяйства требуется трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию и в порыве отрицания прошлых ценностей не уйти от основных направлений развития мирового прогресса. В этой связи чрезвычайно вредными являются выступления отдельных публицистов, призывающих урезать наши космические программы, видя выгоду только сегодняшнего дня, но забывая о дне завтрашнем. Эта отрасль, впитавшая в себя достижения сотен направлений техники, может и должна быть генератором технологических нововведений, дающих соответствующие импульсы всем отраслям народного хозяйства, аккумулирующих лучшие технические достижения нашей страны.

Если раньше приходилось говорить о непроницаемой стене между военными и гражданскими отраслями промышленности, когда перелив технологических достижений оборонных отраслей в гражданские не происходило, то теперь положение меняется. Политика гласности и открытости в международных отношениях дает свои плоды и внутри страны. Программой конверсии предусматривается выполнение конкретных мероприятий по передаче научно-технических достижений в гражданские отрасли. Недопустимо, когда такие высокотехнологичные отрасли промышленности, как авиационная, выступающая в роли разработчика высоких технологий,

выпускает товары народного потребления ниже своих возможностей. Выход здесь должен быть в наращивании производства гражданской авиационной техники нового поколения как для внутрисоюзного потребления, так и поставки на международный рынок. Это тем более важно сейчас, когда внутри страны ощущается острая нехватка современных самолетов и вертолетов для перевозки грузов и пассажиров. Новые самолеты должны быть более качественными, экономичными и иметь различные сферы применения. Только решение этой задачи позволит вести речь о выходе на международный рынок гражданской авиации.

Под воздействием нового политического мышления осуществляется перестройка народнохозяйственной экономики внутри страны, происходят позитивные изменения и на международной арене. Удалось добиться улучшения советско-американских отношений. Идет процесс нормализации обстановки в Европе.

Однако практика показывает, что американская политическая и военная стратегия, как и прежде, исходит из неизбежности длительной политической, военной и экономической конфронтации США и СССР. США не скрывают, что, опираясь на свои преимущества в объеме национального дохода и современной технологии, они рассчитывают уже в ближайшие годы осуществить крупный рывок в создании новых средств вооруженной борьбы, резко изменить стратегический баланс сил в свою пользу.

В планах строительства вооруженных сил США и других стран НАТО главные усилия сосредоточены на качественном совершенствовании всех компонентов и видов вооруженных сил за счет существенных изменений в организационных структурах войск в интересах придания им большей мобильности, гибкости боевого применения, наступательных возможностей, а также технического перевооружения на новейшие виды оружия. В США активно проводятся НИОКР по программе СОИ, реализация которой может оказать существенное влияние на военно-стратегическую обстановку. Выполнение текущих и перспективных программ военного строительства США и НАТО обеспечивается значительными военными расходами. В 1989 году общие расходы стран НАТО на военные цели составили 481,5 млрд. долларов, в том числе в США — 307,7 млрд. долларов.

Анализ политической и военно-стратегической обстановки позволяет сделать вывод о том, что военная мощь США и НАТО в ближайшей перспективе не уменьшится. Более того, нельзя не считаться, во-первых, с возможным изменением не в нашу пользу расстановки политических сил в мире, и особенно в Европе, во-вторых, с опасностью подрыва сложившегося примерного военно-стратегического паритета в случае форсирования, прежде всего США, программ создания новейших видов вооружений на базе перспективных технологий.

Все говорит о том, что осуществляемый в США комплекс крупных политических, военно-технических и стратегических программ имеет своей долгосрочной целью создание условий, при которых они могли бы беспрепятственно оказывать на СССР политическое и военное давление, а при необходимости развязать войну с наименьшим для себя риском. Особую опасность для нашего государства представля-

ют: совершенствование стратегических ядерных сил, планы модернизации тактических ядерных средств, попытки придать мощный наступательный потенциал силам общего назначения на базе широкого внедрения высокоточных боевых средств. Поэтому питать какие-либо иллюзии вряд ли возможно. Надо реально оценивать военную угрозу.

Действительно, перед Вооруженными Силами СССР на первом плане всегда была задача обеспечения мира, недопущения и предотвращения войны. Казалось бы, это является задачей политической. Однако дипломатия может быть эффективной лишь тогда, когда за ее спиной стоит реальная сила. Политические средства и меры окажутся действенными лишь в том случае, если будут опираться как на экономическую мощь государства, так и на готовность Вооруженных Сил СССР решить стоящие перед ними задачи.

*Полковник В. А. ШЕСТАКОВ,
подполковник А. К. МАКАРЕНКОВ*

Только ли эхо прошлого?

Мы сегодня справедливо говорим о ликвидации «белых пятен» в нашей истории. Редакция получает множество писем, в которых читатели вновь и вновь ставят вопрос о причинах нападения фашистской Германии на СССР, о том, как Гитлер готовил это нападение, какие идеи питали его бредовые планы расчленения СССР и поголовного истребления народов, населяющих нашу страну. Эти идеи и планы в концентрированном виде изложены в книге Гитлера «Майн кампф». Мы начали печатать те отрывки из книги, в которых речь идет об СССР. Люди должны знать, как говорится, из первых рук, что им готовил фашизм, какое будущее ожидало украинцев и белорусов, прибалтов и молдаван, русских и татар — все народы СССР, победы в той войне Гитлер.

Читая людоедские строки «Майн кампфа», диву даешься, что сегодня кто-то утверждает: мол, войну СССР мог предотвратить. Гитлер — это синоним войны и разбоя, концлагерей и газовых печей, виселиц и массовых расстрелов, это истребление народов ради «жизненного пространства» для избранных, в число которых входили, разумеется, только «чистопородистые арийцы». Гитлер — это поголовное истребление наций и народов.

Сегодня на иных демонстрациях поднимают лозунги, в которых пытаются ставить фашистов и коммунистов чуть ли не на одну доску. Это либо полная пустоголовость, либо авторы лозунгов сами махровые фашисты. С фашистами и поступать надо как с фашистами. А вот тем, у кого на сей счет ветер в голове, полезно почитать фашиста № 1, отрывки из книги которого мы опубликовали. Мозг отказывается воспринимать то, что писал этот людоед. Но ведь именно эти идеи, эти призывы и теоретизирования стали той почвой, на которой и родился план «похода на восток», принесший неисчислимые жертвы нашему народу.

«Белые пятна» — это не только, когда ты чего-то не знаешь о своей истории. «Белые пятна» — это когда ты не знаешь своего самого злейшего врага, самого злейшего врага твоего народа; какую участь готовил он тебе и твоему народу.

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ РОКОССОВСКИЙ

РОКОССОВСКИЙ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ (1896—1968), Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Член КПСС с 1919 года. Участник первой мировой войны. В Советской Армии с 1918 года. В гражданскую войну был командиром кавалерийского полка. В 1929 году окончил курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии имени М. В. Фрунзе. С ноября 1940 года — командир 9-го механизированного корпуса. В июне 1941 года — генерал-майор. В начале войны командовал 9-м механизированным корпусом, с августа 1941 года — 16-й армией, с июля 1942 года — Брянским, с

сентября — Донским, с февраля 1943 года — Центральным, с октября — Белорусским, с февраля 1944 года — 1-м Белорусским, с ноября 1944 года по июнь 1945 года — 2-м Белорусским фронтом.

Войска под командованием К. К. Рокоссовского успешно действовали в Смоленском сражении 1941 года, в Московской, Сталинградской и Курской битвах, в Белорусской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях.

После войны — главнокомандующий Северной группой войск (1945—1949). В октябре 1949 года по просьбе правительства ПНР с разрешения Советского правительства К. К. Рокоссовский был назначен министром Национальной обороны и заместителем председателя Совета Министров ПНР. Маршал Польши. Избран членом Политбюро ЦК

ПОРП и депутатом сейма. По возвращении в СССР с 1956 года — заместитель министра обороны СССР. С июля 1957 года — главный инспектор — заместитель министра обороны, с октября 1957 года командовал войсками Закавказского военного округа. В 1958—1962 гг. — заместитель министра и главный инспектор Министерства обороны СССР. С апреля 1962 года — в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Кандидат в члены ЦК КПСС с 1961 года. Депутат Верховного Совета СССР в 1946—1949 гг. и с 1958 года. Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, шестью орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова I степени. Удостоен ордена «Победа». Урна с прахом находится в Кремлевской стене. Бронзовый бюст установлен в городе Великие Луки Псковской области.

Родился в г[ороде] Варшаве в 1896 году в рабочей семье. Отец — рабочий машинист на Риго-Орловской, а затем Варшавско-Венской жел[езной] дороге. Умер в 1905 году. Мать — работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году. Никаких родственников за границей не имею и не имел. Женат на уроженке г[орода] Кяхта БМ АССР. Отец жены состоял в артили ломовых извозчиков, перевоза грузы на участке Кяхта — Улан-Удэ. Умер в 1933 г[оду]. Мать — домашняя хозяйка. Умерла в 1934 году. Жена до Октябрьской революции училась в Кяхтинской гимназии. С 1919-го до выхода замуж (1923 г.) работала в Кяхтинской городской библиотеке. В настоящее время один брат работает бухгалтером в Новосибирске, второй — шофером в Кяхте, третий — чертежником в инженерной академии в Москве. Сестры: одна работает в Новосибирске на почте, другая замужем за командиром пограничной заставы (Средняя Азия), третья за старшим политруком — работником

БУРКА в г. Москве и четвертая за слушателем академии моторизации и механизации в г. Москве.

Самостоятельно начал работать с 1909 года. Работал рабочим на чулочной фабрике в г. Варшаве (предмestье Прага) до 1911 г[ода] и с 1911 г[ода] до августа 1914 г[ода] работал каменотесом на фабрике Высоцкого в г. Гройцы Варшавской губернии.

Окончил четырехклассное городское училище в 1909 г[оду] в г. Варшаве (предмestье Прага).

С августа 1914 г[ода] — на военной службе в старой армии рядовым и младшим унтер-офицером (в 5-м драгунском Каргопольском полку (5-й кавдивизии), в котором прослужил без перерыва до октября месяца 1917 года. В октябре 1917 года вступил добровольно в Красную гвардию в Каргопольский красногвардейский отряд рядовым красногвардейцем, а в ноябре 1917 года был избран помощником начальника этого отряда. В августе 1918

года отряд переформирован в 1-й Уральский им[ени] Володарского кавполк, в котором я получил назначение командиром 1-го эскадрона.

В феврале 1919 года полк переформирован во 2-й Уральский отдельный кавдивизион 30-й стр[елковой] дивизии — назначен командиром этого дивизиона. В январе 1920 года дивизион развернулся в 30-й кавалерийский полк 30-й стр[елковой] дивизии, я назначен командиром этого полка. В августе 1920 года с должности командира 30-го кавполка переведен на должность командира 35-го кавполка 35-й стр[елковой] дивизии. В октябре 1921 года переведен командиром 3-й бригады 5-й Кубанской кавалерийской дивизии.

В октябре 1922 года в связи с переформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавполка этой же бригады. В июле 1926 года назначен инструктором отдельной Монгольской кавдивизии (МНР) г. Улан-Батор. В этой должности пробыл до июля 1928 года и был назначен командиром-комиссаром 5-й Отдельной Кубанской кавбригады (Даурия). В феврале 1930 года переведен на должность командира-комиссара 7-й кавдивизии 3-го кавкорпуса.

В феврале 1932 года переведен на должность командира-комиссара 15-й Отдельной Кубанской кавдивизии (Даурия). В мае 1936 года переведен на должность командира-комиссара 5-го кавкорпуса.

Участвовал в боях: в составе Каргопольского красногвардейского кавотряда в должности помначотряда — в подавлении контрреволюционных восстаний в районе Вологды, Буй, Галича и Солигалича с ноября 1917 г[ода] по февраль 1918 г[ода]. В боях с гайдамаками, анархобандитскими отрядами Ремнева и в подавлении анархистских контрреволюционных выступлений в районе Харьков, Унеча, Михайловский хутор, Карачев-Брянск с февраля 1918 г[ода] по июль 1918 г[ода].

С июля 1918 года в составе этого же отряда переброшен на восточный фронт под Свердловск и участвовал в боях с белогвардейцами и чехословаками под ст. Кузино, Свердловском, ст. Шамары и Шаля до августа 1918 года.

С августа 1918 года отряд переформирован в 1-й Уральский имени Володарского кавполк — назначен командиром 1-го эскадрона. С августа 1918 г[ода] занимал последовательно командные должности: командира эскадрона 1-го Уральского

им[ени] Володарского кавполка, командира 2-го Уральского отдельного кавдивизиона, командира 30-го кавалерийского полка, находясь на Восточном фронте (3-я и 5-я армии), участвовал в боях до полного разгрома колчаковской белой армии и ликвидации таксой. В 1921 году участвовал в боях против белогвардейских отрядов барона Унгерна до полной их ликвидации, состоя в должности командира 35-го кавполка.

В 1923 и 1924 гг. участвовал в боях против вышедших на территорию СССР (Забайкалье) белогвардейских банд генерала Мыльникова, полковников Деревцова, Дуганова, Гордеева и есаула Щедрина до полного их уничтожения (был начальником Сретенского боевого участка). В 1929 году, командуя 5-й Отдельной Кубанской кавбригадой, участвовал в боях под г. Маньчжурией, Чжалайнором-Хайларом...

Гражданскую войну провел, находясь в строю на фронте без всяких перерывов. Дважды ранен. За боевые отличия на фронте трижды награжден орденом Красного Знамени. За высокие достижения в области боевой подготовки частей награжден орденом Ленина.

Состоя на службе в РККА, окончил ККУКС в 1925 году в г[ороде] Ленинграде. Окончил КУВНАС при академии им[ени] Фрунзе в г. Москве в 1929 году. Окончил кружок марксистско-ленинской подготовки при ККУКС в г. Ленинграде в 1925 году.

В ВКП(б) вступил в марте 1919 года, в парторганизацию 2-го Уральского отдельного кавдивизиона (30 сд), которой и был принят. Партбилет № 3357524. Партийным взысканиям не подвергался. В других партиях не состоял. Ни в каких антипартийных группировках не состоял и никогда от генеральной линии партии не отклонялся и не колебался. Был стойким членом партии, твердо верящим в правильность всех решений ЦИКа, возглавляемого вождем тов. Сталиным.

В белых армиях не служил. В плен не попадал. За участие в первомайской рабочей демонстрации в 1912 году подвергнут месячному тюремному заключению. С июля 1926 г[ода] по июль 1928 г[ода] был в г. Улан-Баторе (МНР) в качестве инструктора Монгольской кавдивизии. С августа 1937 года по март 1940 года находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела.

Комдив [РОКОССОВСКИЙ]

4 апреля 1940 г[ода].

НЕИЗВЕСТНОЕ О ТУХАЧЕВСКОМ

В ЦЕНТРАЛЬНОМ государственном архиве Октябрьской революции СССР хранится небольшой документ размером со школьную тетрадь. В нем — воспоминания о М. Н. Тухачевском.

К сожалению, о судьбе автора воспоминаний В. Посторонкине почти ничего неизвестно. По дате и месту написания можно предположить, что он — бывший офицер. Белогвардеец. Эмигрант. Но как сложилась в дальнейшем его судьба? И о главном. Как отнестись к этому документу? Завидовал ли Посторонкин Тухачевскому? Ведь «некоторые из его завистников, оказавшиеся в числе белоэмигрантов и считавшие его изменником своему классу, сочинили немало небывлиц о необыкновенном тщеславии, властолюбии, жестокости «красного генерала» из дворян»¹. А зависть способна на многое. Как бы то ни было, но вот такой архивный документ.

ТУХАЧЕВСКИЙ

по личным воспоминаниям составил
Владимир Никитич Посторонкин

15 июня 1928 года

в Праге Чешской

От автора

Приступая к изложению в настоящем историческом очерке воспоминаний о личности Тухачевского, автор считает предпослать нижеследующее: Тухачевский был фельдфебелем Александровского военного училища в 1913—1914 учебно-военном году, в то время как автор состоял юнкером Алексеевского военного училища. Совместная служба по Москве всех обучавшихся в этих двух училищах-близнецах слишком близко соприкасалась, что было связано воедино обстоятельствами служебной подготовки по стрельбе, лагерно-полевой и тактическо-маневренной.

Кроме того, посещая друг друга в праздничное и внеслужебное время в стенах своих училищ, юнкера близко знакомились один с другим.

Этим-то именно обстоятельствами автор кратко желает осветить юнкерскую службу Тухачевского...

Происходя из небогатой дворянской семьи, несколько членов которой служили когда-то на военной службе, Тухачевский блестяще вице-фельдфебелем окончил кадетский корпус и был назначен для прохождения курса наук в Александровском военном училище.

С 1 сентября 1912 года он был зачислен в списки Александровского военного училища юнкером 2-й роты.

Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров.

19-летний юноша (Тухачевский родился в 1893 г.) быстро вживается в обстановку жизни юнкера тогдашнего времени. Дисциплинированный и преданный требованиям службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной является он сам, сторонится сослуживцев и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем роты или старшим портупей-юнкером.

На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга. Буду-

¹ Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский. — М.: Воениздат, 1990. — С. 23.

чи назначен[ным] часовым в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На все это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили [в пример] его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках.

Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к «карьере», он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку.

По службе у него не было ни близких, ни жалости к другим. При переходе в старший класс он получает приз-награду за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи (выдавалось одно из сочинений известных авторов по тактике). Далее, за глазмерное определение расстояний и успешную стрельбу получает благодарность по училищу.

Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он получает первый приз на турнире училища весной 1913 года — саблю только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя.

В дни Романовских торжеств, когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось в период приезда государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце, портупей-юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполняет караульные обязанности, возложенные на него.

Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, ознакомившись из краткого доклада

ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского.

В 1913 году, уже на старшем курсе, Тухачевский был назначен фельдфебелем своей 2-й роты. Учился он очень хорошо, в среде же своих однокурсников он не пользовался ни симпатиями, ни сочувствиями; все сторонились его, боялись и твердо знали, что в случае какой-либо оплошности ждать пощады нельзя, фельдфебель не покроеет поступка провинившегося. С младшим курсом фельдфебель Тухачевский обращался совершенно деспотически: он наказывал самой высшей мерой взыскания за малейший проступок новичков, только что вступивших в службу и еще не свикшихся с создавшейся служебной обстановкой и не втянувшихся в училищную жизнь.

Обладея большими дисциплинарными правами, он полной мерой и в изобилии раздавал взыскания, никогда не входя в рассмотрение мотивов, побудивших то или иное упущение по службе...

Однако в служебной деятельности в роли фельдфебеля роты юнкеров требовательный и беспощадный Тухачевский оставил глубокий след в жизни училища: создался целый ряд конфликтов и инцидентов, имевших тогда печальные последствия. По докладу фельдфебеля два юнкера 2-й роты были переведены в Алексеевское военное училище: Немчинов Евгений за то, что позволил себе заметить фельдфебелю его излишнюю придирчивость, выразившуюся в ряде мелких замечаний, которые наконец вывели из терпения упомянутого юнкера, и отчислен из училища Маслов Георгий (впоследствии был убит в бою с немцами) за то, что не в силах выдержать режима в роте, создавшегося под действием Тухачевского, выразил желание пожаловаться на излишнюю по службе требовательность фельдфебеля, назначавшего его безоглядно на все очередные и неочередные обязанности, вредно отзывавшиеся на учебной деятельности юнкера. Эти два конфликта, в результате имевшие лишь перевод из училища в училище, закончились благополучно.

Трое же юнкеров: Красовский, Яновский и Авдеев — по докладу фельдфебеля были переведены начальником училища генерал-майором Геништой в 3-й разряд по поведению; несчастные юноши, самолюбивые и решительные, один за другим поочередно в короткий период (в течение двух месяцев) покончили с собой. «Протекцию» для перевода в третий разряд по поведению

означенным юнкерам составил исключительно фельдфебель Тухачевский.

Красовский отправился в городской отпуск, будучи подвергнут[ым] лишению отпуска лично фельдфебелем, причем на эту крайность решился лишь после того, как фельдфебель несколько недель подряд лишал его права на отпуск.

Авдеев отправился в отпуск в неформенном обмундировании, приобретенном на собственные средства, и хотя дежурный офицер не обратил никакого внимания на это обстоятельство, тем не менее фельдфебель доложил ротному командиру и настаивал на строжайшем взыскании с виновного.

Яновский был доведен до самого подавленного состояния тем обстоятельством, что фельдфебель наказал его неотлучкою, не разрешил ему отправиться на свидание с приехавшей из провинции сестрой. Фельдфебель не мог отменить наложенного им взыскания, несмотря ни на какие мольбы и доводы несчастного юнкера. Яновский, оставшись в роте, застрелился в умывальной комнате, и труп его был обнаружен лишь после вечерней переклички. Все это едва не вызвало расследований главного начальства военно-учебных заведений. Тем не менее властный и самолюбивый, но холодный и уравновешенный Тухачевский был постоянно настороже, чутко озираясь на все, что могло бы так или иначе угрожать его служебной «карьере».

Окончательно за время пребывания в училище характер Тухачевского сложиться не мог, но из всего изложенного возможно уже усмотреть основные черты, доминирующие во всех описанных проявлениях и действиях ярко вырисовывавшегося склада его характера, деятельности его юнкерской жизни.

По окончании Александровского военного училища Тухачевский был произведен в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, был назначен в 6-ю роту, которой тогда командовал Веселого, капитан, один из достойных и боевых офицеров гвардии, по собственному желанию участвовавший с отличиями в русско-японской кампании.

Прекрасная подготовка, полученная Тухачевским в первоклассном училище, быстро сказалась блестящими его действиями, начиная с первого же боя. Особенно отличается 6-я рота в бою под фольварком Викмундово. Капитан Веселого получил орден Св. Георгия 4-й ст[епени], подпоручик Тухачевский, как младший офицер

6-й роты, — Св. Владимира 4-й ст[епени] с мечами и бантом. Эта награда совершенно его не удовлетворяет.

В бою 5 ноября 1914 года под посадом Скала Тухачевский был ранен и эвакуирован в город Москву. Здесь автор, тоже раненный, в последний раз встретился с Тухачевским, который особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады — его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й ст[епени] не осуществилась.

В Ломжинских боях, в ночь с 20 на 21 февраля 1915 года, Тухачевский при невыясненных до настоящего времени обстоятельствах попадает в плен... Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходивших их немцев. Командир роты, капитан, на ходу вступает в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселого. Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...

Когда он вернулся из плена на Родину, терзаемую смутами и беспорядками, он примкнул к тому лагерю, где, по его расчетам, было легче сделать карьеру, не теряя ничего, и без особенного риска достичь высокого положения и широкой известности...

Публикацию подготовил В. А. АЛЕКСЕЕВ

Были очень рады, узнав о вашем журнале. А начав читать «ВИЖ», убедились в его бесспорном преимуществе перед «желтой» прессой типа «Огонька», «Октября», «Московских новостей». В № 28 «Огонька» за 1990 год В. Коротич с бешеной злобой набросился на «ВИЖ», достойно, исторически точно и справедливо отражающий историю нашего социалистического государства. «ВИЖ» отстаивает социалистическое единство и дружбу всех народов в противовес «Огоньку», который из номера в номер сеет национальную вражду между народами и республиками СССР, вражду к нашей армии, вызывает к ней ненависть, натравливает на нее народ, молодежь, порочит подвиги старшего поколения — участников Великой Отечественной войны.

Что можно ждать от издания, пропагандирующего гомосексуализм, наживу, жестокость и одновременно выступающего против всего советского. В журнале систематически печатаются материалы и фото, в которых ярко выражено издевательское отношение к В. И. Ленину, социализму, коммунизму.

Больно и обидно читать на стенах домов в Киеве «Москали, геть з Києва». Мы — украинцы, и уверены, что весь украинский народ против экстремизма и национализма, подогреваемого «Огоньком» и подобными ему изданиями.

«Огонек» постоянно выступает с провокациями, что, дескать, военные готовят переворот, лживо уверяет о якобы готовящихся еврейских погромах. И в то же время ни словом не обмолвится о широкой сионистской деятельности в нашей стране, о проведенном сионистском съезде в Москве с участием представителей сионистских организаций более чем из 70 стран. В «Огоньке» № 22 за 1990 год в рубрике «Прошу слова» Г. Арбатов лживо и тенденциозно осветил выступления на Съезде народных

депутатов СССР генерала Овчинникова, адмирала Чернавина, генерал-майора Кириленко и особенно маршала Ахромеева. А ведь истина заключается как раз в том, что Арбатов и К^о делают все для того, чтобы подорвать обороноспособность нашей страны (односторонне разоружить армию, поставить СССР в зависимость от других стран, и прежде всего США). Арбатов, Коротич делают все, чтобы подорвать мощь нашей армии, в то время как США усиливают свою, укрепляют НАТО, Коротич и Арбатов пытаются усыпить бдительность народа, убаюкивают его словами о том, будто военной угрозы нет. Арбатов, восхваляя себя, говорит, что главным источником информации у него была западная печать. Вот, оказывается, где собака зарыта. Арбатов верит и смотрит в рот только Западу и соответственно выступает выразителем интересов Запада.

Нас не удивляет ложь в газете «Известия» в адрес генерала Макашова. Разве не правда, что социалистические позиции сдаются одна за другой? Завоевания, достигнутые ценой миллионов жизней, сдаются без протеста и возмущения. А в статье А. Лиханова берутся под сомнение факты добровольческого вступления в армию во время Великой Отечественной войны. Автор считает это безумством. Ошибаетесь вы, Лиханов. Мы шли добровольцами не страхом гонимые, а движимые высоким духом патриотизма, большой любовью к социалистической Родине, верностью партии Ленина.

К. А. ПРОДАН, Ф. Р. ШКУРАПЕТ,
В. А. ПОНОМАРЕНКО, В. Р. РМЕ-
ЧИЦКИЙ, В. П. ПРИХОДЬКО, Е.
А. ПОЛЕВОВА, А. И. ФРАНЧУК,
А. С. РЯБОВ, С. П. КРЕСТОВА
и другие. Всего 29 подписей.

(ггт Боровая Киевской области,
УССР)

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ» В 1990 ГОДУ

К 72-й ГОДОВЩИНЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

- М. А. Моисеев — Вооруженные Силы: перестройка, проблемы, замыслы 2

ЦЕНА ПОБЕДЫ

- А. Н. Клейменов — По долгу памяти 4
Я. И. Макаренко — Последние строки с той, Великой 5

ИЗ АРХИВОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

- С. Ф. Бегунов, А. В. Литвинчук, В. А. Сутулов — Вот где правда, Никита Сергеевич! 1, 2
Ю. А. Горьков — Мог ли пасть Берлин в феврале 1945 года 5
В. Р. Журавлев, Б. Е. Пестов, Н. М. Емельянова — Кого мы должны помнить? 6, 8
А. С. Прокопенко — «Мы готовы. Все погружено. Завтра выступаем» 1

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

- Н. Ю. Березовский — Как Троцкий и К° разваливали флот 3
В. А. Бобринев — Обнаженный фашизм 3
Ю. Н. Зоря, А. С. Прокопенко — Нюрнбергский бумеранг 6
В. М. Копылов — Дашнаки 8, 9
В. П. Крикунов — Загадка гибели генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова 1
С. Г. Нелипович — Позиция Б. Х. фон Мюнниха в дискуссии 1725 года о сокращении армии и военного бюджета России 8
Присяга на подданство России 10
В. А. Рыбин — Одежда, вооружение, снаряжение Преображенского и Семеновского полков 1
А. В. Шафров — О чем писал Врангель 7
Н. Ф. Шахмагонов — Российский военный гений 10

В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

- П. Ф. Ващенко — Если бы Финляндия и СССР 1
Военный министр РСФСР? 11
Г. Л. Дадияни — Советско-польская война 1919—1920 гг. 5
И. В. Иванов — Направленность румынских публикаций по истории 12
Л. Г. Ивашов, А. С. Емелин — По ленинскому декрету 2
Н. В. Калущий — Московская битва 4
Ф. Б. Комал — Военные кадры накануне войны 2
А. А. Никифоров — Русско-румынские отношения и формирование границы 12
А. М. Носков — Северный узел 7
С. Н. Осипов — Осень 1939 года: к вопросу о польских военнопленных 3
П. С. Петров — Фактическая сторона помощи по ленд-лизу 6
В. И. Прибылов — Почему ушла армия Андерса 3
В. И. Прибылов — «Захват» или «воссоединение»? 9, 10
А. С. Сухинин — Огонь и меч готовы к истреблению 12
Джон Н. Хазард — «...На защиту американских интересов» 6
Человек и война 9

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

- Н. Л. Анисимов — Обвиняется Ульянов-Ленин 11
И. Н. Венков — «Допустить размещение войск...» 4
В. П. Галицкий — Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) 9
С. А. Герлов — СССР и территориальные проблемы Литвы 7
А. Г. Донгаров — Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? 3
А. Н. Кицхия — Советские немцы: откуда, куда и почему? 8, 9
С. Т. Логинев — Ее величество реальность 1
А. Г. Майданов — Рассудит Клио 5
В. И. Прибылов — Был ли выбор? 2

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

- Л. Г. Ивашов — От «юнкерса» 1941 года к «цеснею» 1987-го 6
 А. С. Прокopenко, А. С. Сухинин — Бабий Яр под Катынью? 11,12
 А. С. Феклисов — Подвиг Клауса Фукса 12

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ, ВЕРСИИ

- Н. А. Андреева — Исторические причуды 6
 О. В. Наумов, А. П. Менароков — Глазами американского историка 12
 А. В. Павлов — О главных причинах 10
 А. С. Савин — Перестройка и история 4
 Марк фон Хаген — Армия и общество в 20-е годы 12

ПАТРИОТИЗМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

- Ю. М. Баграев — Тбилиси: апрель семидесяти девятого 1
 Г. Ключарев — Кому это выгодно 4
 Национальные военные формирования: вчера... сегодня? Завтра? 5
 В. Г. Провоторов — Баку, начало девяностого 7
 В. Г. Сафронов — Как это было 5
 М. Штегельман — Чудо-богатырь — солдат 4

Трибуна писателя

- В. С. Бушин — Мой уважаемый молодой депутат 3
 Л. М. Леонов — Родина и Вера 5
 Булат Окуджава, А. И. Фролов — Поэтический диалог 3

Армия и культура

- А. М. Горшман, В. А. Рыбин — В чужом мундире? 5
 Б. Е. Пестов — Командир бригады 10
 Ю. А. Трамбицкий — Его любили солдаты 2
 Ю. А. Трамбицкий — Стократ священ союз меча и лиры! 9

Трибуна учителя истории

- Н. Я. Серова — Да ущитимся щиты своими 11

Эпоха в автобиографиях

- Александр Михайлович Василевский 4
 Георгий Константинович Жуков 5
 Григорий Иванович Кулик 3
 Родион Яковлевич Малиновский 4
 Дмитрий Григорьевич Павлов 2
 Яков Тимофеевич Черевиченко 3
 Константин Константинович Рокоссовский 12

Советская военная разведка

- П. И. Ивашутин — Докладывала точно 5
 М. И. Полякова — По заданию Я. К. Берзина 3
 М. Л. Тополь — Виза на убийство 11

Вторая мировая война

- Шарль де Голль — Шеренга 3, 4
 Н. Я. Гончаренко — Итальянцы в Белоруссии 1
 А. Н. Колесник — Был ли И. М. Майский английским агентом? 3

В странах социализма

- Й. Фориж — О контрреволюции в Венгрии 1956 года 8

В армиях социалистических стран

В армиях капиталистических стран

- В. И. Басс — «Невоенная» деятельность НАТО 2
 Ю. В. Мгимов — Комплектование сухопутных войск США 7
 Ульрих А. Хундт — Система внутреннего руководства бундесвера 7

Наши интервью

- М. А. Моисеев — Цена победы 3
 Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим — Отечество в наших сердцах 7

Прошлое и современность

- В. Ж. Хужоков — Укрепляя международное доверие 11

Купюры, пропуски, изъятия

- К. К. Рокоссовский — Солдатский долг 2

Из неопубликованных рукописей

- А. А. Брусилов — Мои воспоминания 2
 Л. А. Самутин — Не сотвори кумира 9,10,11

Из опубликованного

- А. Барбюс — Война с паразитической оппозицией 1
 Ю. А. Горьков — У истоков оборонительной доктрины 6
 И. Дамба — В кровавом вихре 2
 П. П. Лебедев — Государственная оборона 6,7
 Неожиданный захват Гесса в ловушку, подстроенную английской разведкой 5
 А. С. Сухинин — Катехизис для воинов 7
 Таковую «демократию» мы уже проходили в 1942 году 4
 Храм Христа Спасителя 8
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛИЦАХ И ФАКТАХ 8

Воспоминания о личном

- Глафира Блюхер — С Василием Константиновичем Блюхером — шесть лет 1

Из воспоминаний очевидца

- И. Ф. Филияев — Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс свидетельствует 5

ВНИМАНИЕ! ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ!

В. П. Крикунов — Штрафники . . . 6, 8

ВНИМАНИЕ: ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

А. С. Велидов — Домыслы и факты о деятельности ВЧК . . . 4

ИЗ ТАЙНЫХ АРХИВОВ СПЕЦСЛУЖБ
РЕЙХА . . . 5

Г. Г. Апов — Палачи . . . 6, 12

ИЗ АРХИВОВ КГБ

В. П. Крикунов — Палачи . . . 7

Неизвестное о развязке Карибского кризиса . . . 10

ИЗ АРХИВОВ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

А. Ю. Сумароков — «Туркестанскому генерал-губернатору..» . . . 11

ТРИБУНА ВОЕННОГО ЮРИСТА

В. И. Васильев — Противостояние . . . 4

ИССЛЕДУЯ СУДЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Н. Л. Анисимов, В. Г. Олпоков — Слуга анархии и порядка . . . 2, 4, 10

А. Ф. Катусев, В. Г. Олпоков — Иуды . . . 6

Б. С. Попов, В. Г. Олпоков — Бериевщина . . . 1, 3, 5

ОСУЖДЕННЫ ПО ЗАКОНУ

А. Е. Борискин — Лицедеи . . . 10

Л. Т. Заика, В. А. Бобринев — Атаман Анненков . . . 10

А. Ф. Катусев — Чужая слава . . . 3, 9

ФАРС И ТРАГЕДИЯ

В. А. Авдеев — Поезд последнего русского императора . . . 9

О. В. Головникова, И. И. Волкодаев — Поезд Троцкого . . . 9, 12

КАК ЭТО БЫЛО

Г. Т. Хорошилов — Хуже лжи . . . 11

ФАШИЗМ: ТЕОРИЯ И ПЛАНЫ

Н. С. Владимиров — Только ли это прошлого? . . . 11

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

А. В. Безносоз — Секрет «Базис Норд» . . . 7

В. М. Галайко — Из единой любви к Родине . . . 5

В. А. Дуров — Русско-японская война 1904—1905 гг. в боевых наградах . . . 9

А. Ф. Редигер — История моей жизни . . . 6

В. А. Рыбин — Казачьи войска . . . 7

Л. Я. Сает — А. Ф. Редигер и его воспоминания . . . 6

А. С. Сергеев — Краткая хроника Донского казачьего войска . . . 7

Н. Ф. Шамагазов — Не прикажете ли вешать? . . . 11

А. И. Шишканов — Военный историк А. Н. Де-Лазари . . . 3

С. Р. Серков — Первые ордена России . . . 1

С. Р. Серков — Орден Святого равноапостольного князя Владимира . . . 3

С. Р. Серков — Орден Святой Анны . . . 5

С. Р. Серков — Орден Святого Станислава . . . 6

С. Р. Серков — Ордена Белого Орла, «Виртути милитари», Святого Иоанна Иерусалимского . . . 7

Г. К. Федоров — Георгиевские награды . . . 2

ВПЕРВЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

А. С. Прокопенко — Чего хотел Тухачевский . . . 8

ХРОНИКА, ФАКТЫ, НАХОДКИ

И. В. Деревянко — «Как сдали Порт-Артур» . . . 1

И. В. Обьедкоз — Русские офицеры на V Олимпийских играх . . . 1

ПО АРХИВНЫМ ФОТОДОКУМЕНТАМ

Т. Ю. Бурмистрова, А. А. Литвин — Россия на фронтах первой мировой войны . . . 2

А. С. Сергеев — Советско-финляндская война . . . 1

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА С ФРОНТА 1, 3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. В. Галактионов, Ю. Ф. Соколов — Великий год России . . . 7

О. К. Грачева — «Привет с фронта!» . . . 10

М. И. Гросман — Военная история ФРГ . . . 8

И. А. Климов — Ратная слава Отчизны . . . 6

П. Ф. Космолинский — Стрельцы, гусары, мушкетеры . . . 3

В. Н. Лобов — Фотолетопись второй мировой . . . 8

ЧИТАТЕЛЬ: УСЛЫШАТЬ, ПОНЯТЬ, ОТКЛИКНУТЬСЯ

И. В. Левченко — Диалог продолжается . . . 1

«Мне с тобой, журнал, интересно» . . . 6

СПРАШИВАЕТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Я. М. Горелик — Можно ли верить дневникам Гальдера? . . . 8

В. Ф. Патрушев — Мистер Твистер — любимец «Взгляда» . . . 5

В. К. Петров — Кто такой П. Г. Григоренко? . . . 10

И. В. Тимохович — «Вызывает сомнение...» . . . 9

А. А. Чайка, Г. М. Стрельников — Офицерское собрание . . . 3

В. М. Шабанов — Из дневника Н. В. Брусиловой . . . 8

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Б. Е. Пестов — Погиб? Пропал без вести? Жив? . . . 4

Сегодня со стоном сожаления поем о поручиках голицыных и корнетах оболенских, не допавших до конца все станицы и города в гражданскую войну, и печатаем в молодежных газетах реляции о зверствах чекистов, не стесняясь того, что это почерпнуто из пасквилей декинкойской и врангелевской контрразведки.

Моей Родиной сейчас руководят мои одноклассники, и я поражаюсь, до какого развала за такой короткий срок они смогли довести страну. Развалены промышленность, торговля, транспорт, добрались до армии, колхозов и совхозов, хотя каждый из нас понимает, что там остались одни старики, которые кормят огромное количество бездельников-крикунов. Понятно, кем будет раскуплена земля — всенародное достояние. И все это

свершается опять же именем народа и для его якобы блага. Какого блага? Работать на хозяина? Платить за учебу и лечение? Чем платить десяткам миллионов людей, не имеющих никаких средств, кроме зарплаты и пенсии?

Болит душа за детей и внуков, за землю нашу! И самое страшное — поколение 12—16-летних подростков, оставленных один на один с пошлостью, порнографией, проституцией, алчностью. Никому до них нет дела, комсомол уничтожен. Теперь это жалкая кучка деляг-бизнесменов, а не людей дела, идеи, действия, какими были мы в юные годы.

А. Е. ШУЛЬГА,
член КПСС с 1953 г.
(г. Томск)

Lesen Sie in diesem Heft:

A. A. Nikiforow — Russisch-rumänische Beziehungen und Bildung der Grenze
● Feuer und Schwert sind bereit zur Vernichtung (Publikation von A. S. Suchinin)
● I. W. Iwanow — Richtungen der rumänischen Veröffentlichungen zur Geschichte
● G. G. Alov — Henker ● Bombe und für... Sacharow ● A. S. Veklisov — Heldentat von Klaus Fux ● Babij Jar bei Katyn? (Publikation von A. S. Prokopenko)
● I. M. Komarow — Ruf aus der Botschaft ● Zug von Trotskij (Veröffentlichung von O. W. Golownikowa und von I. I. Wolkodajew)
● Mark von Hagen — Armee und Gesellschaft in 20-er Jahren ● A. P. Nenarokow, O. W. Naumow — Mit Augen des amerikanischen Geschichtswissenschaftlers ● A. I. Sal-kind — Für volle Wahrheit ● Ist es nur Echo der Vergangenheit? (Publikation von N. S. Wladimirow) ● Die Seite des Chefredakteurs.

Read in This Issue:

A. A. Nikiforow — Russian-Romanian Relations and Forming of the Border ● The Fire and the Sword Are Ready for Extermination (Publication of A. S. Sukhinin)
● I. V. Ivanov — Orientation of the Romanian Historical Publications ● G. G. Alov — Executioners ● The Bomb for... Sakharov Too ● A. S. Feklisov — Exploit of Klaus Fux ● Babij Jar of Katyn (Publication of A. S. Prokopenko)
● I. M. Komarov — The Peremptory Shout from the Embassy ● The Train of Trotsky (Publication of O. V. Golovnikova, I. I. Volkodaev)
● Mark von Hagen — The Army and the Society in the 1920s ● A. P. Nenarokov, O. V. Naumov — Through American Historian Eyes ● A. I. Zalkind — For the Absolute Truth ● Whether Echo of the Past Only (Publication of N. S. Vladimirov) ● Column of the Editor-in-Chief.

Кажется, очень скоро мы будем с большой водкой!

Бывший политработник, на языке невоенном — партаппаратчик, — какой махровый был этот партаппаратчик! Свидетельствую, знал его лично, вспоминаю, за марксизм-ленинизм он буквально рвал на себе рубахи, даже мне, коммунисту с 18 лет, было стыдно смотреть, когда он входил по этому поводу в раж, — так вот этот ныне, конечно же, радикал, такой же махровый, каким в недавнем прошлом был партаппаратчиком, создал что-то вроде кооператива по охране... ликероводочного завода. Ну держись, дядя Вася! Этот ура-ражец, бывший партаппаратчик, а ныне такой же радикал, вывернет тебе не только карманы в поисках чекушки, которую ты попытаешься вынести с завода, он тебе желудок вывернет, но докажет, что перед уходом с завода ты глотнул той, своей продукции. Берегись, дядя Вася! За дело взялись радикалы. Перестали отстаивать марксизм-ленинизм, взялись защищать пашаничную.

Какие только кооперативы не создают сегодня ура-ражцы. Вот теперь кооператив по охране... Конечно, все эти штучки с ликероводочным заводом — для дураков. Сегодня боссы обзаводятся амбалами-теплохранителями. В народе их называют коротко — овчарки. Во главе — ура-ражцы. Кто-то их натаскивает пока под «крышей» ликероводочного завода. Идет отработка методов, способов, приемов... А завтра эти овчарки могут появиться уже на почте и телеграфе, на мостах и перекрестках... «Закрывайте этажи, завтра будут грабежи!» Конечно, если и на этот раз им не помешает армия.

Когда-то я писал про воротил, которые уже давно обзавелись своими армиями. Какой поднялся воль опровержения от «Праеды» и «Коммуниста» до, кажется, какого-то затюканного «Советского цирка». Интересно, что они сейчас-то промямлят, ну хотя бы про эту вот кооперативную армию во главе с ура-ражцем! У меня такое впечатление, что те воротилы сегодня всерьез подумывают о приватизации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Красного флота. И я не очень удивлюсь, если какой-нибудь Федоров не попытается приватизировать, допустим, артиллерийский полк, а какой-нибудь собачек не захочет в приватное пользование заполучить атомную подлодку, а поповы и чернозолы вместо персональной черной «Волги» — что-нибудь в виде истребительно-бомбардировочного авиационного полка.

Чем на более мелкие части будет делиться страна, тем больше будет кооперативных армий. Ура-ражцы, конечно же, в своих гол-компаниях — генералы. Теперь этих псевдогенералов, наверное, больше, чем настоящих, и не только генералов, но

и полковников вплоть до лейтенантов. Вот еще один ура-ражец — Янис Легздиньш. Этот со компанией в своей кооперативной армии продвинулся дальше, чем в кооперативной армии ура-ражца. Он создал свою службу безопасности (СД). В раж вошли без «Ура!», молча. Цели им поставлены конкретные: сбор и систематизация информации по дислоцированным в Латвии воинским частям — назначение, вооружение, численный состав, система охраны... подготовка к вооруженной борьбе, направленной на захват власти в случае кризисной ситуации [которую, кстати, уже научились создавать по стране].

Вся информация должна систематизироваться с использованием компьютера и учитываться при разработке планов политических и вооруженных действий по «нейтрализации» войсковых частей и другого «потенциального противника». Для ведения вооруженной борьбы планируется использовать подразделения ранее созданных организаций в интересах и под руководством «СД». Организации эти возглавляют Я. Муцениекс, Л. Хиршонс.

Структурно «СД» должна представлять глубоко законспирированную организацию. По району и городам создавались «пятерки». Для передачи материалов предполагалось использовать «почтовые ящики». Легздиньш принял решение установить связь с зарубежьем. Цель — передача информации. Полностью в курсе планов создания «СД» был и Анспок Анда, начальник информационного отдела народного фронта Латвии. Вот вам еще один кооператив, хотя будет точнее назвать его «СП» — совместное предприятие. К сожалению, ничего нового я здесь не открываю, обо всем этом уже писано-переписано. Прискорбно другое. Фашиствующие ура-ражцы сегодня открыто подстрекают и провоцируют, устраивают платные антисоветские шашки, куда собирают кпикшествоющих старух — кому пять рублей за это, а хулиганствующим, кажется, чирик, создают кооперативные армии, «СД», «СП», глумятся и устраивают самосуды... Но вот какой феномен обнаружился в последнее время: все их идеологи, духовные наставники, теоретики, вдохновители, давние и нынешние, как они еще себя величают, пезорадикалы в кооперативе по навешиванию вторых входных дверей в собственные квартиры создали очередь на год вперед. Сегодня левые радикалы навешивают вторые двери из наикрепчайшей стали. К чему бы это! Неужели начинают прозревать! Не поздно ли хватились за ум!

Гонорар за материалы этой странички перечисляется на счет 700344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

"Марширующие тигры" в Москве

Духовой оркестр из американского городка Нью-Ричмонда москвичи и гости тепло приветствовали на улицах столицы.

До посещения Советского Союза "Тигры" побывали в Западной Германии, Швейцарии, Австрии. И везде выступления детского униформированного духового оркестра пользовались неизменным успехом.

Фото А. Е. ШАДРИНА

На первой странице обложки:
**"Огонек" — любимая
игрушка детей.**

Диву даешься, в какие крайности впадает порой редакция безызвестного журнала. На этот раз предметом ее глобальных "забот" стало разоружение... малышей в мировом масштабе. "Огонек" требует лишить их любимых игрушек. Разоружайтесь, и все тут. И неадекват детям, что за "трогательной заботой" взрослых дядей кроются далеко идущие цели. Редакция из кожи аон лезет, чтобы вызвать неприязнь к оружию вообще, даже и к тому, каким защищают Отечество.

А ведь в тех же США, на ко-

торые так любит ссылаться этот журнал, все обстоит наоборот. Утверждаю, нет а США такого магазина, торгующего игрушками, в котором бы не было богатейшего выбора игрушек военных — танки, вертолеты, космические пушки, бомбардировщики, я уж не говорю о фигурках солдат всех родов войск. Да какие игрушки! Сплошная электроника! С имитацией стрельбы, поражения цели... Настоящее произведение военно-конструкторской мысли. Они там нарасхаат, хотя стоят очень дорого. Наши военные игрушки в сравнении с теми — примитивные палочки. В одном Нью-Йорке и его окрест-

ностях несколько десятков магазинов торгуют аоенной амуницией и снаряжением. Этим товаром торгуют прямо на улице, а продавцы одеты в такую же воанную форму. Более того, в период Персидского кризиса интерес к военной форме значительно возрос. Пользуясь этим обстоятельством, не только владельцы магазинов имеют солидные барыши. Так воспитывается у американца любовь к армии США. Благо, что и у нас не все подхватило призыв "Огонька". Ведь в "Детском мире" в большом дефиците игрушечный аатомат "Огонек".

(Наш корр.)